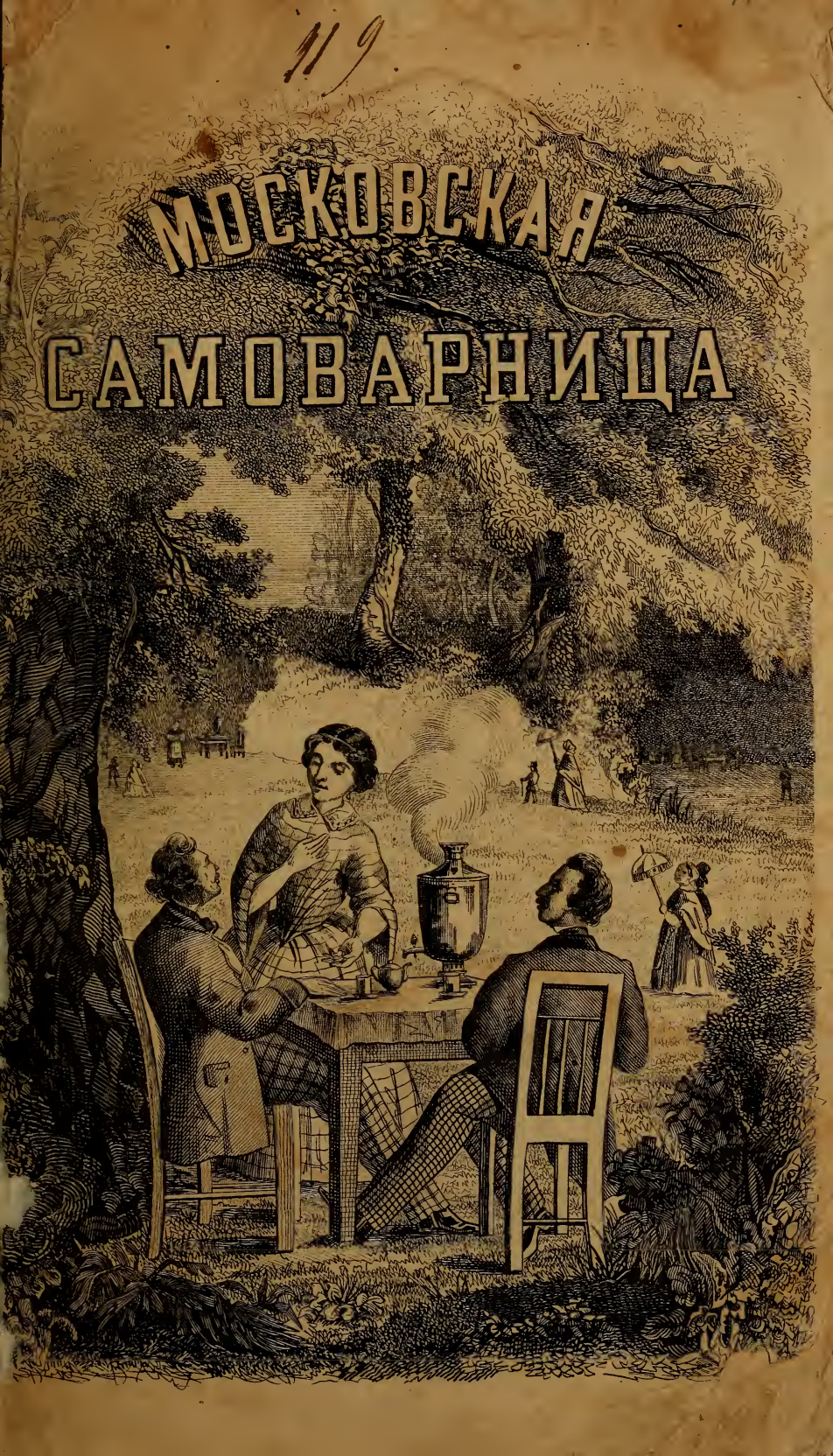
PG 3320
.M4 M6
1854
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class PG R16 B7
Book .M2

YUDIN COLLECTION

МОСКОВСКАЯ САМОВАРНИЦА



Cyr.
MED..., PEIR
MOSKOVSKAIA SAMOVARNITSA

МОСКОВСКАЯ САМОВАРНИЦА.

РАЗСКАЗЪ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Петра Мед...а.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.
1854.

PG 3320
.M4M6
1854

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1854 года, мая 7-го дня.

Цензоръ В. Флёровъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Была глубокая осень. Било шесть часовъ вечера. Темнота совершенная давно уже спустилась на Москву; тонкій дождикъ моросилъ на улицѣ, и, при порывѣ вѣтра, иногда постукивалъ въ ставни, которыя въ моемъ кабинетѣ никогда не закрываются. Я кончилъ свои занятія и не зналъ, куда дѣвать остальное время. Новые журналы давно были прочтены, новыхъ романовъ не было, а до ученыхъ книгъ я не большой охотникъ. Не отправиться ли въ театръ ? Я взялъ аффишку, но въ этотъ день, какъ нарочно, давались все водевили, и то не разъ уже игранные, а я не люблю водевилей, хотя бы разыгрывали ихъ самые лучшіе актеры наши. Я рѣшилъ отправиться къ Ивану Петровичу. Иванъ Петровичъ очень хорошій человѣкъ, весьма солиднаго свойства и съ гостепріимствомъ патріархальнымъ. У него всегда бываетъ прекрасное общество: образованные и умные мужчины, милыя и остроумныя женщины. Здѣсь вы не встрѣтите людей, которые

разыгрываютъ на своей физіономіи самыя пріятныя штучки предъ людьми случайными и готовы насолить вамъ при первомъ удобномъ случаѣ, если узнаютъ, что вы не важная особа. Разговариваютъ здѣсь всегда одушевленно и хорошо, а главное—никогда не молчатъ, и я надѣюсь услышать какую-нибудь занимательную исторію, какъ третьяго дня. Иногда старики играютъ въ карты или шахматы, а молодые люди танцуютъ или поютъ, подъ фортепьяно. Къ-тому-же, Иванъ Петровичъ и живетъ недалеко: я на Смоленскомъ, а онъ у Сухаревой. И такъ рѣшено, я отправляюсь.

Я надѣлъ пальто, взялъ шляпу и зонтикъ, погасилъ свѣчу, вышелъ, нанялъ извощика; быстро промелькнули мимо меня Новинскій бульваръ и вся Садовая съ своими площадями, рынками и домами, различной архитектуры,—и чрезъ двадцать минутъ я былъ у цѣли.

Иванъ Петровичъ не имѣетъ собственнаго дома, и нанимаетъ квартиру, не великолѣпную, но очень удобную, комнатъ изъ шести; убрана она не богато, но со вкусомъ.

Я вошелъ. Лакей раздѣлъ меня и съ словами: «у себя-съ», быстро побѣжалъ докладывать. Замѣчу при этомъ, что лакеи Ивана Петровича со всѣми обращаются одинаково учтиво, не измѣряютъ посѣтителей съ ногъ до головы, и не бросаютъ подозрительныхъ взглядовъ на ихъ кар-

маны, какъ у многихъ, и безъ позволенія господина никому не отказываютъ, «это, дескать, не наше дѣло».

Меня пригласили въ гостиную.

— А, Андрей Савичъ! Здравствуйте,—проговорилъ хозяинъ, ласково, протягивая руку.

— Милости просимъ,—сказала хозяйка.

Я поблагодарилъ и сѣлъ.

Хозяйка сидѣла за столомъ и разливала чай. Самоваръ напѣвалъ какіе-то мотивы, не то изъ Моцарта, не то изъ Гайдена, а можетъ и собственныя свои фантазіи. Гостей было немного и все мои знакомые. Направо отъ стола сидѣли Петръ Козьмичъ съ Анной Петровной и Петръ Васильевичъ, а на лѣво—Никифоръ Гаврилычъ, Илья Михайловичъ и Юлія Михайловна, и еще одинъ мой пріятель, Дмитрій Николаевичъ.

— Какъ поживаете? какъ здоровье ваше?—сказала хозяйка, подавая мнѣ стаканъ чаю.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я. — Мы, кажется, такъ недавно видѣлись.

— А вотъ,—сказалъ хозяинъ,—у насъ теперь зашелъ споръ очень интересный. Знаете ли о чемъ?

— Можетъ быть, о стологаданіи,—отвѣчалъ я нерѣшительно.

— Э, вздоръ какой! неужели вы вѣрите это-

му? Нѣтъ, мы говоримъ о болѣе занимательномъ предметѣ, и всѣ по своему.

— Можно узнать?—спросилъ я.

— Очень. Вѣрите вы въ возможность быстрой, мгновенной и вмѣстѣ съ тѣмъ сильной, постоянной любви, безъ предварительнаго знакомства?

— Не знаю, не могу сказать, — отвѣчалъ я также нерѣшительно: — я не испыталъ такого чувства.

— А вотъ,—продолжалъ хозяинъ,— Дмитрій Николаевичъ утверждаетъ, что это очень возможно, и готовъ доказывать фактами, а мы съ женой споримъ.

— Что-жъ?—вскричалъ довольно громко Дмитрій Николаевичъ: споръ еще не есть опроверженіе.

— Я не говорю противъ этого; но я говорю, что это невозможно, потому что всякое человѣческое чувство должно быть разумно.

— А кто же сказалъ,—возразилъ Дмитрій Николаевичъ съ жаромъ,—что мгновенная любовь не разумна? Я называю разумною всякую любовь, какъ бы она ни родилась, лишь бы она приводила въ полную гармонію двѣ души, два любящіяся сердца. А можно ли это сдѣлать посредствомъ ума, изученія, разсчета?

Хозяинъ, казалось, озадаченъ былъ этими словами, но скоро оправился и началъ доказывать множествомъ примѣровъ, какъ такая любовь мгновенно и простывала.

Въ это время гости приняли участіе въ разговорѣ. Иные держали сторону хозяина, другіе Дмитрія Николаевича.

Наконецъ, послѣдній, утомленный возраженіями, сказалъ:

— Господа, теорія очень часто ошибается. Позвольте лучше представить мнѣ одинъ фактъ. — Позвольте, Иванъ Петровичъ, прочесть вамъ небольшую исторію; она передана мнѣ однимъ изъ моихъ пріятелей, который былъ тутъ дѣйствующимъ лицемъ, Свейскимъ; вы его знаете?»

— Свейскій! какъ не знать.

— Она занимательна?—спросила хозяйка.

— Это какъ вамъ покажется.

— Прочтите, прочтите, Дмитрій Николаевичъ, если она не длинна,—сказалъ хозяинъ.

— Прочтите, мы готовы слушать,—прибавили нѣкоторые изъ гостей и въ томъ числѣ я.

Дмитрій Николаевичъ взялъ изъ шляпы небольшую тетрадь, придвинулся къ столу и хотѣлъ было начать, какъ хозяйка вновь сказала:

— Позвольте остановить васъ: скажите прежде, изъ какой это сферы?

— Изъ области самоварницъ,—отвѣчалъ Дмитрій Николаевичъ.

— Ахъ, это должно быть очень забавно—постоянная любовь у самоварницы!... Ха, ха, ха! И хозяйка расхохоталась.

Гости вторили.

— Не смѣйтесь,—сказалъ Дмитрій Николаевичъ,—а то и читать не буду.

— Читайте, читайте,—сказала хозяйка:—это очень интересно.

Гости сѣли поближе къ столу, подали трубки и папиросы. Въ комнатѣ сдѣлалось совершенно тихо. Дмитрій Николаевичъ прокашлялся и началъ:

МОСКОВСКАЯ САМОВАРНИЦА.

РАЗСКАЗЪ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ПОТОМУ ЧТО ВТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ПОСТАВИТЬ ПРЕЖДЕ ПЕРВОЙ.

И скучно и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды.....

—

Какая смѣсь одеждъ и лицъ....

Это было назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Въ половинѣ лѣта, около шести часовъ вечера, проходилъ я, безъ опредѣленной цѣли, по Кузнецкому мосту, поглядывая въ окна магазиновъ и, по временамъ, останавливаясь у нихъ, чтобы поближе взглянуть на модныя бездѣлки, разложенныя и развѣшенныя въ окнахъ, которыя такъ бросаются въ глаза и такъ деспотически опустошаютъ кошельки у людей, живущихъ въ большомъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, я добрался до Даціаро; здѣсь нѣсколько человѣкъ разсматривали вновь выставленныя картины, и

было довольно тѣсно; я остановился по-ѣдаль, въ ожиданіи, пока они одинъ за другимъ отойдутъ и дадутъ мнѣ возможность подойти, въ свою очередь, къ самому окну; очередь эта наступила, у окна остался только одинъ высокой и красиво одѣтый мужчина; онъ по-видимому чрезвычайно былъ занятъ контуромъ дѣтской головки; положеніе его было таково, что я никакъ не могъ видѣть его лица, и потому не обратилъ на него особеннаго вниманія; но представьте мое изумленіе, когда онъ обернулся, и я узналъ въ немъ стараго пансіонскаго товарища, пять лѣтъ какъ оставившаго Москву и теперь, какъ бы изъ земли, выросшаго предо мной, когда я полагалъ его отъ себя, по-крайней-мѣрѣ, за нѣсколько сотъ верстъ.

Первыя минуты,—какъ и всегда бываетъ при нечаянномъ свиданіи послѣ долгой разлуки, — прошли въ радостныхъ восклицаніяхъ и безпрерывныхъ рукопожатіяхъ. Наконецъ мы инстинктивно взялись подъ руку и пошли внизъ къ Петровкѣ.

— Гдѣ же ты остановился, Алексѣй?—спросилъ я.

— Въ Лейпцигѣ.

— На долго пріѣхалъ?

— Дня на три.

— А давно ли?

— Тоже дня три.

— Значитъ, проѣздомъ?

— Да, я ѣду въ подмосковную къ отцу.

— Какъ же я благодаренъ Даціаро, или лучше сказать, дѣтской головкѣ, заинтересовавшей тебя,— сказалъ я,—а то еще лѣтъ пять не пришлось бы увидаться съ тобой.

— Ты правъ...; я точно не имѣлъ намѣренія отыскивать тебя, Сергѣй,—отвѣчалъ онъ,—однако очень радъ, что встрѣтилъ, и, сказать откровенно, чрезвычайно кстати. Зайдемъ ко мнѣ и потолкуемъ, — прибавилъ онъ голосомъ, выражавшимъ сердечную просьбу.

Мы вошли.

Двѣ комнаты, составлявшія номеръ Алексѣя Ивановича Кедрова, находились въ безпорядкѣ, вовсе не поэтическомъ: мебель была сдвинута съ мѣстъ, вещи, и довольно цѣнныя, разбросаны, платья свернуты,—и все это кое-какъ,—вездѣ пыль и соръ. Однимъ словомъ, съ перваго взгляда ясно было, что Кедровъ ни на что не обращалъ вниманія, а камердинеръ его считалъ, вѣроятно, за лучшее спать или шататься по корридорамъ съ пріѣзжими лакеями, чѣмъ измѣнять заведенный барномъ безпорядокъ.

Пораженный этимъ, я невольно взглянулъ пристально на Кедрова, всегда и во всемъ отличавшагося прежде особенною аккуратностію, и, при-

знаюсь, чрезвычайно удивился его пасмурному лицу и небрежной прическѣ.

— Извини мой вопросъ, любезный Алексѣй,— сказалъ я: — мнѣ кажется, что ты чрезвычайно озабоченъ чѣмъ-то ?—и я снова окинулъ взглядомъ комнату.

Маневръ этотъ былъ, по-видимому, подмѣченъ имъ; онъ провелъ утомленные взоры по комнатѣ, остановилъ ихъ на мнѣ съ печальной улыбкой, и, указывая на свой лобъ, произнесъ наивно:

— Когда хозяинъ въ отсутствіи, какого ждать порядка отъ прислужниковъ? Ты находишь, что я чѣмъ-то озабоченъ? Вотъ этого-то, другъ мой, и недостаетъ мнѣ! Послѣднее время я велъ жизнь самую безпечную и разсѣянную—и она меня такъ утомила, такъ изнурила физически и морально, что мнѣ трудно было принудить себя даже о чемъ-нибудь подумать. Я былъ въ какомъ-то онѣмѣніи. Представь себѣ, что я совсѣмъ пересталъ ѣздить къ особамъ, заслуживающимъ полное мое уваженіе; не отдавалъ знакомымъ сдѣланныхъ мнѣ по нѣскольку разъ визитовъ и не только не отвѣчалъ на полученныя мною лестныя приглашенія, но едва ли и прочитывалъ ихъ. Однимъ словомъ, я разорвалъ всѣ связи, и собственныя, и фамильныя. Разумѣется, укоризны, негодованіе, насмѣшки посыпались на меня со всѣхъ сторонъ, и наконецъ появились сплетни, одна другой не-

лѣпѣе, одна другой скандалезнѣе, и быстро пронеслись отъ Невы до Клязьмы въ деревню къ отцу. Разсерженный старикъ, послѣ нѣсколькихъ назидательныхъ писемъ, на которыя я, по какой-то странной нерѣшительности, молчалъ, прекратилъ высылку денегъ, и строго приказалъ явиться къ себѣ, чтобъ отдать ему отчетъ въ своемъ поведеніи, и вотъ я по неволѣ долженъ былъ оставить Петербургъ. Дорога нѣсколько разсѣяла меня и помогла мнѣ собраться съ духомъ; я написалъ къ отцу довольно нѣжное письмо и жду на него отвѣта.—Но здѣсь я снова потерялся, снова безотчетная тоска и недѣятельность овладѣли мной. Сегодня первый разъ еще, по пріѣздѣ въ Москву, я принудилъ себя оставить свой номеръ и чрезъ это счастливо столкнулся съ тобой. Теперь, мой другъ, ты поймешь несносное состояніе, въ которомъ я нахожусь, и согласишься, что представиться такимъ къ отцу—значитъ подтвердить всѣ нелѣпые толки о себѣ и не только огорчить, но даже разстроить старика, который такъ нѣжно любитъ меня. Надѣюсь, что ты примешь во мнѣ участіе, хотя въ память прежней дружбы нашей.

Я поблагодарилъ его за довѣренность, сказалъ, что очень радъ помочь ему и просилъ объяснить, чѣмъ могу быть ему полезенъ.

— Мнѣ необходимо, какъ ты видишь, развле-

ченіе,—отвѣчалъ онъ, а какъ ты всегда обладалъ способностію пріискивать его и притомъ, какъ постоянный Москвичъ, знаешь все особенно занимательное здѣсь, или по-крайней-мѣрѣ такіе предметы, которые бы могли подѣйствовать на меня хотя стороною новизны, то позволь мнѣ, по старой дружбѣ нашей, назвать тебя своимъ чичероне и просить располагать мною, какъ будетъ тебѣ угодно. Только не бросай меня ради Бога туда, гдѣ я могу встрѣтить свое общество, которое мнѣ сдѣлалось невыносимо....

— Ты вѣрно несчастливъ въ любви?

— Я никого не любилъ и даже не находилъ такой женщины, къ которой бы могъ имѣть серьёзную привязанность.

— И ты жилъ въ большомъ свѣтѣ! удивительно!—По-крайней-мѣрѣ клубъ или театръ еще можетъ доставить тебѣ развлеченіе?

— Никакого! все это мнѣ ужасно надоѣло.

Я задумался. Перебравъ въ умѣ своемъ все, что интересуетъ Москвичей лѣтомъ и доставляетъ имъ пріятное развлеченіе, и не находя здѣсь ничего такого, что бы могло дѣйствительно занять моего друга, я сказалъ ему нерѣшительно и съ видомъ человѣка, чувствующаго большое затрудненіе, что не знаю... что едва ли могу услужить его прихотливому вкусу.

— Неужели же здѣсь нѣтъ окрестностей, нѣтъ

ни одного загороднаго гулянья безъ такъ-называемаго хорошаго тона? сказалъ онъ нетерпѣливо.

— О, нѣтъ, этого нельзя сказать,—отвѣчалъ я,—есть гулянья, которыя можно назвать, такъ сказать, народными; но тамъ человѣкъ, чувствующій свое достоинство, не рѣшится показаться.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ—Марьина роща...

— Романическое названіе—нѣтъ ли на нее какого-нибудь преданія, какъ на Лизинъ прудъ?

— Не могу отвѣчать ни да, ни нѣтъ.

— Гдѣ же эта роща и что въ ней за гулянье?

Я разсказалъ ему положеніе Марьиной рощи, изъяснилъ топографію ея, и хотѣлъ-было прибавить нѣкоторыя подробности, какъ онъ вскричалъ нетерпѣливо:

— Найду, найду!... разскажи лучше, что тамъ дѣлается?

Я описалъ ему времяпрепровожденіе въ Марьиной рощѣ, какъ въ трактирахъ съ утра не умолкаютъ оркестры самой нестерпимой музыки, а къ вечеру всякой день являются тамъ отвратительныя цыганки и собираются разгульные посѣтители изъ мѣщанъ, ремесленниковъ и проч., какъ все это пьетъ скверный чай или кислое вино.

— Но помилуй, мой другъ,—сказалъ онъ: ка-

кое же это народное гулянье! и не стыдно ли давать такое названіе трактирамъ съ ихъ посѣтителями ?

— Ты очень торопишься заключеніемъ; я еще только начинаю описаніе.

— Зачѣмъ же начинать его съ конца?

— И то нѣтъ,—я описалъ только главный пунктъ, около котораго вращается часть гуляющихъ, т. е. кутилъ и зѣвакъ.

— Такъ сократи его, если можешь!

— Пожалуй, я прямо перейду къ другому роду посѣтителей. Ихъ составляютъ болѣе солидные люди, хотя и изъ тѣхъ же сословій; они собираются даже съ семействами, но въ самой рощѣ и гораздо дальше отъ трактировъ; здѣсь, въ полной свободѣ, раскинувъ свои ковры, подушки, скатерти, они патріархально усаживаются въ кружокъ около готовыхъ самоваровъ, услужливо и чрезвычайно дешево предлагаемыхъ окольными жительницами, или *самоварницами*, какъ ихъ называютъ тамъ, и такимъ образомъ начинаютъ прогуливаться отъ чашекъ къ бутылкѣ, отъ бутылки къ тарелкѣ и обратно....

— Ну, любезный, извини за сравненіе: ты рисуешь, какъ суздальскій живописецъ; впрочемъ и въ такихъ грязныхъ краскахъ роща эта меня заинтересовала... Свози меня туда!

— Ты шутишь!

— Нѣтъ. — Это меня развлечетъ, притомъ я не рискую встрѣтить знакомыхъ.

— Но тамъ невозможно показаться порядочному человѣку!

— Почему ?

— Почему.... странный вопросъ!... ну хоть потому, чтобы не попасть въ какую-нибудь глупую исторію.

— Какъ ты щекотливъ и мнителенъ, любезный Сергѣй; ручаюсь тебѣ, въ какомъ бы то ни было обществѣ, если ты будешь вести себя прилично , но просто , — никто не найдетъ повода къ оскорбленію.... положись на меня въ этомъ случаѣ,—я такъ же дорожу честью, хоть, можетъ быть, и иначе понимаю ее.... Скоро семь часовъ— мы ѣдемъ, не теряя минуты.... не правда ли ?

Я сдѣлалъ-было еще нѣсколько возраженій , желая отклонить Кедрова отъ его намѣренія , однако безуспѣшно, и долженъ былъ наконецъ согласиться.

Биржевой извощикъ, отъ угла магазина Сатіаса, быстро пронесся мимо Трубныхъ бульваровъ , Самотецкаго пруда, чрезъ Екатерининскій паркъ, Лазареву слободку и остановился у вала , между огородами—лѣвѣе отъ Лазарева кладбища. Мы сошли съ пролетки и перебѣжали черезъ ровъ, приказавъ извощику объѣхать въ рощу.

Мы вошли въ такъ-называемый садъ одного изъ трактировъ, начинающійся за самымъ валомъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ, чаще и рѣже, вкопаны столбики съ прибитыми на нихъ горизонтально досками—что, какъ извѣстно, замѣняетъ столы со скамейками для невзыскательныхъ посѣтителей.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, впереди насъ, шли два молодца въ синихъ поддѣвкахъ; довольно громкій и нецеремонный разговоръ ихъ обратилъ невольно наше вниманіе.

— Да ты жъ назначилъ цѣлковый прогулять?— говорилъ одинъ,—ну!.... а пара пива-то дорога что-ли тебѣ!...

— Вѣстимо не дорога! Выпьемъ и пива,—да только напившись чаю у Насти.

— Экъ-те далась Настя!... Да вѣдь не весь же цѣлковый ты потратишь на чай-то!

— Конечно не весь, да мнѣ хочется, чтобы размѣняла-то его она,—понимаешь ли? и деньги-то пройдутъ веселѣе,—да и она-то подумаетъ: «ишь, у него денежки водятся!»

— Эка невидаль ей.... Смотри-ко, кажись Кузмичъ,—сказалъ первый робко, указывая направо.

— Онъ и есть!.... И пріятели бросились въ сторону.

Мы взглянули по направленію, указанному однимъ изъ пріятелей, и замѣтили вдали маленькаго человѣка съ бородкой, который вѣроятно и

испугалъ ихъ, подвернувшись такъ некстати, въ минуту, когда чувства ихъ были настроены привлекательными для нихъ предметами.

— Наше вступленіе въ рощу начинается романомъ,—замѣтилъ мой другъ.

— Въ которомъ героинею самоварница,—прибавилъ я.—Признаюсь, меня сильно интересуетъ существованіе нѣкоторыхъ чувствъ въ подобной грубой оболочкѣ; это похоже на алмазъ въ корѣ — надобно быть особеннымъ знатокомъ, чтобы предузнать и оцѣнить его!

Въ это время мы подходили уже къ трактиру, и внезапный залпъ нестройнаго оркестра покрылъ нашъ разговоръ ;—онъ относился, кажется, къ намъ, какъ возвѣщающій наше прибытіе и вмѣстѣ зазывный сигналъ; потому что въ то же время явилось на галлереѣ трактира нѣсколько женщинъ, въ разноцвѣтныхъ платкахъ и платьяхъ; двѣ изъ нихъ отдѣлились, сошли съ лѣсенки и прямо направились къ намъ. Одна была старуха, другая дѣвочка лѣтъ шестнадцати. Лицо Кедрова было по-прежнему угрюмо , и потому старуха почла болѣе согласнымъ съ своими видами обратиться ко мнѣ.

— Баринъ хорошій—талантливый,—прикажи-ка спѣть пѣсенку ?

— Прикажите спѣть пѣсенку,—повторила молоденькая.

— Послѣ,—въ другой разъ,—сказалъ я,—мы теперь хотимъ гулять.

— Ну, такъ пока ты гуляешь, баринъ, вели насъ попоить чайкомъ... за твое здоровье... бормотала старуха.

— Хорошо, хорошо,—послѣ!—продолжалъ я тѣмъ же холоднымъ и сомнительнымъ тономъ.

— Богъ же съ тобой, — погуляй ступай! А къ Настькѣ ты не ходи пить чай,—у ней глазъ нехорошій, и товарища не пускай; а будетъ тебѣ счастье въ другомъ краю,—и интересъ будетъ;—а есть у тебя зазнобушка и крѣпко ты думаешь думу....

Долго еще бормотала старуха, идя подлѣ насъ; но видя, что мы не обращаемъ на нее вниманія и повернули отъ трактира въ сторону, остановилась, посмотрѣла нѣсколько минутъ намъ вслѣдъ, поговорила по своему и повела обратно въ трактиръ свою воспитанницу—а можетъ и дочь — поджидать новыхъ, болѣе благосклонныхъ посѣтителей.

— Отъ чего онѣ такъ привязчивы?—спросилъ Кедровъ.

— Это нищіе, если хочешь.

— Мнѣ кажется, цыганъ можно причислить скорѣй къ артистамъ, а артисты не просятъ подаянія, замѣтилъ Кедровъ.

— Цыганъ я причисляю къ артистамъ только тѣхъ, за которыми бѣгаетъ толпа, а не тѣхъ, которые гоняются за каждымъ.

Въ это время раздались несвязныя слова и рѣзкія восклицанія; онѣ заставили насъ прекратить разговоръ и обернуться. Въ сторонѣ отъ дороги, подъ деревомъ, сидѣлъ молодой человѣкъ, безъ верхней одежды и галстуха, съ разстегнутымъ воротомъ и, мѣстами, запачканный грязью; онъ находился въ такомъ состояніи, въ которомъ человѣкъ очень близокъ къ животнымъ.

— Экъ нарѣзался, Попонкинъ!—замѣтилъ маленькой человѣкъ съ бородкой, видѣнный нами, проходя мимо насъ и кивая на жалкаго бѣдняка. Бѣднякъ вдругъ вскочилъ на ноги и намъ представился высокій и стройный мужчина; онъ подперся въ бока обѣими руками и, покачиваясь, запѣлъ хриплымъ голосомъ:

« Ахъ, матушка, не могу, не могу.... не могу!...
« Ступилъ комаръ на ногу,
« Охъ!—всю ножиньку изломилъ!...

— А,—Свейской!—закричалъ онъ, узнавъ меня, — постой, братецъ, я подойду!... да куда же ты торопишься?... а, знаю.... къ Настькѣ!... чай пить.... чортъ съ ней!... я все пропилъ....

Досада и негодованіе овладѣли мной; я быстро увлекъ Кедрова и не прежде убавилъ шагу, какъ отойдя на довольное разстояніе.

— Что съ тобой, Сергѣй? ты меня замучилъ! Къ чему такая поспѣшность и чѣмъ могъ взволновать тебя этотъ несчастный?

— Но помилуй, Кедровъ! — сказалъ я, — моя фамилія....

— Твоя фамилія ничего не потерпѣла, перебилъ онъ: во-первыхъ ты и самъ съ трудомъ могъ разобрать, что онъ кричалъ, во-вторыхъ— по твоему же замѣчанію — здѣсь нельзя встрѣтить порядочнаго человѣка.

Признаюсь, мнѣ и самому было совѣстно за свою вспышку; но впрочемъ я остался доволенъ, что не слыхалъ болѣе голоса, унижающаго человѣчество.

— Ты не будешь болѣе удивляться, любезный другъ, — сказалъ я, — и согласишься, что видѣть въ такомъ искаженномъ состояніи человѣка и оставаться къ нему равнодушнымъ, тогда, какъ онъ былъ однимъ изъ моихъ прежнихъ товарищей—невозможно.

Кедровъ молчалъ.

— Я когда-нибудь разскажу тебѣ исторію его,— продолжалъ я; — къ нему такъ пристала теперь фамилія «Попопкинъ». А какъ онъ счастливо началъ свою карьеру!—какъ блистательно кончилъ курсъ,—какъ прекрасно началъ службу—и что сталось теперь!—Согласись, Алексѣй, что сердце невольно содрогается при видѣ этого

грязнаго лица и жалкаго рубища, особенно, если знаешь, кому они принадлежатъ.

— Ты правъ... отвѣчалъ Кедровъ нетвердымъ голосомъ, изобличавшимъ волненіе чувствъ.

Нѣсколько времени мы шли молча.

— Мнѣ стало какъ-то грустно, — началъ онъ: этотъ бѣднякъ разшевелилъ мои чувства.

— Ты не хотѣлъ меня послушаться,—отвѣчалъ я,—а я впередъ зналъ, что прогулка эта не доставитъ тебѣ развлеченія.

— О, напротивъ!— всякое движеніе чувства для меня уже не непріятно: оно показываетъ, что душа вступаетъ въ свои права и ледяная оболочка, сдавливающая меня, должна согрѣться отъ внутренняго жара, — отъ чего бы онъ ни произошелъ.

— Мнѣ кажется странною твоя философія.... По этому, дерзость, оскорбленіе, насмѣшку—ты также готовъ принять съ удовольствіемъ, какъ скорыхъ двигателей чувствъ?

— Ты ставишь въ параллель такіе толчки, которые потрясаютъ, или поражаютъ чувства, а не шевелятъ ихъ;—которые производятъ внезапный взрывъ, а не пробѣгаютъ электрической искрой.—Но довольно объ этомъ,—прибавилъ онъ, — поищемъ чего-нибудь забавнаго. Напримѣръ, что это за толстякъ сидитъ вдали на травѣ; около его, кажется, два разнощика....

Посмотри, какъ онъ скоро и ловко укладываетъ что-то за обѣ щеки и запиваетъ чѣмъ-то!.... Пройдемъ поближе мимо его—у меня даже пробуждается аппетитъ.... я люблю смотрѣть на тѣхъ, кто быстро ѣстъ.

Я согласился — и мы пошли потихоньку. Въ то же время вдали показался прежній маленькій человѣчекъ съ бородкой; онъ шелъ съ противоположной стороны, въ томъ же направленіи, какъ и мы.

Вечеръ былъ одинъ изъ тѣхъ восхитительныхъ лѣтнихъ вечеровъ, когда природа, какъ-бы утомленная дневнымъ зноемъ, отдыхаетъ въ упоительной прохладѣ;—солнце склонялось къ горизонту, какъ думали одни,—или горизонтъ нашъ подкатывался уже къ солнцу, какъ думали другіе;—длинныя тѣни деревьевъ стлались по лужайкамъ, какъ бархатъ по атласу. — Ни чиликанье птичекъ, ни шелестъ листьевъ, не нарушали безмолвія и тишины.

При такой тишинѣ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы начали различать неясный говоръ, но скоро намъ сдѣлалось явственнымъ каждое слово.

— Еще булочку, говорилъ толстякъ,—малый лѣтъ двадцати-трехъ, продолжая жевать и запивать изъ стакана.

— Восьмую-съ?

— Знаемъ!—ну, ты.... еще кружечку!

— Десятую, хозяинъ!

— Считай во рту зубы, пострѣленокъ!

— Да вѣдь, чай, мнѣ деньги-то получать, такъ какъ же не считать товару-то.

— Молчи, прибью,—не обочтемъ....что нужно, то и заплатимъ!... Ну-вотъ и баста!... Сколько за булки?

— По пятаку—сорокъ копѣекъ!

— Видалъ ты это?... вотъ тебѣ гривенникъ... безъ разговора!

— Неужто одну-то булку даромъ отдать?

— Совралъ-съ! при оптовой продажѣ всегда дѣлаютъ уступку; слышишь?... и не растолковывай больше, а то въ другой разъ и калачемъ не заманишь къ своимъ булкамъ.

— Эка оптовая торговля!—не двадцать съѣлъ; ну, да ладно—пятакъ буду считать за тобой,— говорилъ булочникъ, приподнимая свой лотокъ и отходя.

— Пиши на стѣнѣ—стѣна упадетъ и все пропадетъ.—Ну, а тебѣ что, курчавый?

— Вѣстимо двадцать копѣекъ: по двѣ копѣйки за кружку.

— А эта монета что стоитъ?

— Полъ-монетокъ?—беремъ за грошъ.

— Ладно!—вотъ тебѣ три монетки и семитка.

— Да какъ же, хозяинъ, тутъ и всего-то вы-

ходитъ пятачекъ, а пятачекъ-то семнадцать, а не двадцать копѣекъ!

— Ахъ ты, чертовъ пасынокъ! — счету не знаешь; тутъ пять монетокъ, стало-быть десять полу-монетокъ—а полу-монетка тотъ-же грошъ—понялъ теперь?... пошелъ!—Съ послѣднимъ словомъ онъ обернулъ мальчика, оставшагося въ недоумѣніи отъ сдѣланнаго гостемъ расчета и ткнулъ его въ затылокъ.

— Что, Мишутка, проголодался? — сказалъ маленькій человѣчекъ съ бородкой, подходя въ это время къ толстяку:—чай дома-то бѣдняжкѣ нечего было пообѣдать!

Съ быстротою, какую только позволяла дородность Мишутки, онъ вскочилъ, покраснѣвъ какъ кирпичъ, и снявъ картузъ и отвѣшивая низкой поклонъ, пробормоталъ:—Василію Кузьмичу!...

— Плохо, плохо! — продолжала бородка, не обращая вниманія на привѣтствіе толстяка; — дядя трудится, капиталъ наживаетъ,—а ты, чай, лапы запустишь въ ящикъ, да и въ рощу?!

— Нѣтъ, ужъ извините на счетъ этого,—мы на жалованьѣ,—а въ такихъ художествахъ никогда еще не были замѣчены!... проговорилъ парень, покраснѣвъ еще больше.

— А велико жалованье! Снесъ бы въ воскресный день женѣ булку-то, а самъ бы на черномъ

посидѣлъ,—а то по будиямъ да въ рощу.—Дядя-то не знаетъ этого!

— Жена съ тетушкой хотѣла прибыть сюда,—знать задержало что, — произнесъ плачевнымъ голосомъ Мишутка.

— Ну, а ты и давай горевать за сахарными булками, съ медовымъ квасомъ?!... Полно, полно меня морочить-то!—не объ женѣ толкъ,—я чай думаешь, какъ бы пробраться къ Настюхѣ, чаю попить?—я братецъ не разъ ужъ замѣтилъ тебя тамъ! А вотъ, изъ пріязни къ дядѣ, когда-нибудь подведу его—пусть полюбуется!

— Расточители безстыдные,—продолжалъ ворчать старикъ, уходя отъ Мишутки,—отъ котораго, въ разстояніи десяти шаговъ, проходили мы, и, признаюсь, какъ онъ былъ смѣшонъ въ своемъ молодечествѣ, такъ казался теперь смѣшонъ въ своемъ уныніи. Сконфуженное и разстроенное лице его безпрестанно подергивалось; глаза то закрывались совсѣмъ, то раскрывались во всю ширину ихъ; онъ стоялъ съ растопыренными руками и ногами, и бормоталъ что-то, посматривая въ ту сторону, куда удалялся старичекъ. Наконецъ онъ какъ бы одумался и завопилъ: А! чтобъ-те придавило, кощей безсмертный!... вездѣ наткнется, проклятый!... теперь какъ пойдешь къ Настѣ—поймаетъ опять!... а я

было и подарочекъ приготовилъ ей—шелковой платочекъ на шею.—Эхъ жисть, жисть!...

Восклицанія, произносимыя имъ сквозь зубы, показались намъ такъ смѣшны, что мы, не желая еще больше сконфузить его и показать, что все слышали, прибавили шагъ и очутились скоро подлѣ другаго трактира.

— Замѣчаешь ли ты,—сказалъ Кедровъ,—что нѣсколько разъ ужъ повторяется имя Насти и въ то же время является этотъ маленькой, бодрый старичекъ;—право тутъ есть какая-то связь и какая-то тайна!

—Полно пожалуй-ста!—отвѣчалъ я.—Настя—сходство именъ, встрѣча съ Кузмичемъ—случай, какъ и для насъ—вотъ и все!

Кедровъ покачалъ головой, но не отвѣчалъ ни слова.

Нѣсколько минутъ мы шли молча.

— Не знаю, какъ ты, Кедровъ, а я очень утомленъ этой прогулкой и желалъ бы возвратиться,—сказалъ я.

— О, да! мнѣ никогда не случалось столько ходить,—отвѣчалъ онъ, — я съ удовольствіемъ бы отдохнулъ теперь; но что-то необъяснимое удерживаетъ меня!... останемся еще на нѣсколько минутъ и—потомъ дѣлай, что хочешь, прибавилъ онъ просительнымъ тономъ.

Я не возражалъ и мы опять шли молча нѣсколько минутъ.

Трактиръ, побольше чѣмъ первый, давно уже былъ въ виду со всѣми своими галлереями, балконами, флигельками и прочими, не совсѣмъ причудливыми, затѣями. Здѣсь ожидала насъ новая сцена. Вдругъ, изъ сада трактира, перескочилъ черезъ ровъ франтикъ во фракѣ и шляпѣ; онъ не успѣлъ еще сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ въ томъ же мѣстѣ показался другой франтъ въ сюртукѣ, безъ шапки, но съ кіемъ въ рукѣ; онъ также перескочилъ ровъ догналъ и ухватилъ за руку перваго.

— Ну, не стыдно ли тебѣ, мон-шеръ, уйти потихоньку и оставить меня въ такомъ критическомъ положеніи?! — сказалъ онъ. — Вѣдь это просто низко!

— Совсѣмъ не низко; я отдалъ тебѣ послѣдніе три цѣлковыхъ,—отвѣчалъ первый,—у меня нѣтъ больше денегъ; а мелочь я не отдамъ,— мнѣ сей-часъ самому будетъ нужно....

— Мелочь, мелочь! да кто проситъ у тебя денегъ? ты только посиди немного и вмѣстѣ пойдемъ....

— Я и такъ уже черезъ-чуръ долго дожидался,—вѣдь девятый часъ! Ты далъ слово сыграть три партіи, а играешь десятую.... ну и играй, я тебѣ не мѣшаю!—не мѣшай и ты мнѣ идти....

— Да куда ты пойдешь? что ты безъ меня сдѣлаешь? —Послушай, разсуди самъ хорошенько: я въ проигрышѣ болѣе пяти цѣлковыхъ и началъ новую партію,—нельзя же мнѣ бросить, не доигравъ ее, вѣдь это будетъ подло!—не правда ли?! — а доиграть ее долго ли!... два, три дублета съ карамболями—вотъ и все! да ты вѣдь и не понимаешь игры!

— Не хочу и понимать.

— Полно же, душка, не сердись! — сейчасъ кончимъ партію.... гдѣ ему со мной играть! дрянь!... плевать и на деньги—не стану отыгрываться.... а могъ бы.... и пойдемъ вмѣстѣ.... и что мы сдѣлаемъ съ Настей, чортъ возми!— я сегодня въ духѣ и у меня есть какое-то особенное расположеніе! посмотри, какъ я ее одушевлю!... она у меня будетъ и смѣяться и плясать!... хочешь, она тебя поцѣлуетъ нынче?

— Полно вздоръ-то болтать.

— Нѣтъ не вздоръ — ей-ей поцѣлуетъ; пари, что поцѣлуетъ?!

— И пари не хочу.

— Ну, разумѣется, не хочешь отъ того, что проиграешь!... Сей-часъ я кончу партію, поднесу тебѣ рюмочку хересу—на свой счетъ подпесу,— ты воодушевишься и будешь такимъ веселымъ, любезнымъ, и... просто милашкой! а я-то тутъ,— то съ той, то съ другой стороны къ ней....

И онъ началъ дѣлать пресмѣшные прыжки.

На эту сцену, откуда ни возмись Кузьмичъ.

— Сергѣю Сергѣевичу, наше почтеніе-съ!

— А, здравствуйте! проговорилъ съ досадой мон-шеръ и поворотился къ Кузьмичу спиной, какъ-бы приглашая его оставить себя въ покоѣ; но Кузьмичъ, кажется, не хотѣлъ отступить ни на шагъ. Лукавое и насмѣшливое лице его показывало какой-то планъ, который онъ хотѣлъ непремѣнно выполнить.

— Что-же за немилость, Сергѣй Сергѣевичъ?— началъ онъ, заходя въ лице мон-шера,—сколько разъ обѣщались распить со мной бутылочку винца и до сихъ поръ отказываете.... Хоть-бы теперь, при такой пріятной встрѣчѣ....

Извѣстно, что мон-шеры отъ даровой бутылки вина никогда не отказываются, кто-бы ни пригласилъ къ ней; и потому я чрезвычайно удивился, когда онъ грубо и отрывисто, однако не слишкомъ смѣло, отвѣчалъ:

— Извините!—мнѣ некогда!

— Вы еще не изволили доиграть вашу партію на бильярдѣ? Да я, батюшка, не помѣшаю вамъ; вы играйте себѣ на здоровье, а мы съ пріятелемъ вашимъ — прошу быть знакомымъ, купецъ Василій Кузьмичъ!—выпьемъ и вы выпьете; — развѣ два дѣла, сряду, нельзя дѣлать

такому молодцу!—добавилъ онъ вкрадчиво и съ лукавой улыбкой.

Монъ-шеръ взялъ Кузьмича подъ руку и отвелъ въ сторону; въ немъ замѣтно боролись недовѣріе съ честолюбіемъ и корыстью.

— Послушайте, почтеннѣйшій,—сказалъ онъ въ полголоса, я васъ не больше двухъ, трехъ разъ видѣлъ; съ какой же стати вы приглашаете меня пить вино?

— Статочное-ли дѣло замѣчать вамъ нашего брата, — отвѣчалъ нимало не сконфузясь Кузьмичъ, — да я-то васъ, сударь, хорошо знаю!... и сколько разъ ужъ было желаніе предложить вамъ.... да все въ мѣстахъ-то такихъ, что вы съ нашимъ братомъ, простымъ человѣкомъ, не захотѣли бы имѣть компанію, — мон-шеръ пріосанился, — ну, а здѣсь другое дѣло, кто васъ увидитъ ?

Пѣсня эта, кажется, очень понравилась мон-шеру; онъ быстро окинулъ Кузьмича съ ногъ до головы и, кажется, тоже остался доволенъ результатомъ этого обзора.

— Гм... пожалуй!—сказалъ онъ, подумавъ немного. Потомъ быстро подошелъ къ товарищу, схватилъ его подъ руку, началъ ему что-то нашептывать и увлекать за собою, кивая на Кузьмича, который, понимая, въ чемъ дѣло, шелъ не-

много по-одаль, покашливая,—и въ такомъ порядкѣ всѣ трое скрылись за трактиромъ.

— Ну, что же ты теперь скажешь? все это сходство именъ, все это случай, по-твоему? — сказалъ опять Кедровъ.

— Можетъ быть, и нѣтъ, да что же намъ?— отвѣчалъ я сухо.

— Иногда нѣсколько словъ, по-видимому ничего не значащихъ, служатъ къ открытію важныхъ событій; изъ какой-нибудь пустой, даже смѣшной сцены, можетъ образоваться драма.

— Ужъ не Кузьмичъ ли навелъ тебя на эти мысли?

— Именно! Онъ-то и играетъ тутъ важную и опасную роль, только для кого — не знаю!... Замѣтилъ ли ты, какъ онъ искусно и съ какою бдительностію преслѣдуетъ всѣхъ этихъ вздыхателей. Человѣкъ, подобный Кузьмичу, не кинетъ копѣйки даромъ, а здѣсь онъ готовъ жертвовать рублями.... развѣ это не доказываетъ его обдуманнаго плана? Мнѣ даже кажется, что онъ изъ числа главныхъ поклонниковъ этой Насти, но дѣйствуетъ въ какомъ-то совершенно другомъ родѣ.... Впрочемъ, можетъ быть, все это одна только моя фантазія; однако неужели не интересно тебѣ взглянуть на героиню этихъ сценъ?— добавилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

Я посмотрѣлъ на него пристально и замѣ-

тилъ, что въ немъ сильно боролось желаніе увидѣть женщину, имя которой мы столько разъ слышали, но казалось, онъ совѣстился больше утомлять меня прогулкою, не соотвѣтствовавшею моимъ понятіямъ.—Мнѣ стало жаль его, и я далъ себѣ слово не противорѣчить болѣе ему во весь вечеръ, что̀ бы онъ ни вздумалъ дѣлать.

— Гдѣ же мы ее отыщемъ?

— О, это очень легко, отвѣчалъ обрадованный Кедровъ. — Ты видѣлъ, какъ перескочилъ фракъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ?!.. ну, человѣку, который вырывается и горитъ нетерпѣніемъ достигнуть опредѣленной цѣли, некогда прогуливаться; слѣдовательно онъ избралъ кратчайшую линію, т. е. прямую; ее-то мы и будемъ продолжать за него.

— Да ты начинаешь соображать?

— А! я сказалъ, что ледяная оболочка должна растаять, когда проснется духъ,— вотъ онъ и просыпается—чѣмъ конечно я обязанъ тебѣ— прибавилъ онъ весело.

Глава вторая, въ которой авторъ намѣренъ познакомить читателя съ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ разсказа.

« Только узналъ я тебя,
« Сердце забилось въ-первые ...

Кедровъ не ошибся въ расчетѣ. Направленіе, принятое нами, дѣйствительно составляло кратчайшій путь въ область самоварницъ.

Мы пересѣкли лужекъ, на которомъ сохранились еще, кое-гдѣ, полуупадшія, съ разными мѣтками и знаками на корѣ, деревья, сдѣланными вѣроятно въ память какихъ-нибудь занимательныхъ, или сантиментальныхъ приключеній. Подъ нѣкоторыми изъ этихъ деревъ, красовались, какъ и у перваго трактира, столы съ скамейками и даже въ центрѣ помѣщенъ круглый — должно быть для почетныхъ посѣтителей; од-

накожъ мы пожалѣли тѣхъ, кому бы случилось отдыхать здѣсь съ пріятной надеждой укрыться подъ тѣнью отъ знойныхъ лучей лѣтняго солнца, хотя бы и вечеромъ.

Пересѣкши лужекъ, гдѣ разыгралась послѣдняя сцена, мы замѣтили вдали кое-гдѣ дымокъ, выходившій, какъ бы изъ земли, тонкою струею.—«Вотъ и конецъ нашихъ поисковъ!»—сказалъ весело Кедровъ. Дѣйствительно, нельзя было ошибиться,—то курились самовары.—Притомъ мы не сдѣлали и десяти шаговъ по дорогѣ, какъ на перегонъ, въ припрыжку, подбѣжало къ намъ нѣсколько дѣвочекъ.

— Господа, чайку напиться не угодно ли?

— Кто же насъ будетъ поить,—вы? — спросилъ Кедровъ.

— Нѣтъ, тамъ есть постарше! — мы только проводимъ.... Ко мнѣ, баринъ!... Ко мнѣ пожалуйте!... Нѣтъ, нѣтъ!... ко мнѣ, у нихъ и такъ, почитай, все у однѣхъ пьютъ.... И за тѣмъ между дѣтей начался крикъ и ссора.

— За что ты мучишь бѣдныхъ дѣтей, и чего отъ нихъ добиваешься? — спросилъ я съ досадой.

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ бы съ недоумѣніемъ и отвѣчалъ довольно протяжно:

— Тебѣ извѣстна цѣль, съ которой мы идемъ.

— Прекрасно!... мы хотимъ видѣть женщину,

заинтересовавшую столько глупцовъ ?!... Такъ, что же спрашивать, которая она!... Если дѣйствительно въ ней есть что-нибудь особенное и заслуживающее общаго вниманія, такъ ее легко отличить въ толпѣ, — а въ противномъ случаѣ стоитъ ли и отыскивать ее ?!

— Ты правъ! мы узнаемъ ее сами.

Я далъ дѣтямъ нѣсколько мелочи и уговорилъ бѣжать за гостинцами, а насъ оставить въ покоѣ.

Окраины и часть рощи, къ которой мы подходили, заставлены были, по мѣстамъ, простыми столиками, ведрами, ящичками и другими принадлежностями самоваровъ. Нѣсколько отдѣльныхъ группъ сидѣло,—иныя за столиками, другія на травѣ; одни пили чай, а другія поджидали самоваръ, который трещалъ отъ набросанныхъ въ него, вмѣсто углей, еловыхъ шишекъ. Говоръ, крикъ, бѣготня и зазывы къ себѣ, дополняли эту картину.

Но я не распространяюсь въ изображеніи подробностей; я думаю, что для многихъ изъ читателей легко представить себѣ это зрѣлище. Москвичи, не бывавшіе въ рощѣ, могутъ составить понятіе объ немъ по Сокольникамъ, а незнакомые вовсе съ этимъ гуляньемъ, но бывавшіе въ Сергіевскомъ Посадѣ и проѣзжавшіе по Ярославскому шоссе, если только они останавливались выпить чаю, или стаканъ воды въ Боль-

шихъ Мытищахъ, или по-крайней-мѣрѣ, видѣли Мытищенскій проспектъ, въ хорошую погоду, съ его самоварами и пестрою, волнующеюся массою богомольцевъ, могутъ быть увѣрены, что также очень хорошо знаютъ сцену театра настоящей главы моего разсказа.

Не подходя еще къ столикамъ, мы стали дѣлать бѣглый обзоръ общества, собравшагося здѣсь, и глаза наши невольно остановились на женщинѣ, находившейся въ удаленіи отъ всѣхъ другихъ.

Она сидѣла у крайняго дерева, къ желѣзной дорогѣ, и не обращала, по-видимому, никакого вниманія на то, что происходитъ вокругъ нея; лѣвая рука ея, опираясь локтемъ на столикъ, поддерживала нѣсколько наклоненную голову; правая опускалась внизъ; изъ-подъ платья выглядывала маленькая ножка, обутая въ простой, но чистый башмачекъ. Простая, гладкая прическа и свернутая толстымъ жгутомъ коса, длинная и необыкновенно бѣлая шея, тонкая и гибкая талія и наконецъ руки бѣлыя, стройныя и маленькія — невольно изумили насъ. Лице ея было полу-обращено къ желѣзной дорогѣ и мы могли любоваться только правильнымъ его профилемъ.

— Это, Настя!—прошепталъ Кедровъ.—Какъ она мила!.. сколько въ ней граціи!... и какъ

она печальна!... Неужели весь этотъ сбродъ, встрѣченный нами доселѣ въ рощѣ, осмѣливается прикасаться къ ней своею грязною любовью ?!

— Но почему же ты думаешь, что это та, кого мы ищемъ ?—спросилъ я.

— О, какъ бы я былъ счастливъ, еслибы это была не та!—сказалъ онъ, отвѣчая какъ бы собственной мысли.

— Настасья, ослѣпла что-ль! кажись къ тебѣ господа-то! Экая беззаботная дѣвка!... проворчала толстая женщина, толкнувъ грубо въ плечо ту, которою мы такъ любовались.

Кедровъ сдѣлалъ-было на нее грозное движеніе, но я его остановилъ.

— Сейчасъ, тетушка Ѳеона! — сказала Настя, — быстро встала съ скамейки, провела по вискамъ, съ маленькимъ кокетствомъ, обѣими руками и уставила на насъ свои черные, блестящіе глаза ; потомъ потупила ихъ отъ нашихъ нескромныхъ взглядовъ и проговорила сладкимъ, звенѣвшимъ какъ серебро, но тихимъ голосомъ:

— Что вамъ угодно?

— Что вамъ угодно! ишь, какъ угощаетъ, скорѣй готовила бы самоваръ-то!... Вотъ такъ, прости Господи, торговка!... ворчала толстая Ѳеона, отходя прочь.

— Бѣдное дитя! какъ съ ней грубо обраща-

ются! прошепталъ Кедровъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ея столику; я не отставалъ отъ него.

— Тебя зовутъ Настей? началъ онъ.

— Такъ точно.

— Милая Настенька, намъ очень хотѣлось бы пить чай.... если это тебя не обезпокоитъ?...

Не знаю, говорили ли съ ней прежде когда-нибудь въ такомъ тонѣ, только она выразительно посмотрѣла на Кедрова, покраснѣла — отъ чего сдѣлалась еще милѣе — и отвѣчала почти шепотомъ, опустивъ глаза:

— Мы здѣсь обязаны услуживать всякому.... это наше ремесло!... Прикажете самоваръ?

Сколько было безропотнаго повиновенія судьбѣ, сколько было грусти въ этомъ выраженіи!

— Да, душенька, угости насъ чаемъ.... отвѣчалъ я за своего друга, который какъ бы приросъ глазами къ дѣвушкѣ и не въ-состояніи былъ вымолвить ни одного слова.

Она довольно ловко подошла и присѣла къ маленькому ящичку; бережно вынула изъ него двѣ чашки и чайникъ; обдула, отерла ихъ чистенькой тряпочкой и поставила на столикъ, накрывъ его незатѣйливой, но чистой салфеткой. Потомъ подошла къ самовару, подлила воды, подбавила нѣсколько шишекъ и подошла опять къ намъ. — Все это было сдѣлано очень скоро,

ловко и безо всякихъ ужимокъ, свойственныхъ хорошенькимъ дѣвушкамъ подобнаго рода.

— Самоваръ сейчасъ закипитъ,—гдѣ же вашъ чай и сахаръ ?

— Мы, дружечикъ, не обременяемъ кармановъ такими тяжестями!—сказалъ я съ усмѣшкой.

Дѣвушка вспыхнула.

— О, какъ ты жестокъ, Свейской!... сказалъ Кедровъ. — Извини насъ, милая Настенька, — продолжалъ онъ, обращаясь къ ней ласково:— мы пріѣзжіе.... случайно прогуливались здѣсь и.... мы будемъ пить твой чай!...

— У меня нѣтъ ни чаю, ни сахару.

— Но какъ же здѣсь пьютъ другіе?

— Приносятъ съ собой, а то покупаютъ въ трактирѣ.

— Но я бы не желалъ идти въ подобный трактиръ,—сказалъ озадаченный Кедровъ, — и къ тому же за.... нельзя ли послать кого ?

— Если повѣрите, я сама схожу.

— Тебѣ идти въ трактиръ?... да развѣ это возможно ? !

— Какъ же-съ, я бываю тамъ часто!—отвѣчала простодушно дѣвушка, — иногда тоже за чаемъ посылаютъ, иногда за хлѣбомъ, или сухарями; а то вотъ вчера ходила за пивомъ.

— Бѣдная дѣвушка!... пусть будетъ это въ послѣдній разъ, что ты идешь въ трактиръ,—

шепталъ Кедровъ, доставая изъ порт-моне бумажку и подавая ей.

— Сколько же взять ?

Кедровъ взглянулъ на меня, но я тоже не зналъ и молчалъ.

— Видишь, милая Настенька, мы оба ничего не понимаемъ!... распорядись сама, какъ знаешь; только приходи скорѣй!... отвѣчалъ онъ.

Дѣвушка, довольная сдѣланнымъ довѣріемъ, скрылась.

Нѣсколько минутъ мы сидѣли молча. Каждый изъ насъ думалъ по-своему, и думалъ конечно объ Настѣ. Быстро промелькнули предо мною всѣ сцены, происшедшія въ рощѣ въ этотъ день, гдѣ упоминалось о ней,— я невольно вздохнулъ и проговорилъ тихимъ и печальнымъ голосомъ:

— Бѣдная малютка, какъ ты чиста и невинна! и какъ бы я желалъ, чтобы дерзкая рука съ золотымъ кошелькомъ не коснулась тебя!...

Кедровъ вздрогнулъ.

— Прихоть-ли то природы, — продолжалъ я, — или игра простаго случая, что простой цвѣтокъ, безъ аромата, лелѣется въ теплицахъ, оранжереяхъ.... и сколько присмотра за нимъ, сколько наблюденій за его развитіемъ!... Между-тѣмъ иногда пышная, благоухающая роза растетъ въ простомъ, грязномъ огородѣ, открытая не только для взоровъ, но и для рукъ каждаго.

— Ты вѣрно только-что прочелъ «Мистеръ-Флё» Гофмана и находишься еще подъ вліяніемъ его вакхической сферы?... въ твоемъ воображеніи рисуются одни цвѣты и гады!

Этотъ сарказмъ заставилъ меня посмотрѣть на Кедрова; онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго и губы его судорожно сжимались. Я не рѣшился продолжать разговора; вынулъ порт-сигаръ; закурилъ габбану, и пуская легкія струи дыма, сталъ насвистывать разные мотивы.

Не то было съ моимъ другомъ: Настя еще не приходила. Нетерпѣніе его видимо выражалось въ каждомъ движеніи; наконецъ онъ вскочилъ и сталъ ходить подлѣ столика взадъ и впередъ, большими шагами, нахмуривъ брови и опустивъ голову.—Чудакъ! — подумалъ я, какъ онъ взволнованъ!

— Однако и мое терпѣніе истощалось: мы ждали болѣе полу-часа. Я всталъ въ свою очередь, посмотрѣлъ въ ту сторону, куда ушла Настя и подошелъ къ толстой Ѳеонѣ: мнѣ хотѣлось поговорить о Настѣ.

— Есть еще другое мѣсто въ рощѣ, гдѣ также можно имѣть готовый самоваръ?

— Гдѣ-жъ еще? развѣ въ Марьиной деревнѣ—а опричь-то врядъ-ли.

— Ты родня этой дѣвушкѣ, что намъ служитъ?

— Называютъ теткой. — А что?

— Такъ, — я замѣтилъ ея почтеніе къ тебѣ.

Это, кажется, понравилось Ѳеонѣ и развязало языкъ ея, не слишкомъ молчаливый отъ природы. — Кедровъ подошелъ къ намъ, она начала:

— Она бѣдная сиротка; не то на Петровъ, не то на Ивановъ день, подложили ее подъ окно моего деверя. Ну и взялъ — да къ священнику, что̀ присудитъ; а тотъ говоритъ: «береги ее, это твое счастіе». Вотъ оно счастіе-то, велико! — А ужъ какъ онъ ею убивался — такая слабенькая была, — а сорочка-то тонкая, тонкая! въ чемъ положили-то, и кружевцемъ обшита, а на шеѣ крестикъ золотой — знать ужъ крещена. — Чуть закричитъ бывало — а благая была — и! такъ изъ себя и выйдетъ: «вы», — говоритъ мой деверь, — «у меня во сто глазъ смотритс — она великатной породы». — Вѣстимо, человѣкъ зажиточной, могъ лелѣять! Ну, подросла, священникъ къ себѣ, говоритъ — поучу грамотѣ; а тамъ похлопоталъ да и въ пріютъ. Вотъ и вышла дѣвка грамотная, и шить и вышивать, да не къ двору, — и вой съ ней, прости Господи! — Хотѣли пристроить въ магазинъ модный — такъ нѣтъ — батюшка говоритъ: «избалуютъ; лучше за мужъ выдайте». — Замужъ! — а кто возметъ эдакую — щедушную?! для крестьянина что она за работница: ни жать, ни молотить; а городо-

вому дай денегъ; вотъ оно что! такъ-то и возись теперь съ ней!...

Но вотъ показалась и Настя и, къ удивленію нашему, не одна, а съ Кузьмичемъ. Онъ напѣвалъ ей что-то, размахивая руками; однако за нѣсколько десятковъ шаговъ пріостановился, посмотрѣлъ въ нашу сторону съ какой-то злобной усмѣшкой и отправился въ обратный путь. Минуту спустя показались мон-шеры, посмотрѣли на насъ грозно и также скрылись.

Настя подошла сконфуженная и съ измятой прической; положила на столикъ свертокъ бумаги и стала развязывать узелокъ платка. — Кедровъ, мрачный по-прежнему, стоялъ, скрестивши руки.

— Отъ чего ты такъ долго не приходила? началъ онъ.

Настя молчала.

— Настя! я тебя спрашиваю, — отъ чего ты такъ долго не приходила?

Настя взглянула на него молча; потомъ съ словами: «ахъ! самоваръ-то погасъ!» побѣжала къ нему и принялась усердно раздувать.

— Кажется мы не имѣемъ права требовать у нея отчета въ поведеніи?!—сказалъ я не слишкомъ ласково, не простивъ ему еще сарказма.

Онъ сѣлъ молча на прежнее мѣсто.

Въ эту минуту опять появился Кузьмичъ, онъ

шелъ прямо къ намъ съ какимъ-то рѣшительнымъ видомъ, но съ неизмѣнной своей насмѣшливой улыбкой: — «Господамъ-кавалерамъ мое почтеніе!» — сказалъ онъ, пренизко раскланиваясь съ нами и готовясь сказать еще что-то; но видя, что я едва кивнулъ ему, а Кедровъ просто отвернулся, проговоря сквозь зубы: «этотъ плутъ кажется и насъ хочетъ завербовать въ свое знакомство!»—попятился отъ стола съ тѣми же поклонами, не показавъ даже и тѣни неудовольствія; подошелъ къ Настѣ, пагнулся и шепнулъ ей что-то на ухо; потомъ перекинулъ два-три слова съ толстой Ѳеоной и скрылся въ глубинѣ рощи.

— Этотъ плутъ что-то еще придумываетъ,— замѣтилъ я.

Настя продолжала все еще усердно раздувать и обтирать самоваръ, какъ подошла къ ней дѣвочка и сказала ей: «Настасья! поди скорѣй, тебя тетушка Ѳеона кличетъ!» — «Сейчасъ, только подамъ самоваръ!» — отвѣчала она и продолжала свою работу. Между тѣмъ самоваръ какъ бы притихъ, потомъ, съ новою силою, зашумѣлъ, заклокоталъ и вотъ густой паръ пробился изъ-подъ крышки. Настя подняла и поставила самоваръ на столъ. Кедровъ опять повторилъ вопросъ свой,—Настя молчала.

— Послушай, Настя! ты съ виду скромная

дѣвушка.... продолжалъ онъ, — я не берусь судить твоихъ поступковъ.... ты могла быть, гдѣ угодно, и дѣлать, что угодно.... но послѣ!... а теперь.... ты не подумала этого.... ты играла нашимъ терпѣніемъ, заставляя ждать себя.... мы хотѣли уйти, предполагая, что ты насъ обманула.... это не совсѣмъ было бы честно съ твоей стороны.

Кедровъ выговаривалъ каждое слово съ выраженіемъ неудовольствія и рѣзко, играя тростью и не смотря на Настю. Бѣдная дѣвушка съ первыхъ словъ его вся обратилась въ слухъ; лице ея болѣе и болѣе блѣднѣло, но при послѣднихъ выраженіяхъ она выпрямилась и закинувъ нѣсколько голову, сказала ему:

— Вы, сударь, въ первый разъ меня видите.... Въ глазахъ вашихъ я ничтожна.... обо мнѣ можно говорить съ насмѣшкой и пренебреженіемъ, потому только, что я бѣдная самоварница!... Вотъ ваши деньги — вы ихъ не пересчитали.... Я опоздала, и вамъ, можетъ быть, не нуженъ ужъ самоваръ.... Чай и сахаръ я оставляю у себя, а вамъ сей-часъ возвращу деньги.

Съ послѣдними словами она протянула руки къ самовару, — Кедровъ остановилъ ее.

Все это высказала она такъ просто, но съ такимъ достоинствомъ и благородствомъ, что я остолбенѣлъ отъ изумленія. Признаюсь, въ про-

стой дѣвушкѣ встрѣтить столько амбиціи, столько чувства самосознанія — казалось мнѣ невѣроятнымъ.

— Одинъ неловкій поступокъ ты хочешь поправить другимъ?... спросилъ онъ.

— Тѣмъ заслужила безчестіе,—перебила Настя,—что-же теперь, сударь, заслуживаю?

— Удивленія и участія! — сказалъ я. — Въ простомъ классѣ людей такъ не выражаются.... скажи же намъ, загадочная дѣвушка, кто ты?

— Бѣдная сирота, безъ защиты, безъ пристанища!... которая, безъ ропота, должна переносить отъ людей насмѣшки, клевету, оскорбленіе!... и только ждать себѣ утѣшенія тамъ!...

Она подняла глаза къ небу и двѣ слезы скатились съ ея матовыхъ щечекъ.

Какъ хороша была она, какъ хорошъ былъ Кедровъ въ эту минуту!... Лицо его какъ бы освѣтилось какимъ-то блескомъ,—глаза горѣли и благородныя черты его выражали непритворное участіе.... Я любовался ими.

— Нѣтъ, нѣтъ, Настя! — произнесъ онъ наконецъ, — твое сердце чисто.... ты не можешь обманывать! Я не ошибся въ тебѣ — твое лицо можетъ внушить только уваженіе и любовь!... прости меня, я слишкомъ дерзко обошелся съ тобой — я виноватъ.

— О, нѣтъ! я виновата передъ вами.... я должна была прямо разсказать все.... но — мнѣ было совѣстно признаться, что....

— Настасья!... да что же ты, оглохла что-ли? недокличешься се въ двадцать разъ! — закричала Ѳеона.

И Настя съ словами «сей-часъ, тетушка!» убѣжала отъ насъ.

Мы посидѣли еще немножко; вмѣсто Насти подошла ея тетка и объявила, что племянницу ея отослали домой — по нужному дѣлу, а что дослужитъ намъ ужъ она. Никакіе тонкіе мои намеки не вызвали больше ни одного полу-слова отъ толстой бабы о такомъ скоромъ уходѣ Насти; требовать же настоятельно объясненія причины его было бы безразсудно да и не прилично. — Кедровъ какъ-бы не обращалъ на все это вниманія.

И такъ намъ нечего было дѣлать въ рощѣ; чай пить мы не хотѣли, да и не вѣрили въ чистоту воды; однако надо же было показать, что зашли сюда вовсе не для Насти, и потому я принялся развертывать и высыпать въ чайникъ весь принесенный чай, но такъ умышленно неловко, что онъ сыпался и на столъ и на траву. Мнѣ не хотѣлось оставить его бабѣ, которая съ жадностію и досадой слѣдила мои продѣлки; а какъ еще остался въ бумагѣ чай, то я вынулъ

фуляръ и, смахивая чай со стола, смахнулъ и бумагу. Ѳеона ахнула, и съ словами: «еще баринъ! ничего-то не умѣетъ»..... бросилась-было поднимать, но было безполезно: бумага перевернулась на-лету. При этихъ восклицаніяхъ Кедровъ взглянулъ на меня и улыбнулся; онъ понялъ мою шутку. — Съ сахаромъ раздѣлаться мнѣ было легче: я положилъ по нѣсколько кусковъ въ маленькія чашки, и, размѣшивая томпаковой ложечкой, подбавлялъ еще по куску, а остатками принялся одѣлять дѣтей, въ чемъ помогалъ и Кедровъ.

Извощикъ давно ужъ поджидалъ насъ у дороги. — Мы сѣли и понеслись обратно въ Москву.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ОБРАЗЧИКЪ ТОГО, КАКЪ ИНОГДА СЛАГАЮТСЯ СПЛЕТНИ.

«Избѣгайте знакомства съ этимъ человѣкомъ; его поведеніе не слишкомъ одобряютъ.—А...вы его знаете? — Нѣтъ, но мнѣ очень много говорили о немъ дурнаго...»

Мы возвращались въ Крестовскую заставу и молчали во всю дорогу, полные разнообразныхъ думъ. Подъѣзжая къ гостинницѣ, я спросилъ Кедрова, когда онъ ѣдетъ въ деревню. — «Не знаю», отвѣчалъ онъ разсѣянно,—«можетъ быть, завтра,»—и мы разстались съ нимъ, какъ люди, привыкшіе видѣть другъ друга каждый день, и притомъ съ какимъ-то принужденіемъ и лѣнью.

Я прошелъ тихо въ свою комнату и не зашелъ даже, по обыкновенію, поболтать съ сестрами; небрежно раздѣлся; безсознательно придвинулъ

къ себѣ Петербургскій журналъ и свѣчку и отослалъ человѣка, сказавъ, что буду спать. Я былъ утомленъ. Глаза мои машинально пробѣгали по строчкамъ, и я не понималъ, что̀ читаю. Разныя лица рисовались въ моемъ воображеніи, и вотъ потянулись длинной вереницей со всѣми событіями сегодняшняго вечера — и все темнѣе и все дальше.—Я задремалъ, погасилъ свѣчу и легъ.

Но вотъ опять Настя, нѣжная, томная, дуетъ въ самоваръ и обтираетъ его своими тонкими бѣленькими пальчиками; Ѳеона грубо толкаетъ ее; Кузьмичъ накидываетъ ей веревку на шею; Мишутка изъ-за дерева рычитъ на всѣхъ и выдѣлываетъ странныя гримасы—и опять все смѣшалось, запрыгало, стемнѣло. — Я вздохнулъ и старался разогнать мысли. — Опять сонъ смежилъ глаза и опять появились знакомыя лица. Вотъ Попопкинъ, съ разодраннымъ воротомъ, шагаетъ по могиламъ кладбища, все ближе, ближе ко мнѣ и вдругъ, со стономъ, летитъ въ ровъ, и ровъ дѣлается все шире, шире. Но это не ровъ, а могила самоубійцы.... Рухнулъ памятникъ, разсѣлась могила, и въ бѣломъ покрывалѣ подымается Настя, — подымается все выше, выше,—голова ея ужъ за облаками, а покрывало все еще тянется изъ могилы..., и стала дѣлаться тоньше, прозрачнѣе Настя, и испа-

рилась совсѣмъ, исчезла и могила.... только качается на вѣткѣ Кузьмичъ, въ видѣ свѣтящагося червячка.... но это не Кузьмичъ, а Ѳеона.... и не Ѳеона, а обыкновенный паукъ, и широко раскинулъ онъ паутину и бросился запутывать меня.... Замелькало, запрыгало, засвистѣло все вокругъ меня.... Я вскрикнулъ и проснулся.

Долго я переваливался съ боку на бокъ. Сонъ мой обнаруживалъ лихорадочное состояніе и я боялся серьёзно занемочь; однако къ разсвѣту я заснулъ покойнѣе и тѣмъ нѣсколько освѣжился.

Но мнѣ не суждено было насладиться покойнымъ сномъ.

Еще не было семи часовъ, какъ вошелъ Яковъ и разбудилъ своей топотней и умышленнымъ кашлемъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ я.

— Какой-то баринъ, сударь, приказалъ доложить о себѣ,—фамиліи не сказалъ,—говоритъ, что вы его знаете и что ему очень нужно видѣть васъ.

Это Кедровъ,—подумалъ я, — вѣрно заѣхалъ проститься.—Проси!— Я потянулся всѣми членами съ упоительной нѣгой и приготовилъ радушно-веселую улыбку; вчерашняя хандра моя начинала разсѣиваться. Но — о, ужасъ! — вмѣсто Кедрова явился Попопкинъ. Расправленные чле-

ны мои судорожно сжались, улыбка исчезла и все лице мое превратилось въ вопросительный знакъ. Я не въ-состояніи былъ проговорить слова, но онъ и не заботился ни объ моихъ привѣтствіяхъ, ни о моей физіономіи. Онъ окинулъ сперва взглядомъ всю комнату; потомъ подошелъ и безъ церемоніи сѣлъ въ кресло подлѣ меня.

— Ну, братецъ, какъ я радъ, что засталъ тебя дома! Вчера какъ было досадно, что ты скрылся въ рощѣ!—Ужъ я искалъ, искалъ тебя по трактирамъ—нѣтъ нигдѣ; постой, думаю, посмотрю, не пьетъ ли чай у Настьки—тамъ тоже бываютъ порядочные люди, а ты вѣдь начинаешь, кажется, исправляться; а то былъ такой — просто тюфякъ! — Ну, такъ я было къ Настькѣ,—а тутъ на встрѣчу Кузьмичъ, «куда? говоритъ, — пойдемъ, угощу водкой!» — Разумѣется пойдемъ.... Выпилъ, да ужъ не помню, гдѣ ночевалъ, а кажется не дома!... А сегодня, какъ проснулся, такъ и вспомнилъ о тебѣ.... вѣрно, думаю, и онъ подкутилъ.... пойду къ нему!—вотъ и пришелъ. Ну, чтожъ,—вели дать водки, или рому!

— У меня нѣтъ ни того, ни другаго.

— Ну, такъ вина давай какого-нибудь,—вѣдь что-нибудь да пьешь же?

— Кромѣ воды ничего.

— Э! такой же дрянь! а я было обрадовался, думалъ—сталъ, кажется, на нашу стать!... эхъ ты пустарнакъ Иванычъ.... Ну, дай что-нибудь изъ мелочи.... пойду и выпью, и за себя и за тебя!...

Я указалъ ему на порт-моне, лежавшее на столѣ и сказалъ:—«возмите, что надо... и оставьте меня!....»

Заставить повторять предложеніе было, кажется, не въ его привычкѣ. Онъ раскрылъ порт-моне и препокойно высыпалъ все, что тамъ было, на ладонь, а за тѣмъ и въ карманъ, говоря мнѣ:

— Вотъ, братецъ, спасибо,—какъ я тебѣ благодаренъ! Когда-нибудь отдамъ; а теперь, пока, прощай!... Сни себѣ, ты еще, кажется, не проспался, глаза-то красные, а говоритъ: «пью воду!...» Ну да Богъ съ тобой!... прощай!

Онъ протянулъ ко мнѣ грязную руку, но я инстинктивно повернулся къ стѣнѣ и проговорилъ отрывисто: «прощай!»

— Когда будетъ въ чемъ нужда, скажи мнѣ—слышишь? Я за тебя въ огонь полѣзу. — Ну, прощай, ты, кажется, опять заснулъ!...

Онъ ощупалъ подъ одѣяломъ мою ногу, пожалъ ее и вышелъ.

Боже, какая пытка! Какое надо было имѣть терпѣніе, чтобы вынести такой визитъ! Мнѣ

представилось даже, что въ комнатѣ моей образовался какой-то удушливый запахъ, и сдѣлалось трудно дышать. Я позвонилъ,—поворчалъ на Якова и заставилъ курить.

Какъ гадокъ показался мнѣ весь рощенской сбродъ, послѣ тяжелаго сна и неожиданнаго посѣщенія Попопкина, не исключая даже Насти. Я бѣсился и на себя, и на Кедрова, и на рощу.— Проклиналъ минуту свиданія съ другомъ и далъ себѣ слово никогда не ѣздить въ рощу, даже въ Семикъ. Лихорадочное состояніе снова обнаружилось во мнѣ; я метался по дивану и не находилъ ни одного покойнаго положенія. Но вотъ щелкнула опять ручка двери и опять появился Яковъ.

— Г-нъ Кедровъ желаетъ васъ видѣть—прикажете принять?

Новая пытка, подумалъ я, но не могъ рѣшиться отказать старому товарищу въ свиданіи; я колебался и наконецъ сказалъ: « проси! »

Лицо Кедрова показывало, что онъ находился въ состояніи, едва ли не худшемъ моего. Блѣдный, со впалыми глазами, онъ подошелъ ко мнѣ, молча пожалъ руку и сѣлъ въ кресла; но я не пожалѣлъ его—я былъ по прежнему мраченъ и подъ вліяніемъ тѣхъ же чувствъ.

— Другъ мой,—началъ онъ, — я не могъ на

минуту заснуть во всю ночь. Мнѣ безпрестанно представлялась Настя и я все объ ней думаю.

— Что же ты не продолжалъ думать объ ней одинъ? Вчерашній вечеръ такъ меня изнурилъ, что я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ.

Кедровъ понялъ мой намекъ на то, чтобы не дѣлать продолжительнаго визита, и это очень его огорчило: у него не было больше никого, съ кѣмъ бы могъ поговорить о Настѣ.—Мнѣ стало его жаль.

— Я очень безпокойно спалъ,—началъ я опять,— и кромѣ того былъ разбуженъ Попонкинымъ.

— Попонкинымъ! можетъ ли это быть!.., Но зачѣмъ зашелъ къ тебѣ этотъ несчастный?

— Я вчера неожиданно былъ въ его владѣніяхъ: быть въ рощѣ, какъ онъ мнѣ далъ понять, значитъ принадлежать къ разряду людей, подобныхъ ему. — Я теперь далъ себѣ слово никогда не быть въ подобныхъ мѣстахъ. — Такъ онъ и приходилъ отдать мнѣ визитъ и опорожнить мой кошелекъ.

— О, какъ ты долженъ быть сердитъ на меня, любезный Сергѣй! сколько я доставилъ тебѣ непріятныхъ минутъ!

Но я не злопамятенъ. Мы сей часъ же перемѣнили разговоръ. Я велѣлъ подать чаю, и, закуривъ сигары, мы начали вспоминать о чудной Настѣ. Конечно, намъ жалка казалась ея участь,

но больше занимали: ея умъ, ея восхитительная фигура, ея благородные пріемы. Непріятныя чувства изглаживались, веселость возвращалась и мы чудесно провели все утро.

— Куда же ты?—спросилъ я товарища, когда онъ взялся за шляпу.

— Я чувствую себя какъ нельзя лучше, а потому нынче же уѣзжаю къ отцу.

Наконецъ впечатлѣнія рощенскихъ проказъ должны изгладиться, подумалъ я, оставшись одинъ; жаль бѣдной Насти!... но, если можетъ быть сдѣлано ей зло, я не могу его отстранить; по-крайней-мѣрѣ, самъ я не хочу быть причиною ея несчастія.... Постараюсь разсѣяться и забыть о ней!... Напоминать же теперь будетъ некому.... Кедровъ уѣдетъ, Попоткина въ другой разъ не увижу....

— Какой-то Кузьмичъ желаетъ васъ видѣть!— проговорилъ Яковъ, показавшись въ дверяхъ.

— Что за дьяволыцина!—проворчалъ я сквозь зубы,—вотъ не ожидалъ!—наконецъ не достаетъ мон-шеровъ, Ѳеоны и самой Насти, чтобы поздравить меня съ вчерашней прогулкой! Я расхохотался и велѣлъ впустить Кузьмича.—Посмотримъ, зачѣмъ еще этотъ является ко мнѣ.

Я приготовился принять его съ тономъ холодной важности, какъ принимаютъ докучныхъ просителей; но принялъ вѣжливо и съ нѣкото-

рой любезностью. Кузьмичъ, который вошелъ ко мнѣ, былъ совсѣмъ не тотъ Кузьмичъ, который бѣгалъ по рощѣ. Сюртукъ, хотя и длинный, но изъ отличнаго сукна, прекрасно обрисовывалъ его маленькую фигурку; двѣ медали на шеѣ были вѣрнымъ ручательствомъ за то, что онъ человѣкъ почетный и пользующійся извѣстностью и уваженіемъ. Даже въ пріемахъ его замѣтенъ былъ шикъ людей, живущихъ въ свѣтѣ. Я указалъ ему на стулъ и самъ помѣстился напротивъ. Но рощенскій Кузьмичъ еще не вышелъ изъ моей головы, со всѣми его странностями.

— Позвольте узнать причину вашего посѣщенія?

— Вы вчера изволили быть, конечно такъ, для прогулки, *въ Марьиной рощѣ*?! — Онъ сдѣлалъ удареніе на послѣднія два слова и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Событіе не важное, — что же дальше?— отвѣчалъ я равнодушно.

— И пили чай, съ товарищемъ, у торговокъ...

— У Насти, хотѣли вы сказать? да, въ этомъ вы могли легко убѣдиться,—вы подходили къ нашему столу.—Сказавъ это, я взглянулъ на него, въ свою очередь, съ наблюденіемъ, но ничего не замѣтилъ въ его физіономіи.

— Это былъ, вѣроятно, также простой случай?—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на

мои слова,—вы не знаете этой дѣвушки. Не вашъ ли это фуляръ? я поднялъ его около столика, проходя мимо, когда вы уѣхали.

Фуляръ былъ дѣйствительно мой.

— А, вы слѣдили насъ?!... Благодарю за эту бездѣлицу;—впрочемъ не стоило вамъ безпокоиться....

Я всталъ, Кузьмичъ сдѣлалъ то же.

— Вы считаете бездѣлицей мой поступокъ? Извините, въ немъ заключается для васъ много.

— Много?! вы меня удивляете, почтеннѣйшій Василій Кузьмичъ!

— Вы не будете удивляться, если я скажу вамъ, сударь, что черезъ два — три дня будутъ говорить вездѣ, что вы были въ рощѣ;—не бѣда быть въ рощѣ,—но будутъ говорить съ разными прибавленіями, не весьма пріятными для васъ.

— Что все это значитъ?—Я васъ не понимаю.

— Не угодно ли садиться, — я сей-часъ все объясню вамъ! Въ рощѣ могли быть, а можетъ и были, кучера и лакеи вашихъ знакомыхъ..... Попоикинъ прокричалъ вашу фамилію—ее могли слышать; а вѣдь это то же, что видѣли!... Но это еще ничего!... Попоикинъ потерялъ всѣ права на общественное уваженіе; потерялъ также и честь и совѣсть; слѣдовательно, очернить васъ, распустить слухъ, что вы были съ нимъ въ одной компаніи — ему ничего не значитъ; онъ, мо-

жетъ быть, даже явится къ вамъ, если еще не являлся; ему скажутъ: «нѣтъ дома», онъ придетъ въ другой разъ; его будутъ выгонять—онъ будетъ кричать и буянить.... а вы вѣрно не захотите такой исторіи. И это еще не все! Тамъ были два человѣка, одинъ записной биліардный игрокъ и большой негодяй, но другой — очень скромнаго поведенія, хотя и глуповатъ; они тоже васъ видѣли; если они и не знаютъ вашей фамиліи, то имъ сообщить ее очень легко! Они могутъ также подтвердить всѣ ложные слухи, какіе только распустятся про васъ. А если я прибавлю къ этому болтовню самоварницъ ?...

Быстро сообразилъ я возможность всей этой гнусной лжи, тѣмъ болѣе, что уже былъ Попошинъ и могли слышать въ лакейской его нецеремонный разговоръ со мной; а отъ лакейскихъ доступъ возможенъ и въ уборныя. — Я былъ очень молодъ и пылокъ, и притомъ имѣлъ нѣкоторые виды; мнѣ страшно было потерять изъ такихъ пустяковъ мои надежды. Я не на шутку струсилъ, но не хотѣлъ показать этого и отвѣчалъ небрежно:

— Вы изъ простой прогулки выводите какую-то безконечную и нелѣпую исторію — и не знаю для какой цѣли; извините, мнѣ право стало скучно слушать! — Я снова всталъ.

— Я вамъ передалъ все это вкратцѣ, но

это все можетъ случиться въ широкихъ размѣрахъ.

— Кто же это постарается?

— Я!

Меня изумила такая дерзость.—Я еще не собрался съ мыслями и не зналъ, что отвѣчать, какъ онъ снова началъ:

— Графинѣ Z, генеральшѣ X, госпожѣ Y, и другимъ почтеннымъ особамъ, будутъ завтра же разсказывать ваши похожденія со всевозможными прикрасами....

— Угрозы! Оставьте меня! — я не боюсь вашихъ гнусныхъ сплетней.... меня слишкомъ хорошо знаютъ и не повѣрятъ такимъ баснямъ!...

— Баснямъ?! Но вы подтвердите сами эти басни, вамъ нельзя отозваться, что вы тамъ не были. —Притомъ же въ вашемъ домѣ бываетъ, —а можетъ быть и теперь здѣсь—одна почтенная вдова, которая любитъ передавать на ушко различные анекдоты—между своими знакомыми; появленіе Попопкина въ вашемъ домѣ будетъ для нея находкой; о причинѣ ей стоитъ только намекнуть, — а тамъ уже она разовьетъ исторію лучше всякаго романиста. Понимаете? —Тонкіе намеки, двусмысленныя улыбки, остроты, ѣдкія замѣчанія.... все это очень долго безпокоитъ человѣка, который попадетъ на удочку

молвы!—И такъ, сударь, отъ меня зависитъ начать, или навсегда прекратить этотъ скандалъ.

— Къ чему все это клонится?—чего вы хотите отъ меня?

— Бездѣлицы!—Откажитесь отъ вашихъ посѣщеній въ рощу.

— А, вы считаете меня счастливымъ соперникомъ! да, я замѣтилъ ваше неравнодушіе къ Настѣ!

— Мой сынъ старше ея. — Въ мои лѣта не затѣваютъ любовныхъ интригъ.

— Такъ что же вы затѣваете?

— Это моя тайна!... Я вамъ высказалъ откровенно и мои мысли, и мое желаніе, какъ благоразумному и благородному человѣку. Можетъ быть, вы и сами, послѣ встрѣчи съ Попопкинымъ, не рѣшились бы показаться тамъ; но мнѣ нужно ваше слово, о товарищѣ вашемъ я не забочусь. Повѣрьте мнѣ, сударь, въ мои лѣта, съ моими понятіями, не думаютъ о пустыхъ причудахъ и дѣтскихъ затѣяхъ; если же я рѣшился такъ дѣйствовать,—значитъ, что къ тому побуждаютъ меня серьёзныя и, можетъ быть, даже важныя причины....

— Вѣрю, но позвольте два вопроса: что общаго между нами, и почему вы знаете Настю?

— Гм.... Вы приподнимаете завѣсу къ моей тайнѣ?— Извольте; сколько можно, я объясню

вамъ: вашъ кругъ знакомства широкъ, мой тоже не тѣсенъ; можетъ быть, нѣкоторыя точки ихъ сливаются.... Но дальнѣйшаго соединенія этихъ точекъ я допускать не долженъ. Не старайтесь разгадать причины,—вы ничего не поймете и ни въ чемъ не помѣшаете мнѣ.... На второй вашъ вопросъ я скажу только то, что она была въ пріютѣ, я зналъ ее тамъ, потому что одинъ изъ моихъ друзей былъ директоромъ этого пріюта. Но больше ни слова и о ней.... Согласны вы на мое предложеніе?

— Съ условіемъ, — чтобы тайна ваша была, со временемъ, открыта мнѣ чистосердечно.

Кузьмичъ внимательно посмотрѣлъ на меня, потомъ задумался и наконецъ сказалъ со вздохомъ:

— Да, если можно будетъ кому довѣрить мою тайну, такъ это вамъ,—только тогда, когда я не буду видѣть къ тому какихъ-нибудь серьёзныхъ препятствій.

Мы разстались съ Кузьмичемъ очень ласково и дружелюбно.

Долго я думалъ объ этомъ загадочномъ старикѣ, но ничего не могъ разъяснить въ его странныхъ поступкахъ,—и потому, предоставивъ все времени, успокоился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, ОБЪЯСНЯЮЩАЯ, ЧТО ВНЕЗАПНАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ВСЕГДА УВѢНЧИВАЕТСЯ УСПѢХОМЪ.

РАЗСКАЗЪ КЕДРОВА.

« Но эта страсть, но эта битва,
« Но муки сердца моего—
« Пусть будутъ тайной для него!...

Пропорхнуло лѣто, протащилась осень, прокатила и зима, — и вотъ съ свѣтлой, дѣвственной улыбкой слетѣла отрадная весна.

Я не имѣлъ никакого извѣстія о Кедровѣ, послѣ того, какъ видѣлся съ нимъ у себя въ послѣдній разъ; не встрѣчалъ нигдѣ Кузьмича, и самое происшествіе въ рощѣ изгладилось изъ моей памяти; рѣдко, рѣдко приходила въ голову Настя и то такъ, мимолетомъ, — не возбуждая ни участія, ни желанія видѣть ее. Другія чувства, другія мысли занимали меня.... О, молодость, молодость!

Мѣховое было уже запрятано, у кого къ скорняку, у кого въ сундукъ, у кого и въ чужія руки; но что раскрывать всѣ тайны досужливой оборотливости! На улицахъ встрѣчались въ тепломъ только старики, да люди слабонервные; но ихъ можно встрѣтить и лѣтомъ, если не въ мѣху, такъ во фланели.—Однимъ словомъ, наступалъ освѣжительный, благовонный май.

Въ большомъ театрѣ назначенъ былъ спектакль, я взялъ кресло и, имѣя еще свободныхъ полчаса, сталъ прохаживаться въ Голицынской галлереѣ. Шляпки, чепчики, платочки — мелькали мимо меня; мелькали также мимо меня каски, шляпы, фуражки;—но вотъ показалась знакомая шляпа!... «Кедровъ!»—«Свейской!...» и мы заключили другъ-друга въ объятія.

— Ну, какъ ты, Алексѣй, поживаешь? что твоя хандра? но ты, кажется, также суровъ и блѣденъ, какъ прошлаго года,—что съ тобой?!... Не хочешь-ли опять прокатиться къ Настѣ въ Марьину рощу?

Я захохоталъ; но Кедровъ посмотрѣлъ мрачно на меня и молчалъ.

— Ты право, Кедровъ, пугаешь меня!—твоя болѣзнь заразительна; или ты разыгрываешь передо мною драму, или ты изъ деревни вывезъ безнадежную любовь....

— Я не былъ въ деревнѣ.

— Какъ! ты въ тотъ-же день хотѣлъ ѣхать? Да и на слѣдующій день, вечеромъ, я заѣзжалъ въ гостинницу, тамъ сказали, что ты выѣхалъ изъ Москвы.

— Я только переѣхалъ на время въ другую гостинницу, чтобы обмануть всѣхъ и даже тебя.

— Но что-жъ была за цѣль?

Кедровъ взялъ мою руку и, пожимая ее, долго и внимательно разсматривалъ меня, въ глубокомъ молчаніи и съ особеннымъ наблюденіемъ; наконецъ проговорилъ съ чувствомъ:

— Нѣтъ, ты не измѣнишь мнѣ! Я увѣренъ въ твоемъ искреннемъ ко мнѣ участіи и надѣюсь на твою дружбу.... Не правда ли? ты сохранишь мою тайну и примешь на себя очень серьёзное и довольно щекотливое порученіе? — Но сперва ты долженъ все знать.... Я каждый день ходилъ въ рощу.

— Несчастный! ты влюбился въ Настю?

— О, да! Я люблю ее такъ, какъ еще никто и никогда не любилъ!... Но здѣсь неудобно; пойдемъ, я разскажу тебѣ все.

Я не могъ отказаться отъ спектакля, потому что въ театрѣ было назначено очень интересное для меня свиданіе.... я обѣщался придти къ нему утромъ.

— Такъ приходи же въ Лондонъ, я буду ждать тебя.

— А, ты оставилъ Лейпцигъ! кажется гостинница эта тебѣ такъ нравилась прежде?

— Она мнѣ нравится и теперь, но мои финансы заставляютъ жить скромнѣе. Прощай! завтра узнаешь все.

Я проснулся рано и поспѣшилъ къ Кедрову: мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе узнать его приключенія.

Номеръ, который занималъ Кедровъ, состоялъ изъ одной небольшой комнатки, выходившей въ длинный корридоръ, и безпечный слуга его могъ имѣть покойное мѣсто только въ этомъ корридорѣ; но вѣроятно онъ въ отсутствіи своего барина,—что конечно было очень часто,—покойно-себѣ, потягивался въ номерѣ на единственномъ диванѣ.... Мы усѣлись съ Кедровымъ на этотъ диванъ и онъ началъ.

«Какъ только мы съ тобой разстались, я прямо отправился въ номеръ, съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать въ деревню; послалъ Степана за лошадьми и самъ занялся кое-какими приготовленіями къ дорогѣ. Ты знаешь безпечность этого лѣнтяя, но, впрочемъ, добраго малаго, — мнѣ приходилось самому даже увязывать чемоданы.

«Отвѣтъ отца на мое письмо, а съ нимъ и деньги, на проѣздъ, за номеръ и на покупку нѣкоторыхъ вещей ему и себѣ, я получилъ

передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ тебѣ. Слогъ письма былъ очень холоденъ и важенъ; въ немъ не говорило чувство отца! — меня не звали прильнуть къ родительскому сердцу, — но приказывали явиться немедленно на справедливый и строгій судъ.... а я былъ невиненъ! — Но Настя, чудная Настя! — она согрѣвала мои чувства; видъ ея, ея улыбка — носились предо мною и отгоняли мрачныя мысли!...

«Лошади были уже у крыльца, а я не отрывался еще отъ моей мечты, отъ моей милой Насти. Вещи не были закуплены, да я и забылъ о нихъ. Наконецъ мнѣ напомнили, что все готово и пора оставить номеръ. Машинально вышелъ я, машинально сѣлъ въ карету и — вотъ четверка измученныхъ клячъ потащила меня вверхъ по Кузнецкому мосту, Лубянкѣ, Срѣтенкѣ.

«А Настя все еще не выходила изъ головы.... а Настя плакала вчера, когда я такъ жестоко оскорбилъ ее! и я не увижу ее, я не прощусь съ ней, не вымолю ея улыбки, не услышу ея очаровательнаго голоса!... Я призадумался — мнѣ стало грустно....

«Стой! — закричалъ я; карета остановилась, это было около Сухаревой башни. «Что тутъ за трактиръ?»—«Гостинница Ярославль,» отвѣчалъ ямщикъ. Гостинница! и останавливаются пріѣзжіе?

«—Какъ же—здѣсь номера тоже есть».—Сте-

панъ! спроси мнѣ номеръ, да не слишкомъ дорогой.

«Степанъ мой остолбенѣлъ отъ изумленія.—

«—Какъ же, баринъ, а въ деревню-то развѣ не поѣдемъ?» сказалъ онъ почесывая затылокъ.

«— Не твое дѣло разсуждать; ступай, куда посылаю,»—отвѣчалъ я строго.

«Черезъ нѣсколько минутъ я уже сидѣлъ въ новомъ своемъ жилищѣ.

«Я прошу тебя, другъ мой, вникнуть искренно въ то положеніе, въ которомъ я тогда находился: съ одной стороны, старикъ отецъ, съ которымъ я столько лѣтъ не видался, передъ которымъ я такъ очерненъ — и моимъ появленіемъ, моимъ объясненіемъ, въ нѣсколько словъ, я могъ разрушить всѣ лживые толки и снова пріобрѣсть любовь и нѣжность его; съ другой стороны, Настя, только одна Настя!... Почтеніе, долгъ, признательность, наконецъ, справедливое негодованіе на клевету, оскорбленное самолюбіе и честь—честь, которую терялъ я даже и тѣмъ, что присвоилъ себѣ всѣ деньги!... все это тѣснилось въ моей головѣ; мнѣ было тяжко, сердце разрывалось.... и—все это заглушилъ, все это разсѣялъ образъ Насти! — Теперь ты поймешь, какъ уже и тогда я любилъ ее.

«Длинная и прямая улица отъ Сухаревой башни до Крестовской заставы мнѣ казалась

всегда такъ коротка, что я не рѣшался брать извощика и привыкъ, съ удовольствіемъ, ходить пѣшкомъ. Но я не стану вдаваться въ мелочныя подробности, это будетъ лишнее; да ты и самъ уже догадываешься, что я каждый день былъ въ рощѣ.

«Однако, въ продолженіе болѣе двухъ недѣль, мнѣ удалось только два раза пить чай у Насти; но это ни къ чему не повело: Ѳеона тотчасъ же смѣняла ее, отсылая за чѣмъ-нибудь домой. А когда она угощала другихъ—въ томъ числѣ мон-шеровъ и Мишутку — то я покойно располагался у ближайшаго столика и любовался ею, дѣлая видъ, что пью чай. Мнѣ ничего больше не нужно было: я видѣлъ Настю, слышалъ очаровательный ея голосъ, замѣчалъ, иногда, взгляды ея на меня и совершенную холодность ко всѣмъ,—и я былъ счастливъ.

— А Кузьмича ты тамъ ужъ не видалъ?»

«— Видѣлъ раза три—не больше; онъ проходилъ всегда скоро и на привѣтливые и низкіе поклоны едва кивалъ головою; а меня какъ бы и не замѣчалъ. На вопросъ мой: кто онъ?—отвѣчали: купецъ — и только. Удивительно-странное впечатлѣніе оставилъ во мнѣ этотъ маленькій человѣчекъ: я не могу себѣ дать отчета, ненавижу-ли я его, или боюсь; но мнѣ всегда бываетъ какъ-то неловко, когда онъ покажется.

«Но ты не перебивай меня, иначе я спутаюсь въ постепенности разсказа.—Я уже, кажется, сказалъ тебѣ, что ни разу не имѣлъ случая поговорить съ Настей?

«Однажды, когда, по обыкновенію, Настя прислуживала другимъ, а я сидѣлъ у ближайшаго столика,—показались изъ рощи два человѣка, вовсе мнѣ не извѣстные, съ подозрительною наружностью; они съ минуту посмотрѣли на меня искоса и опять скрылись; я не обратилъ на это вниманія и продолжалъ свое занятіе, т. е., любоваться Настей. Но вотъ гости ея встали, а въ слѣдъ за ними ушла и она. Мнѣ стало скучно, — я посидѣлъ еще немного и пошелъ тихо въ глубину рощи, ожидая возвращенія Насти. Чиликанье птичекъ и шелестъ листьевъ наводили на меня какую-то томную меланхолію, я задумался и все шелъ дальше и дальше.... но вотъ кто-то хватаетъ меня за рукавъ, я обернулся.... это была блѣдная, встревоженная Настя.

«— Ради Бога, сударь, уйдите скорѣй отсюда—васъ преслѣдуютъ!...»

«— Что это значитъ, Настенька? кто и за что?..»

«— О, не разспрашивайте меня!»—отвѣчала она умоляющимъ голосомъ, «идите, бѣгите, или васъ прибьютъ!...»

«И она скрылась отъ меня.... Я смотрѣлъ ей вслѣдъ; я еще не собрался съ мыслями отъ изумленія, какъ показались изъ-за деревъ тѣ же два подозрительныхъ человѣка; они то выглядывали изъ-за деревьевъ, то прятались опять за нихъ.— Она сказала, думалъ я, что меня хотятъ прибить; но это не возможно,—теперь еще довольно свѣтло и есть гуляющіе въ рощѣ.... Однакожъ она умоляла меня уйти — значитъ она подозрѣваетъ что-нибудь.... и съ этимъ вмѣстѣ слетѣла отрадная мысль, что Настя думаетъ обо мнѣ.— О, я узнаю все.... но я послушаюсь ее.... Съ этими мыслями я пошелъ довольно скоро въ противоположную сторону отъ преслѣдовавшихъ; они, замѣтно, не упускали меня изъ виду, и разстояніе между нами, казалось, все больше и больше сокращается.... Но вотъ вдали свѣтъ— это край рощи. Я еще увеличилъ шаги и очутился на дорогѣ въ с. Останкино. Однакожъ и здѣсь я былъ тоже не въ безопасности; защищаться нечѣмъ, а ихъ двое и кругомъ ни души. Я остановился въ раздумьи, куда идти, какъ показалась пыль со стороны Останкина. Ѣдутъ! теперь мнѣ опасаться нечего; я пошелъ однако же довольно скоро, къ Москвѣ. Къ счастію моему, это оказался извощикъ, я нанялъ его и поѣхалъ нарочно около рощи въ Крестовскую заставу. Негодяи вышли на опушку, но не смѣли

погнаться за мной; я проѣхалъ около мѣста, гдѣ пьютъ чай—тамъ уже никого не было.

«Мысль, кто и за что меня преслѣдуетъ, какъ узнала про это Настя, что̀ общаго между ею и моими врагами—присоединилась къ постоянному желанію видѣть ее, и я горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣй быть въ рощѣ. Ночь, весь день и начало вечера — тянулись для меня невыносимо долго; но вотъ пробило шесть часовъ, и я отправился туда. Въ рощѣ все было по-старому и тотъ же столикъ былъ у крайняго дерева,—только у него стояла не Настя, а другая дѣвушка. Меня обдало холодомъ.

«— Гдѣ же Настя?»—спросилъ я невольно.

«— Настя?!—незнаю»... сказала дѣвушка, растягивая каждое слово.

«Я сѣлъ... Я совершенно растерялся. Я ни какъ не могъ сообразиться съ мыслями, что мнѣ дѣлать: разспрашивать-ли всѣхъ про Настю, но мнѣ также будутъ отзѣчать, какъ и эта, и совѣстно,—да и какое имѣю право разспрашивать о ней? отыскивать ее?... но гдѣ и какъ?... я даже не позаботился узнать, гдѣ она живетъ — какъ будто она проводила ночи на вѣткѣ, вмѣстѣ съ птичками.... Гдѣ Настя? что они съ ней сдѣлали?! о, эти мысли ужасали меня. — Наконецъ, рѣшился я идти въ рощу и отыскивать моихъ враговъ,

Всю рощу искрестилъ я во всѣхъ направленіяхъ и скорѣй походилъ на бандита, чѣмъ на гуляющаго: лице мое было мрачно, взоръ грозенъ. Многіе изъ встрѣчавшихся странно поглядывали на меня, другіе проходили робко и торопливо, но это были не тѣ, кого я искалъ. Глубокая темнота спустилась уже въ рощу; я немогъ различать предметы и счелъ безполезными дальнѣйшіе поиски.—Усталый, измученный, почти больной возвратился я въ гостинницу.

«На другой, на третій день — я продолжалъ розыски, но также безполезно; я не встрѣчалъ даже Ѳеоны, этой, сдѣлавшейся отвратительною для меня женщины, которую готовъ былъ схватить за горло и заставить объявить, гдѣ Настя. Силы мои истощались отъ напряженныхъ размышленій, я потерялъ сонъ, я потерялъ аппетитъ.... Мнѣ кажется, что я скоро бы сошелъ съ ума, еслибы, одинъ разъ, не встрѣтилъ около огородовъ, подлѣ желѣзной дороги, маленькой дѣвочки, прислуживавшей прежде Настѣ и которую я всякой разъ кормилъ сахаромъ.

« — Баринъ», — сказала она, —«что-жъ вы перестали чай-то пить?»

« — Настя тутъ?»

« — Нѣтъ, ее ужъ непускаютъ сюда, она дома.»

«Я отдохнулъ... мнѣ стало такъ легко!... мнѣ стало даже весело. Я взялъ малютку на руки и расцѣловалъ. —

«— Гдѣ-жъ ея домъ-то?»

«— Да все тамъ-же—въ деревнѣ Марьиной».

«— А ты гдѣ живешь?»

«— И я тамъ живу.»—Я разспросилъ подробно, который домъ, далъ ей денегъ и не пошелъ въ рощу.

«На утро я чувствовалъ себя гораздо лучше и тотчасъ же отправился въ Марьину деревню. Погода была превосходная; мнѣ было такъ легко, мнѣ было такъ свободно дышать, что я не только не останавливался, но даже не перемѣнялъ шагу до самой деревни; и какая награда! представь мою радость,—первою встрѣчей была Настя, — Настя, лицемъ къ лицу! Я остановился и невольно поклонился ей; она слегка и застѣнчиво, но довольно граціозно, присѣла и какъ бы ожидала, что я скажу. Я смѣшался, мнѣ такъ неловко было начать разговоръ съ ней о рощѣ; она тоже конфузливо посматривала на меня. Сцена была очень наивна и смѣшна. Наконецъ я нашелся.

«— Позвольте васъ спросить, не отдается-ли здѣсь какая-нибудь квартира? Мнѣ бы хотѣлось провести остатокъ лѣта въ этой деревнѣ»....

«— Вонъ, противъ того большаго дома, —

направо,—кажется отдается,»—проговорила она чуднымъ своимъ голосомъ, который ты вѣрно еще не забылъ, раскраснѣлась и убѣжала.

«Я долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, и пошелъ къ указанному ею дому;—новая радость! Примѣты большаго дома были тѣ же, какія дѣвочка сообщила мнѣ о жилищѣ Насти — и она сама указала мнѣ квартиру противъ своей! Ты поймешь, что я долженъ былъ чувствовать тогда. Какъ съумасшедшій, я почти вбѣжалъ на дворъ; неожиданнымъ и быстрымъ появленіемъ раздразнилъ цѣпную собаку; отыскалъ хозяина и объявилъ, что хочу нанять у него квартиру.

«— Но вы, сударь, развѣ видѣли мой домъ и онъ вамъ нравится?»—сказалъ тотъ съ недоумѣніемъ.

«— Онъ навѣрно понравится мнѣ»,—отвѣчалъ я,—«потому что на прекрасномъ мѣстѣ».

«— Все же лучше извольте посмотрѣть, а тамъ сторгуемся и въ цѣнѣ».

«Это былъ отдѣльный и чистенькой домикъ—изъ трехъ небольшихъ комнатъ; но цѣна казалась невѣроятною; онъ не хотѣлъ взять меньше ста рублей серебромъ. Я попялъ свою опрометчивость, но не могъ отказаться отъ квартиры противъ дома Насти и притомъ ею же предложенной.

«— Хорошо, я оставляю за собой эту квартиру».

«— Но, сударь, я долженъ сказать вамъ, что имѣю обыкновеніе получать всѣ деньги впередъ».

«— Вы ихъ получите — вотъ вамъ, пока, задатокъ!»

«— Хозяинъ былъ пораженъ удивленіемъ и вѣрно почелъ меня страшнымъ богачемъ.

«Сборы мои были не продолжительны. Подлѣ гостинницы, гдѣ я стоялъ, есть мебельныя лавки; я отобралъ себѣ нѣсколько необходимыхъ вещей, судя по величинѣ и размѣру комнатъ, и на другой же день переселился въ деревню. Окно, противъ котораго была комната Насти, составляло главное мое убѣжище; она, иногда, сидѣла за работой, я за книгой, или газетой. Видѣть Настю и замѣчать ея взгляды, съ работы переходящіе на меня,—было однимъ и полнымъ утѣшеніемъ. Ничего я больше не желалъ, ни о чемъ не думалъ,—я былъ счастливъ.

«Такъ прошли первые дни моей жизни въ деревнѣ. Но скоро, къ желанію видѣть Настю, присоединилось новое—говорить съ ней. Что дѣлать! какъ бы человѣкъ ни былъ счастливъ, но онъ все еще желаетъ увеличить свое счастіе и не замѣчаетъ, что между счастіемъ и блажен-

ствомъ—пропасть,—хорошо если онъ перепрыгнетъ ее ! Но возвратимся къ нашему предмету. Когда съ одной стороны я былъ успокоенъ, меня снова начало терзать любопытство—узнать, кто покушался на мою жизнь и какъ узнала объ этомъ Настя? а вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ также хотѣлось и покороче познакомиться съ ней. Но какъ это сдѣлать ? Она работала всегда подлѣ Ѳеоны, а когда навѣщали ее, съ рукодѣльемъ, подруги, то она держала себя еще строже—даже не рѣшалась и разу взглянуть на мое окно. Выходила изъ дому тоже съ Ѳеоной, или гуляла съ другими дѣвушками, однимъ словомъ: за ней видимо слѣдили, и я въ нѣсколько дней убѣдился, что никогда не найду случая увидаться съ ней наединѣ. Надо было придумать другое средство. Я придумалъ начать съ ней переписку. Написалъ самое нѣжное и деликатное письмо, въ которомъ выразилъ снѣдающую меня страсть; просилъ отъ нея состраданія, утѣшенія; говорилъ, что не могу безъ нея жить и умолялъ назначить свиданіе.... Письмо было готово—оставалось только передать его. Но и это затрудненіе скоро исчезло. Разъ вечеромъ, когда начинало уже смеркаться и Настя ушла отъ окна,—около моихъ оконъ играли ребятишки, а въ томъ числѣ и моя фаворитка, дѣвочка, которая показала домъ Насти; я позвалъ ее, далъ сахару,

сухарей, денегъ и — письмо, велѣлъ отдать его Настѣ—«только когда она будетъ одна»,—прибавилъ я,—«чтобы никто не видалъ». Дѣвочка взялась исправно доставить; вышла на улицу, умно повертѣлась около ребятишекъ, потомъ около воротъ, гдѣ жила Настя и—скрылась въ нихъ. Меня какъ бы что отбросило отъ окна, сердце застучало: я чувствовалъ то жаръ, то ознобъ, какъ въ лихорадкѣ; прижался въ уголъ на диванѣ и былъ похожъ, какъ нельзя больше, на спроказившаго школьника. Однако, прошло болѣе часа, наконецъ, и весь вечеръ, а никто не являлся съ отвѣтомъ; я подумалъ, что невозможно сдѣлать этого такъ скоро и сталъ утѣшать себя, что вѣрно получу отвѣтъ завтра.

«Утромъ я не пошелъ гулять, опасаясь, чтобы съ отвѣтомъ не пришли безъ меня; отдалъ приказаніе Степану—немедленно впустить, если кто будетъ меня спрашивать, но самъ боялся даже показаться у окна, — мнѣ такъ было неловко взглянуть на Настю. Однако, спустя два-три часа, я осмѣлился подойти, но никого не было видно; даже въ числѣ игравшихъ дѣтей, я не замѣтилъ моего корреспондента. Прошло утро, прошелъ день, наступилъ и вечеръ,—а все никто не являлся; я перебѣгалъ отъ окна къ окну, но все было безполезно. На дворѣ стало темнѣть. Въ утомленіи и недоумѣніи я опустился

на диванъ и въ этомъ состояніи похожъ былъ на крамольнаго преступника, ожидающаго строгаго приговора и питающагося еще какою-то надеждою. Мнѣ стало душно, я отворилъ всѣ окна. «Зачѣмъ я не пошелъ гулять, по обыкновенію, утромъ? она, вѣроятно, ждала этого, пошла, можетъ быть, ко мнѣ на встрѣчу и, прождавъ безполезно нѣсколько времени, разсердилась на меня, возвратилась домой и теперь не хочетъ даже показаться у окна». Такими и подобными мыслями я утѣшалъ себя, углубясь въ диванъ. Впрочемъ это состояніе было непродолжительно. Явился съ лампой Степанъ, поставилъ ее на столъ и притворилъ-было за собой дверь,—какъ дверь опять съ шумомъ отворилась, и, къ изумленію моему, представился, какъ ты думаешь, кто?—Кузьмичъ!—Я не тронулся съ мѣста, я не въ силахъ былъ вымолвить слова, даже не отвѣтилъ на его вѣжливый поклонъ,—такъ я былъ пораженъ его появленіемъ.

«— Извините меня, сударь,»—сказалъ Кузьмичъ сухо, — «я не задержу васъ, объясненіе наше будетъ самое короткое.... Человѣкъ, у котораго есть какія-нибудь полезныя занятія, не станетъ терять время по-пустому», — продолжалъ онъ колко и язвительно, вынимая изъ порт-фёйля бумагу, и, подавая мнѣ, прибавилъ: «не ваше ли это письмо?»

«Это было мое письмо къ Настѣ. Я задрожалъ отъ негодованія, покраснѣлъ, какъ ракъ, и смялъ его.

«— Вы даже можете разорвать, если вамъ угодно, сударь,—вѣдь это не документъ.—Скромная и честная дѣвушка принесла его ко мнѣ, какъ къ другу ея и благодѣтелю, — поручая спросить о вашемъ намѣреніи?»

«У меня блеснула мысль, что Кузьмичъ—тотъ самый, у кого живетъ Настя, что письмо нечаянно какъ-нибудь попало къ нему и что надо выгородить и себя и ее; я ободрился; но другая мысль, что она могла бы какъ-нибудь увѣдомить меня объ этомъ происшествіи, чтобы дать время обдумать и приготовиться — снова охладила меня.... И потому я отвѣчалъ нерѣшительнымъ и сухимъ тономъ:

«— Если Настя читала мое письмо, то могла понять, въ чемъ заключаются мои намѣренія!»

«— Она читала его и просила меня быть посредникомъ между ею и вами. Мы будемъ говорить откровенно,—съ вашего позволенія!»

«Онъ придвинулъ стулъ и сѣлъ; я даже позабылъ его пригласить къ тому, да признаться и не хотѣлъ.

«— Позвольте мнѣ, какъ человѣку честному и опытному, безъ всякихъ оборотовъ, спросить

васъ, какъ человѣка правдиваго и благороднаго: вы хотите жениться на ней? »

«Этотъ вопросъ уже рѣшительно уничтожилъ меня,—мнѣ показалось, что я пойманъ въ ловушку; но я хотѣлъ благородно, не унижая себя, выйдти изъ нея. Сердце мое сильно сжималось, я былъ въ страшномъ волненіи ; Кузьмичъ хладнокровно посматривалъ на меня, однакожъ въ глазахъ и въ движеніи губъ его замѣтна была чистая иронія. Вообще мнѣ тяжело было продолжительное объясненіе, я хотѣлъ избѣжать его и солгалъ, отвѣчая рѣзко: — да !

«И выраженіе лица и тонъ Кузьмича вдругъ перемѣнились ; онъ даже, казалось мнѣ, поблѣднѣлъ.

«Нѣсколько секундъ продолжалось тягостное, для обоихъ насъ, молчаніе ; наконецъ онъ съ чувствомъ пожалъ мою руку, не заботясь, хотѣлъ ли я того, или нѣтъ, и сказалъ простодушно:

« — Вы поступили какъ дворянинъ, вы поступили честно съ старикомъ,—благодарю васъ! »

«Онъ былъ глубоко тронутъ. Но, въ мгновеніе, лице его приняло прежнее выраженіе и предо мною былъ опять тотъ-же плутъ ; онъ заговорилъ опять, съ тѣмъ же лукавымъ и двусмысленнымъ тономъ, который, вѣроятно, еще памятенъ и тебѣ.

«— Можетъ быть, сударь, вы отвѣчали чистосердечно, можетъ быть, вы и не прибѣгали къ маскѣ свѣтскихъ людей; но.... я долженъ сказать вамъ *съ такой же откровенностью:* — Настасья дѣвушка умная и разсудительная.... Какъ и всякой дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе не знатной, ей лестно ваше предложеніе.... однако, она находитъ необходимымъ отказаться отъ него.... Она сообразила сама, *хоть и женщина*, какое неизмѣримое разстояніе между ею и вами.... Вы — знатный и богатый баринъ; она — безродная и бѣдная сирота.... Притомъ, сударь, я думаю, вы не имѣете своей собственности; а вашъ папенька, вѣроятно, не согласится видѣть единственнаго сына женатымъ на деревенской дѣвкѣ; вы не послушаетесь и женитесь — онъ лишитъ васъ всякаго пособія, — чѣмъ же вы будете жить тогда? Жена, черезъ которую вы лишитесь всего, вамъ будетъ въ тягость, вы ее броситe!... Предположимъ даже, что онъ и согласится; теперь вы молоды, пылки, въ васъ кипитъ страсть, но женитесь, и чувство это охладѣетъ; если вамъ и не представятся другія женщины, болѣе прекрасныя, болѣе образованныя; то все же не ровный, для васъ, бракъ вашъ всегда будетъ передъ глазами; напомнятъ ли о немъ другіе, или нѣтъ.... во всякомъ случаѣ послѣдствія однѣ и тѣ же: раскаяніе и от-

чужденіе—вамъ; страданіе и позоръ — ей.... И такъ, сударь, вы видите невозможность этого брака. Она умоляетъ васъ всѣмъ, что только есть для васъ священнаго, прекратить ваши преслѣдованія и не играть ея честью».

«Ты понимаешь, что я долженъ былъ чувствовать тогда: деревенская дѣвушка, сирота, отказываетъ мнѣ въ рукѣ!!.. Какое оскорбленіе могло упасть глубже этого на душу! Вся внутренность моя какъ бы перевернулась отъ стыда и униженія,—я былъ, я чувствовалъ, что былъ страшно блѣденъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ горѣлъ пламенемъ.

«Не успѣлъ Кузьмичъ кончить, какъ я всталъ и, кивнувъ ему слегка головой, сказалъ холодно и гордо:

«— Передайте, что я исполню ея желаніе».

«Кузьмичъ также вѣжливо раскланялся и вышелъ».

ГЛАВА ПЯТАЯ, ОБЪЯСНЯЮЩАЯ, ДЛЯ НЕЗНАЮЩИХЪ, ЧТО ТАКОЕ ЧЕСТЬ И ЧТО ТАКОЕ ДОЛГЪ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗСКАЗА КЕДРОВА.

«Униженная гордость и негодованіе на Настю не давали мнѣ заснуть ни на минуту. Я всталъ съ разсвѣтомъ и оставилъ деревню, увѣряя себя, что все это было временная забава, которая не удалась, и все тутъ; что уѣзжая, беру съ собой и самое событіе, о которомъ, конечно, забуду всего скорѣе самъ; что Настя, вѣроятно, въ интригѣ съ какимъ-нибудь мѣщаниномъ, а потому и не смѣла согласиться ни на какое мое предложеніе.

«Такія и подобныя мысли вызывала разыгравшаяся во мнѣ желчь; сознаюсь теперь — я былъ ничтоженъ, я былъ смѣшенъ въ безсильной моей злобѣ.

— Извини, что я перебью тебя! — сказалъ я, — знаешь ли, кто такой Кузьмичъ?

— Теперь, почти, знаю, — но тогда ничего не зналъ; — но дай мнѣ кончить.

«Я оставался въ Москвѣ только на нѣсколько часовъ, исполнилъ аккуратно всѣ порученія отца,—денегъ на то-было у меня еще довольно: въ деревнѣ я жилъ безъ всякихъ прихотей, — и пустился въ путь, къ совершенному удовольствію Степана, утѣшая себя тѣмъ, какъ мнѣ обрадуется отецъ, какъ я легко оправдаюсь передъ нимъ, какъ пріятно проведу нѣсколько лѣтнихъ дней и всю осень съ нимъ и, наконецъ, какъ, можетъ-быть, въ кругу прекрасныхъ и любезныхъ сосѣдокъ, забудется образъ Насти. Все это было, по всей вѣроятности, возможно, и я принуждалъ себя заранѣе восхищаться.

«Въ предположеніяхъ своихъ я не ошибся: въ характерѣ отца моего нѣтъ угловатостей; онъ хотя и холодно, сначала, и насмѣшливо принялъ меня; однако объясненіе наше было очень короткое: сообразивъ мои оправданія со всѣми ложными доносами, онъ согласился, что я не совсѣмъ виноватъ, и полное согласіе снова возстановилось между нами.

«Бесѣды съ отцемъ, дѣйствительно меня любящимъ, его умныя и глубокомысленныя замѣчанія, живые и пріятные разсказы, основа-

тельныя и вѣрныя сужденія—плоды опытовъ,—все это доставило мнѣ много пріятныхъ минутъ. Визиты къ сосѣдямъ, визиты сосѣдей и разнаго рода охота, составляли для меня нѣкотораго рода развлеченія. Я силился, такъ сказать, увлечься всѣмъ этимъ и забыть безчувственную женщину; но все мнѣ скоро надоѣло, и я снова впалъ въ прежнюю ипохондрію. Образъ Насти опять, и все чаще и чаще, началъ являться предо мною въ разныхъ очаровательныхъ видахъ; представились даже, въ разгарѣ чувствъ, неопровержимыя доказательства къ ея оправданію и къ моему обвиненію. Я страдалъ, страдалъ невыносимо и изнемогъ отъ снѣдавшаго меня нетерпѣнія видѣть ее, однако удерживалъ себя.

«Отецъ замѣчалъ мое уныніе, мою мрачность, ему стало жаль меня.

«— Что, Алексѣй!»—сказалъ онъ однажды,—«скучно въ деревнѣ?—Я было-хотѣлъ отправить тебя за границу; — ну, да объ этомъ послѣ; а пока поѣзжай-ка въ Москву, или Петербургъ,—соскучишься,—милости просимъ сюда; я и зимой не намѣренъ выѣзжать изъ деревни: мнѣ старику здѣсь покойнѣе; а въ городахъ не дадутъ и отдохнуть съ своими уваженіями и представленіями».

«Я не могъ скрыть своей радости, бросился цѣловать его руки и сознался, что дѣйст-

вительно соскучился въ деревнѣ; но что въ Петербургъ не поѣду, пока не разсѣются сплетни, а останусь въ Москвѣ.

«Лошади снова подкатили къ крыльцу; я распрощался съ отцемъ, получивъ нѣсколько благоразумныхъ наставленій и ломбардныхъ билетовъ; сѣлъ въ карету и, — это было въ концѣ августа, — явился снова въ Марьиной деревнѣ.

«Квартиру свою я нашелъ въ томъ же видѣ; только мебель была позапачкана; вѣрно, хозяинъ въ мое отсутствіе, о которомъ я ничего не сказалъ ему опредѣленно, находилъ не лишнимъ принимать въ ней своихъ гостей.

«Первымъ движеніемъ моимъ было подойти къ окну и посмотрѣть въ окно Насти: тамъ сидѣла одна Ѳеона; я ожидалъ, что подойдетъ Настя, но Настя не подходила и нигдѣ не показывалась ни въ этотъ, ни на другой день. «Можетъ быть, она стала ходить опять въ рощу,» — подумалъ я, и немедленно, отправился туда.

«Насти не было въ рощѣ, но за то я поймалъ моего почтальйона.

«— Гдѣ Настя?»— спросилъ я.

«— Да мнѣ не велѣно съ вами говорить!»

«— Кто же не велѣлъ?»

«— Ѳеона! — она пожаловалась маменькѣ, что

я отдала ваше письмо Настасьѣ, — меня и высѣкли.»

«— Зачѣмъ же ты отдавала его при Ѳеонѣ?

«— Анъ, нѣтъ,—Ѳеоны не было, она чай пила въ кухнѣ!»

«— Кто-же былъ?»

«— Да никого.... Настасья была!»

«— Какъ же узнали, что ты отдала письмо?»

«— Кто-жъ ее знаетъ, видно Настасья сказала.»

«— Ну, не тужи объ этомъ! вотъ тебѣ на гостинцы.... гдѣ же теперь Настя?»

«— Да, а какъ опять высѣкутъ?!»

«— Нѣтъ, ужъ я теперь не буду посылать тебя съ письмомъ.»

«— Ну, коли такъ, то — жила въ Москвѣ, а теперь въ околицѣ у лѣкаря.»

«— Это зачѣмъ?

«— А я почемъ знаю!... вишь она и прежде гостила у него».

«Не добившись, какъ отыскать домъ лѣкаря, я погладилъ дѣвочку и отправился въ деревню, предполагая на другой же день обойдти всѣ слободки, тѣмъ болѣе, что приходился праздникъ, и я разсчитывалъ на-вѣрное увидать Настю въ церкви, или въ прогулкахъ.

«Такъ и случилось.

«Первый ударъ колокола услыхалъ я, выходя изъ деревни. Пройдясь немного по окре-

стностямъ, я подошелъ къ церкви. — И въ это же время, съ противоположной стороны, тихо подходили, разговаривая между собою, двѣ дѣвушки,— одна изъ нихъ была Настя! — Не доходя паперти, я остановился, Настя меня не замѣчала ; но вотъ встрѣчаются наши взоры.... О! этотъ моментъ нельзя объяснить! Испугъ, удовольствіе и застѣнчивость,—все это вмѣстѣ увлекательно выразилось въ ея лицѣ! — Она поалѣла, какъ роза, и отшатнулась назадъ отъ своей подруги, какъ бы желая скрыть свои чувства; но подруга успѣла замѣтить волненіе Насти, происшедшее отъ внезапной и неожиданной со мною встрѣчи, хотя Настя и быстро оправилась и торопливо вошла въ церковь.

«Я не пошелъ въ церковь. Я чувствовалъ, что не могъ молиться усердно и съ теплымъ чувствомъ христіанина и не хотѣлъ быть разсѣяннымъ тамъ, гдѣ должно возноситься душей и сердцемъ къ Всемогущему.

«Нужно ли объяснять тебѣ, что я дождался конца обѣдни, прохаживаясь въ разныхъ направленіяхъ около церкви.

«Нужно ли объяснять, что я слѣдилъ за Настей и узналъ домъ лѣкаря, — что каждый день, по вечерамъ, сталъ ходить мимо и всякой разъ встрѣчалъ гдѣ-нибудь Настю, но не одну, а съ своей подругой, дочерью ремесленника —

какъ узналъ я послѣ. — Дѣвушка эта сдѣлалась для меня невыносима: я не могъ при ней ни говорить съ Настей, ни даже подходить къ ней; а взгляды ея просто бѣсили меня; я сталъ даже показывать ей явное презрѣніе.

«Такъ продолжалъ я проводить время, почти до половины сентября. Погода была еще довольно хороша, не смотря на то, что перепадали небольшіе дожди, на которые я, само собой, не обращалъ и вниманія.

«Однажды — вечеръ былъ пасмурный — я проходилъ долго по предмѣстью, но нигдѣ, какъ бывало прежде, не встрѣтилъ Насти; подруга ея никогда не показывалась мнѣ на глаза одна — и хорошо дѣлала.

«Я возвратился усталый и скучный; сѣлъ, по обыкновенію, у окна въ покойное кресло, — гдѣ любилъ, по старой памяти, смотрѣть на окно, бывшее Насти.

«Вдругъ, на своемъ окнѣ, я замѣтилъ бумажку, скатанную въ трубочку; взялъ ее и — представь мое удивленіе, мой восторгъ — то было письмо Насти! У меня дрожали руки, замирало сердце, когда я его читалъ.—Вотъ оно, почти слово въ слово:

«Вижу, вы меня любите; но сомнѣваюсь въ постоянствѣ. Я должна поговорить съ вами, но при людяхъ никакъ нельзя. — Можно придти въ мою комнату,

только когда всѣ будутъ спать. Перепрыгните въ огородъ. Крыльцо у насъ не запираютъ; въ сѣнахъ ощупаете лѣстницу въ верхъ и прямо, съ нея, дверь ко мнѣ—держите за скурочекъ.—Жду васъ и ввѣряюсь вашей чести. Сожгите, сей-часъ же, какъ прочитаете это.»

«Настасья.»

«Когда утихли поразившія меня чувства, я подумалъ: какъ же явилось письмо? — На вопросъ мой, кто былъ? Степанъ отвѣчалъ:—«ни кого.» — Но ты же вѣрно выходилъ куда-нибудь? — «Никакъ нѣтъ-съ, только за табакомъ въ лавочку сбѣгалъ».... Степанъ бѣгаетъ не бойко и слѣдовательно времени было достаточно, чтобы подложить письмо. И что же тутъ удивительнаго! подумалъ я; скромная дѣвушка не станетъ повѣрять всѣмъ своей тайны. — О, я вѣрю тебѣ, вѣрю, чудная Настя!—И за тѣмъ, въ угожденіе ей, сжегъ письмо.

«Что передавать тебѣ, какъ я съ нетерпѣніемъ дожидался урочнаго часа и пугался своей рѣшимости; какъ пробирался воромъ, по задворкамъ, къ дому лѣкаря;—мѣстность мнѣ была хорошо извѣстна, погода разгулялась и луна сіяла во всемъ блескѣ; я останавливался, по временамъ, и осматривался, но не замѣтилъ ни души; — какъ прыгнулъ черезъ тынъ и покраснѣлъ отъ стыда; какъ дрожалъ отъ страха и

пугался собственныхъ шаговъ, когда проходилъ крыльцо и лѣстницу, на которой скрипнула ступенька, и меня обдало холоднымъ потомъ. При всемъ этомъ меня терзали угрызенія совѣсти, что я являюсь какъ тать въ чужой домъ. Но меня пригласила Настя, я увлекся моею страстью и всѣмъ пренебрегъ.

«Дверь отворилась, я сдѣлалъ два шага и онѣмѣлъ и превратился въ одинъ взоръ. Настя стояла на колѣнахъ передъ образомъ и шопотомъ произносила молитвы; хотя густая коса ея, разсыпаясь по плечамъ, закрывала лице, но по спокойной фигурѣ, по легкому дыханію можно было судить, съ какими безмятежными чувствами она молилась. Я не смѣлъ шевельнуться, я боялся дышать.... Но отъ чего же она такъ спокойна, когда приглашала меня? — Мысль эта меня поразила.... Я сдѣлалъ невольное движеніе.

«Настя повернула голову, но увидавъ меня, вскрикнула и отскочила въ самый уголъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«— Не бойтесь, Настенька! Это я;—вы писали ко мнѣ?»

« Она не могла произнесть ни одного слова и казалась совсѣмъ потерявшеюся.

«— Отвѣчайте, умоляю васъ! вы ко мнѣ не писали ?»

«— Уйдите, сударь, это безчестно,—я никогда не писала къ вамъ!»

«— Намъ надо объясниться!—у васъ и у меня есть враги. — Я получилъ письмо, за вашимъ подписомъ, гдѣ меня приглашали къ вамъ и объяснили, какъ я пройду»....

«— Покажите письмо?» — проговорила она, протягивая ко мнѣ руку.

«Я долженъ былъ сжечь его!»

«— А, вы низкій клеветникъ!... я презираю васъ!... уйдите сейчасъ же, или я закричу и разбужу всѣхъ!»

«Послѣднія слова она произнесла довольно громко; за перегородкой зарычала собаченка.... я бросился вонъ.

«Не помню, какъ я сбѣжалъ съ лѣстницы, съ крыльца и перепрыгнулъ частоколъ.—Вдали двигались человѣческія тѣни и раздался пронзительный хохотъ; но я не обратилъ на это вниманія, въ ушахъ моихъ раздавалось: «вы низкій клеветникъ!... я презираю васъ!...»

«Какъ съумасшедшій, какъ бѣшеный, я прибѣжалъ домой!—Я рвалъ на себѣ волосы, грызъ пальцы и рыдалъ, рыдалъ, какъ оскорбленная женщина! О, если бы мнѣ попался тогда мой извергъ, разставившій такую позорную ловушку—я разорвалъ бы его въ куски! Но, я и теперь еще не увѣренъ, кто это былъ.

«Къ утру я почувствовалъ сильную головную боль и жаръ; не могъ приподняться съ дивана и долженъ былъ послать за докторомъ: у меня открылась горячка.

«Три дня я пролежалъ въ безпамятствѣ и бреду, призывая безпрестанно Настю; но искусство врача и молодость—помогли мнѣ: я сталъ прохаживаться по комнатамъ и—какъ-будто забывалъ Настю и позорное для меня событіе. Но угрызенія совѣсти терзали меня.

«Между тѣмъ, въ теченіе недѣли, когда я не оставлялъ комнаты,—часто слышалъ на улицѣ шумъ и говоръ; а однажды, утромъ, это увеличилось замѣтнѣе и мимо оконъ моихъ безпрестанно ходили съ громкими восклицаніями и рѣзкимъ хохотомъ.

«— Что это за народъ тутъ шляется?»—спросилъ я Степана.

«— Да это, сударь, вотъ что Настасья-то тутъ жила—напротивъ»,—началъ онъ съ ужимками и усмѣшкою, — «а послѣ она жила въ слободкѣ у лѣкаря, такъ онъ ее и выгналъ.... сказываютъ познакомилась съ... съ... съ бариномъ!... Теперь все ходитъ народъ смотрѣть ее: она ужъ здѣсь опять,—да, говорятъ, и отсюда-то хотятъ прогнать, а?...»

«— Довольно—ступай!

«— Настя страдаетъ черезъ меня.... ее выго-

няютъ отвсюду, какъ презрѣнную.... она должна идти по міру.... а она невинна!... О, я не допущу этого, она не заслужила позора!... Она слишкомъ высока и недоступна этой презрѣнной толпѣ.

«Я самъ чувствовалъ, какъ былъ величественъ въ порывѣ этихъ благородныхъ чувствъ.

«— Степанъ!»—закричалъ я, — «достань лошадь и сейчасъ же проси ко мнѣ лѣкаря, у котораго жила Настя».

«Не прошло и часу, какъ явился онъ ко мнѣ: это былъ старичекъ добрый, разсудительный, но, что всего удивительнѣе, тотъ самый, который уже меня лѣчилъ.

«— Какая внезапная перемѣна!»—сказалъ онъ, щупая мой пульсъ;—«вамъ хуже?»

«— Да, я чувствую сильный жаръ; но это дѣло постороннее,—я хотѣлъ говорить съ вами о другомъ предметѣ, докторъ.

«— Вы вѣрно хотите говорить о Настасьѣ?»

«— Такъ точно.... Вы вѣрите клеветѣ?»

«— Нѣтъ. Она не способна на поступокъ, въ которомъ ее обвиняютъ: я слѣдилъ ея наклонности, я люблю ее, какъ дочь, за безкорыстіе, и уважаю, какъ достойную дѣвушку».

«— Однако, вы выгнали ее изъ своего дома!

«— Я не могу ее защищать: улики вѣроятны; покровительствовать ей — значитъ потворство-

вать пороку, чего я не хочу ни подъ какими условіями, тѣмъ болѣе, что у меня дочь уже невѣста».

«— Но кто же смѣетъ унижать ее?»

«— Всѣ!»

«— Я готовъ оправдывать ее предъ всѣми и доказать ея невинность.»

«— Вы хотите защищать ее? Но васъ-то, сударь, и считаютъ ея соучастникомъ: оправдывая, вы только еще больше обвините ее».

«— Что же будетъ съ нею!»

«— Она должна оставить этотъ округъ и найти себѣ пріютъ въ другомъ мѣстѣ.»

«— И вы говорите это такъ хладнокровно, уважая ее?!»

«— Въ мои лѣта погасаетъ пылъ. Но знаете ли вы послѣдствія этого происшествія?»

«— Нѣтъ.»

«— Такъ потрудитесь выслушать. Началось тѣмъ, что на другой же день нѣсколько сосѣдей, подсмѣиваясь надъ Настасьей и намекая о васъ, повели меня къ тому мѣсту, гдѣ вы перелѣзали частоколъ—извините за выраженіе;—кустъ смородины и нѣкоторыя гряды были потоптаны, да и не сгладились еще слѣды вашихъ маленькихъ модныхъ сапоговъ.... Вы вѣдь для нея наняли здѣсь?—для нея каждый день приходили и въ

слободку?—это многіе видѣли и знали. Чѣмъ же вы ее теперь оправдаете?»

«— Но я не могъ же прійти къ вамъ и отыскать ея комнаты, еслибы не подложили мнѣ письма.»

«— Дайте письмо—и она будетъ оправдана».

«— Я его сжегъ!»

«— Вы поступили неблагоразумно. Ее обвиняютъ не въ томъ, что вы пришли, но что вы давно уже ходили къ ней тайно. Притомъ, вы, кажется, предлагали ей руку, и она отказалась отъ такой прекрасной партіи по неравенству брака; — какъ же вы повѣрили, послѣ того, письму, которое унижаетъ ее?»

«— Я былъ ослѣпленъ моею страстью!»

«— Она вамъ нравится?»

«— Я люблю ее.»

«— Вы любите ее, ввергли въ жестокое положеніе и не знаете, какъ оправдать!»

«— Научите меня, докторъ, я совсѣмъ растерялся.»

«— Золото очищается огнемъ; честь дѣвушки—бракомъ».

«— Но если она меня не любитъ?»

«— Вы ошибаетесь: чтобы сохранить свою честь, она должна была закричать, при вашемъ приходѣ;—васъ бы застали, огласили, — а она

была бы спасена. Отъ чего же она не поступила такъ? Мнѣ, какъ бы родному отцу, созналась она, что скорѣе готова была пожертвовать собой, чѣмъ довести васъ до такого униженія ».

«— О, она необыкновенная дѣвушка! я не стою ея. — Докторъ, вы не откажетесь помочь мнѣ составить ея счастіе?!»

«Послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній я одѣлся кое-какъ, съ помощію добраго старичка и Степана, и пошелъ въ противулежащій домъ, опираясь одной рукой на руку моего врача, а другой на палку. Я былъ и такъ еще слабъ, но отъ напряженнаго и поразительнаго разговора съ докторомъ еще больше изнемогъ. Толпа съ изумленіемъ смотрѣла на это шествіе.

«Когда мы вошли въ комнату Насти, она собирала неважные пожитки, приготовляясь оставить домъ, гдѣ провела свои неукорізненныя семнадцать лѣтъ.

«— Не бери—это не твое!»—кричала грозно Ѳеона, подставя одну руку подъ бокъ и повелительно указывая другой, не замѣтивъ еще насъ. Но руки ея вдругъ опустились и вытянулось пошлое лице.

«Въ кроткихъ чертахъ лица Насти, выражались смиреніе и покорность судьбѣ; глаза ея были красны отъ слезъ. Она изумилась, увидя насъ; но вдругъ поблѣднѣла и выразила чувство

непритворнаго состраданія, когда разсмотрѣла меня. Моя блѣдность, слабость и истощеніе поразили ее; она не могла ошибиться, что была тому причиною, и слезы, слезы участія, другъ мой, показались у ней, —у ней, униженной, обезславленной мною дѣвушки!

«— Настенька, я пришелъ повторить вамъ, предъ вашимъ другомъ и предъ Богомъ, что только письмо, адресованное отъ васъ, и моя сильная страсть, заставили меня войти въ вашу комнату. Не хочу оправдывать себя: я виноватъ передъ вами, я долженъ былъ напередъ обдумать, что вы не способны на такой унизительный для васъ поступокъ. Но—зло сдѣлано и вамъ остается одинъ путь, достойный васъ: принять мою руку. Вы должны согласиться на мое предложеніе; добрый другъ вашъ подтвердитъ справедливость моихъ словъ.

«Она взглянула на лѣкаря.

«— Да, дочь моя! прими достойно заслуженное тобой, не сомнѣвайся».

«Она перевела свои увлаженные глаза на меня и произнесла трепещущимъ отъ волненія голосомъ:

«— Я въ вашей волѣ, сударь, дѣлайте со мной, что вамъ угодно».

«Слезы заструились по щекамъ ея и она закрыла лице платкомъ. Но эти слезы, другъ

мой, были слезы радости и счастія! Я не въ состояніи былъ оставаться хладнокровнымъ: я подошелъ къ ней, взялъ ея руку и съ восторгомъ поцѣловалъ нѣсколько разъ.

«Во всю эту сцену Ѳеона стояла въ томъ же положеніи: съ полуоткрытымъ ртомъ и безсмысленно злобнымъ выраженіемъ лица.

«Какъ ни казалась она отвратительна мнѣ, но я долженъ былъ подумать о спокойствіи Насти; а потому вынулъ нѣсколько мелкихъ бумажекъ и бросая ей, сказалъ повелительно:

«Съ этой дѣвушкой ты должна обходиться, какъ съ госпожей; вотъ тебѣ за то время, которое она пробудетъ здѣсь.»

«Стоитъ ли передавать тебѣ, какъ это пресмыкающееся бросилось цѣловать Настины руки и валяться у моихъ и ея ногъ, умоляя о пощадѣ и милосердіи.

«Я хотѣлъ, чтобы насъ благословили и обручили въ тотъ же день, а потому оставилъ у себя лѣкаря и, по его совѣту, пригласилъ священника, у котораго прежде училась Настя.

«Воспитатель Настинъ, по порученію моему, отправился за образомъ и кольцами. Онъ и лѣкарь были свидѣтелями нашей помолвки.

«День этотъ былъ слишкомъ тяжелъ и суетливъ для моихъ слабыхъ силъ; я снова изнемогъ и пролежалъ еще нѣсколько дней. Но какъ я

былъ счастливъ въ моей болѣзни!—Настя каждый день сидѣла подлѣ меня; она не отнимала больше своей руки, которую я безпрестанно цѣловалъ; она клала ее ко мнѣ на голову; припадала головой на мою грудь—она была моимъ истиннымъ ангеломъ; ея заботы, ея внимательность помогали моему быстрому выздоровленію.

«Однако я не допускалъ, чтобы она исключительно занималась мной. Дочь лѣкаря, очень любившая Настю, гостила, въ это время, въ Москвѣ, у богатыхъ ея родныхъ. По просьбѣ Насти, отецъ привезъ ее домой, и онѣ, каждый день, въ нанятой мною каретѣ разъѣзжали по магазинамъ закупать необходимыя вещи: я положилъ, со дня помолвки, начать ея преобразованіе.

«Какою невинною и дѣтскою радостью сіяла она отъ каждой бездѣлушки! съ какимъ восторгомъ и признательностію развертывала она, или раскрывала передо мною свои покупки!— Я все хвалилъ безусловно, и, признаюсь, въ ней видѣнъ былъ вкусъ и соображеніе, такъ что болѣе опытная и образованная дочь лѣкаря удивлялась ея выборамъ.

«Между-тѣмъ клевета, а за тѣмъ и зависть глубоко впустили когти въ невинную дѣвушку. Вотъ тебѣ слабый образчикъ этого.

«Однажды подъ вечеръ—Настя еще не возвращалась—я вышелъ на крыльцо освѣжиться

и услыхалъ разговоръ, который невольно привлекъ мое вниманіе.

—«Поди ты какая!»—Вотъ касатка, а лѣкарь-то и говоритъ: «Ты безчестная эдакая, острамила, обокрала меня, съ своимъ дружкомъ-то!—вонъ отъ меня, чтобы духу твоего не слыхалъ!...» «Вѣстимо, такъ и слѣдовало!»—Ну, мои матушки, и пришла она сюда ранешенько, съ первыми пѣтухами!—пришла и бухъ въ ноги Тимоѳеичу,—«помилуй, — говоритъ,—не погуби!»—а онъ-то ее пинками, пинками, — «все,»—говоритъ,—«знаю! нѣтъ тебѣ пощады....на поселенье отправлю!...»—«Эки страсти, подумаешь!»—Что, дѣвка, и говоритъ, — досель душа не на мѣстѣ!... а на утро-то лѣкарь сюда,—да прямо къ барину-то этому!—«Какой ты»,—говоритъ,—«баринъ! въ полицію тебя.... мужикъ того не сдѣлаетъ.....» «Вѣстимо не сдѣлаетъ!»—А тотъ: «батюшка, такой, сякой,—вѣкъ не буду,—прости!»—говоритъ. «Нѣтъ, — говоритъ,—пойдемъка со мной!» — да черезъ улицу-то и тащитъ его, чуть не волокомъ... а народу-то, народу! видимо не видимо!..» «Ишь ты, Господи, страмъто какой!»—Привелъ его, мои сударики, а они оба въ ноги!... «виноваты, — говоритъ,—согрѣшили, прости — не погуби насъ....» да такъ и ползаютъ, такъ и ползаютъ у него въ ногахъ!... Ну, вѣстимо, что и говоритъ, лѣкарь добрый

человѣкъ—простилъ». «Экъ, Господи, что бываетъ на свѣтѣ!... И ты все это сама видѣла?»—«Нѣтъ, мнѣ разсказывала золовка, а той-то все высказала кума Ѳеонина; а вѣдь Ѳеона-то, дѣвка, все это сама видѣла,—да и у ней-то чуть руки не цѣловали....»

«Мнѣ отвратительно стало слушать дальше; я ушелъ и рѣшился какъ можно скорѣй перевесть Настю изъ этой деревни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОСВЯЩЕННАЯ ГЕРОИНѢ РАЗСКАЗА.

ОКОНЧАНІЕ РАЗСКАЗА КЕДРОВА.

«Я-ль виноватъ, что тебя черноокую
«Больше, чѣмъ душу, люблю!...

«Ты не узнаешь теперь моей Насти; это уже не та застѣнчивая дѣвушка, которая подавала намъ чай. Какъ она стала весела, ловка, любезна! Какъ прелестна она въ новыхъ платьяхъ своихъ; какъ роскошно рисуется ея воздушная, гибкая талія; какъ къ ней идетъ всякая прическа, какую бы ни выдумала добрая дочь лѣкаря—она такъ любитъ мою Настю — и можно ли не любить этого ангела! Какъ стали мягки и нѣжны ея красивыя, бѣленькія ручки; какъ чудно обрисовались, въ шелковыхъ полусапожкахъ ея граціозныя, маленькія ножки!—Но я надоѣмъ тебѣ моими восклицаніями объ ней и никогда не кончу своего разсказа.

«Съ каждымъ днемъ я находилъ и нахожу въ ней новыя прелести и особенное искусство нравиться мнѣ,—плѣнять меня; кажется, она такъ хорошо постигла характеръ мой, что я никогда не могу охладѣть къ ней.

«Если даже она чего не понимаетъ, или видитъ въ первый разъ, — она не дѣлаетъ ни глупыхъ гримасъ, ни восклицаній, не прибѣгаетъ даже къ хитрымъ уловкамъ выпытать намеками, какъ это часто дѣлаютъ другія, но просто и откровенно проситъ объяснить ей: «что это значитъ,—или—на что это?» Если ей что нравится, — она любуется вслухъ, но безъ зависти, безъ скрытности. Если ей чего хочется—она не унижаетъ себя притворными ласками, наивными ужимками и умышленными противорѣчіями; не вертится и не выжидаетъ минуты, а говоритъ чистосердечно, чего она желаетъ; за-то не обижается отказомъ, а напротивъ тутъ-то и изъявляетъ мнѣ свою благодарность, что я не принуждаю себя къ исполненію желаній ея.

«Вообще, мой другъ, благородство ея чувствъ, ея проницательный и свѣтлый умъ — стоятъ ея красоты! Я не видывалъ дѣвушки, съ такими необыкновенными способностями, какъ она! Не считай, что я преувеличиваю все, въ пылу моей страсти; нѣтъ, я чувствую, что она составитъ счастіе всей моей жизни; къ тому же у ней на

все такой свѣтлый взглядъ, такое быстрое соображеніе, что ввести ее въ свое общество для меня не будетъ никакого труда. — Но ты ее увидишь и оцѣнишь самъ.

— Позволь одинъ вопросъ: почему знаетъ ее Кузьмичъ?—спросилъ я.

— Она разскажетъ тебѣ сама. Я не видалъ этого пройдоху, съ тѣхъ поръ, какъ онъ ложно явился повѣреннымъ Насти. Но, пожалуй-ста, не мѣшай мнѣ кончить.

«Какъ только я почувствовалъ возможность выѣзжать, то первымъ предметомъ было отыскать Настѣ квартиру въ Москвѣ. Я нанялъ небольшой, но красивый и отдѣльный домикъ, недалеко отъ бульваровъ; меблировалъ его не роскошно, но со вкусомъ; слѣдилъ за отдѣлкой каждой комнаты самъ и не упускалъ изъ виду ни одной, даже причудливой вещицы, которая, по моему мнѣнію, могла привлечь вниманіе ея, или которую она иногда объясняла съ увлеченіемъ. И какъ же она была восхищена моимъ вниманіемъ, съ какой искренностію и умиленіемъ она благодарила меня, обѣщая быть достойною моихъ благодѣяній.

«Я вспомнилъ, что въ Москвѣ жила одна моя внучатная тетка, женщина почтенныхъ лѣтъ, образованная и жившая прежде въ хорошемъ обществѣ, но отъ разныхъ причинъ сдѣлавшаяся

бѣдною. Я зналъ ея доброе сердце и рѣшился поручить ей мою невѣсту, для начальнаго образованія и во избѣжаніе злословій. Тетка, безъ усильныхъ просьбъ, согласилась на мое предложеніе и теперь живетъ съ Настей, въ которой не слышитъ души и о которой.... но, я опять увлекусь!... Дочь лѣкаря также не рѣдко посѣщаетъ ее и даже гоститъ.

«Настя съ удовольствіемъ приняла мой совѣтъ: заняться нѣсколько науками и языками, пока хоть французскимъ и нѣмецкимъ, а также музыкой и танцами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сама просила учить ее пѣть.

«И такъ, мой другъ,»—сказалъ Кедровъ со вздохомъ: «рояль, бронза, фарфоръ, ковры, учителя и артистки, а главное—гардеробъ и модныя бездѣлки для Насти обошлись и обходятся мнѣ слишкомъ дорого; но я привыкъ ни въ чемъ ей не отказывать!...

«Я писалъ къ отцу, что хочу жениться на Настѣ; объяснялъ ему, какъ былъ вынужденъ на этотъ поступокъ, который онъ, конечно, найдетъ благороднымъ и достойнымъ своего сына, и что дѣвушку эту онъ съ удовольствіемъ назоветъ своею дочерью; за тѣмъ просилъ его согласія на бракъ и денегъ на необходимые по этому предмету расходы. Отецъ отвѣчалъ мнѣ колко и насмѣшливо; совѣтовалъ въ другой разъ

избирать кругъ болѣе приличный моему положенію въ свѣтѣ, а не вертѣться около самоварницъ; приказывалъ, выкинувъ изъ головы эту глупую сказку и бросивъ на прежнее мѣсто предметъ моихъ забавныхъ восторговъ, пріѣхать скорѣй къ нему, гдѣ скоро забуду свою Дульцинею; на помощь же его чтобы я ни какъ не надѣялся; что онъ хотя и считаетъ письмо мое за пуфъ, однако объявляетъ рѣшительно, что не хочетъ этой грязной связи и не вышлетъ мнѣ ни одной копейки.

«Теперь ты понимаешь, въ какомъ я затруднительномъ положеніи. Отецъ мой твердъ и настойчивъ; я ничего не могу ожидать отъ него; онъ даже и не отвѣчаетъ на другія мои письма, въ которыхъ объяснялъ я ему то отчаяніе, въ какомъ нахожусь отъ его рѣшенія.

«Между-тѣмъ я невольно вошелъ въ долги; нѣкоторымъ векселямъ подходятъ даже сроки; кошелекъ мой также замѣтно истощается и я даже не предвижу средствъ внести условленные проценты.»

— Письмо отца ты не показывалъ невѣстѣ?

— Нѣтъ, но я не скрылъ отъ нея, что отецъ не соглашается на нашъ бракъ. Она залилась слезами и умоляла меня покориться волѣ его, а ее оставить на произволъ судьбы.

«Но могу ли я оставить ее—невинное, нѣжное

дитя! — Зная, какъ она меня любитъ, я увѣренъ, что она не перенесетъ своей тяжкой участи!»

— Что же ты намѣренъ теперь дѣлать?

— Я ожидаю твоей помощи! Ты увидишь Настю, убѣдишься, что она достойна стать на приготовленное ей мѣсто; возмешь письма отъ лѣкаря и священника.... и отправишься въ деревню къ моему отцу, гдѣ передашь лично все, что видѣлъ и знаешь.

Я не ожидалъ отъ поѣздки моей никакой удачи; тѣмъ болѣе, что самъ нѣсколько зналъ непреклонный характеръ отца Кедрова; однако согласился на предложеніе товарища и приготовился къ отъѣзду.

Вечеромъ въ этотъ день мы условились съ Кедровымъ съѣхаться у его невѣсты, и я съ трудомъ дождался семи часовъ, такъ мнѣ хотѣлось скорѣе видѣть ее.

Глава седьмая, представляющая нѣкоторые случаи изъ вседневной жизни.

«Дадутъ покровъ тебѣ чужіе
«И скажутъ: ты для насъ чужой!...

Въ назначенный часъ я пріѣхалъ въ квартиру Насти.

При входѣ въ комнату, которая была и столовая и пріемная, освѣщенную лампадой, подъ матовымъ колпакомъ, обонянія моего коснулся пріятный и легкій ароматическій запахъ.

Въ гостинную не было дверей, но висѣлъ кисейный портьеръ. Я вошелъ. Настя была одна: она сидѣла на диванѣ передъ овальнымъ столомъ, облокотясь на бархатную подушку, и бѣлая рука ея, обнаженная по самый локоть, видна была изъ-подъ широкаго рукава. Свѣтъ лампы съ абажуромъ гармонировалъ нѣжной бѣлизнѣ. Въ позѣ ея не было замѣтно изысканнаго кокетства: она сидѣла свободно и покойно.

Но это была уже не та Настя, которую я видѣлъ въ рощѣ. Она не вскочила робко, не стала поправлять своей прически, не спросила: «что вамъ угодно?» Нѣтъ, она кивнула мнѣ съ пріятной улыбкой, не измѣнивъ своего положенія, и граціозно протянула миленькую ручку, которую я съ удовольствіемъ пожалъ.

— Мы съ вами старые знакомые: вы вѣрно не забыли еще бѣдной дѣвушки, которая такъ неудачно служила вамъ въ рощѣ?

— Эта дѣвушка никогда не выйдетъ изъ моей памяти: я предполагалъ въ ней все, что вижу; но, сознаюсь, подлинникъ изящнѣе моей мечты!

— Я не совсѣмъ еще привыкла къ комплиментамъ вашего круга, и боюсь потерять отъ нихъ голову. Но, чувствуя къ вамъ особенное уваженіе, желала бы заслужить вашу дружбу.

Говоря это, она показала мнѣ мѣсто подлѣ себя на диванѣ и прибавила:

— Послѣ Алексѣя Ивановича, я желала бы больше всего нравиться вамъ.

И она, снова, протянула мнѣ руку; но на этотъ разъ я не удовольствовался холоднымъ пожатіемъ, а съ удовольствіемъ поцѣловалъ эту ручку.

При послѣднихъ словахъ Насти, явился въ гостинную Кедровъ.

— Я очень радъ, что вы уже въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, — сказалъ онъ съ улыбкою, подходя къ столу, — и не думаете, что я могу быть ревнивъ.

— Вы доказываете возможность этого настоящимъ своимъ поступкомъ, сударь: забыли даже поздороваться со мной!

Кедровъ не могъ снести хладнокровно такого прекраснаго оборота: онъ присѣлъ подлѣ нея на коверъ, и прильнулъ губами къ чудной ручкѣ.

Но вотъ явилась тетка, дама почтенныхъ лѣтъ и благородной наружности. Ей было уступлено мѣсто подлѣ Насти.

Мы подвинули свои кресла поближе къ нимъ и общій разговоръ прекратилъ сентиментальныя сцены.

Кедровъ разсказалъ, между прочимъ, что я согласился быть парламентеромъ къ его отцу,— что̀ было одобрено единодушно обѣими дамами. За тѣмъ незамѣтно перешли мы на быстрые успѣхи Насти, ея необыкновенныя способности и дарованія, что̀ она выслушивала безъ малѣйшаго кокетства, или жеманной застѣнчивости, и на прежнюю ея жизнь.

Тутъ Кедровъ вспомнилъ обѣщаніе: просить Настю разсказать намъ, что она знаетъ о себѣ и о Кузьмичѣ. Тетка сдѣлала-было движеніе уйти, но Настя остановила ее.

— Здѣсь нѣтъ никого лишнихъ, ни для меня, ни для Алексѣя Ивановича. Все, что я знаю о себѣ, не должно быть тайной: ни для его, ни для достойныхъ друзей, какими считаетъ онъ обоихъ васъ. — Разсказъ мой не будетъ продолжителенъ: прошедшая жизнь моя очень не интересна и не богата разнообразными происшествіями. Но вы не критикуйте способъ моего выраженія: я такъ еще мало умѣю говорить языкомъ, употребляемымъ въ обществѣ.

Послѣ такого вступленія она начала.

РАЗСКАЗЪ НАСТИ.

« Кто я, и какъ прошли первые годы моего дѣтства, мнѣ извѣстно столько же, сколько и вамъ, отъ Ѳеоны, которая съ удовольствіемъ пересказываетъ это, выставляя всегда на видъ благодѣянія своего деверя и мою негодность, скрывая только свое жестокосердіе.

« Ненависть и отвращеніе ко мнѣ она почувствовала съ первыхъ дней моего появленія. Будучи обязана всѣмъ своему деверю, она должна была противъ желанія нянчить меня и сносить его строгія замѣчанія на дурное обращеніе со мной. При томъ любовь ко мнѣ и ласки этого добраго человѣка казались ей совсѣмъ не позволительными и она обращалась со мной грубо, какъ только оставалась одна, считая меня причиною втораго незамужества и всѣхъ несчастій.

«Такъ текла моя жизнь до восьми лѣтъ; я не страдала только тогда, когда былъ дома деверь

ея, или когда играла съ другими дѣтьми; но въ послѣднемъ случаѣ меня часто возвращала она домой за ухо, или за волосы, подпихивая кулаками. Я все сносила и никогда не жаловалась; можетъ быть, это и было причиной, что благодѣтель мой не зналъ частыхъ побоевъ и мучительныхъ пытокъ, дѣланныхъ мнѣ жестокою женщиною.—Но я все забыла и отъ души прощаю ей.

— А мнѣ бы хотѣлось за тебя немного посчитаться съ ней!—сказалъ Кедровъ.

« Я восхищалась вашимъ поступкомъ, когда вы бросили ей денегъ. Лучше нельзя было отмстить за меня: вы ей дали щедрый урокъ, котораго она никогда не забудетъ. Я послѣ того нѣсколько разъ видѣла ея слезы—слезы угрызенія совѣсти и непритворнаго раскаянія.

« Однако благодѣтель мой сталъ чаще замѣчать у меня или красные глаза отъ слезъ, или опухшій носъ, щеки, уши, или даже синіе знаки на лицѣ, — хорошо еще, что ему не приходило въ голову осмотрѣть мое тѣло: кровавыя полоски и синія пятна никогда не сходили съ него.

« Но онъ все же видѣлъ, что я была очень худа и болѣзненно блѣдна, и рѣшился перемѣстить меня въ другія руки. Случай скоро представился: священникъ, по совѣту котораго была я принята

имъ, вызвался помѣстить меня въ свой домъ и дать мнѣ первоначальное образованіе.

« Это было самое счастливое время моего дѣтства! — Добрая дочь добраго священника, которую вы еще не знаете, была истиннымъ моимъ другомъ, защитникомъ и наставникомъ. Она хотя и старше пятью годами, но не скучала моимъ обществомъ и любила, какъ родную сестру. Четыре года я жила у нихъ, и прежней жизни не осталось во мнѣ и слѣдовъ: я стала весела, свѣжа, свободна.... Успѣхи мои радовали священника: онъ съ удовольствіемъ разсказывалъ всѣмъ о счастливыхъ моихъ способностяхъ и совѣтовался съ моимъ благодѣтелемъ, какъ бы помѣстить меня въ какое-нибудь училище,—тѣмъ болѣе, что его дочери вызывались дать окончательное образованіе богатые родные.

« Извѣстіе это очень опечалило меня, и я съ безпокойствомъ ожидала новой и неизвѣстной перемѣны своей участи. Меня утѣшали, ободряли и наконецъ повезли въ Москву, велѣвъ принарядиться въ чистенькое платьеце. Домъ, у котораго мы остановились, былъ пріютъ, и первый, къ кому меня представили, Кузьмичъ! Лице его показалось мнѣ какъ бы знакомымъ, но гдѣ его видѣла — припомнить не могла! Онъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и поручилъ надзирательницу наблюдать за моимъ поведеніемъ и успѣхами.

« Два года я прожила въ пріютѣ, усердно занимаясь всѣмъ, чему меня учили, не исключая шитья и вышиванья. За то считалась первою ученицей и въ отсутствіе надзирательницы наблюдала за поступками моихъ подругъ; хотя нѣкоторыя изъ нихъ были гораздо старше, но никогда не выходили изъ моего послушанія.—Такъ всѣ любили и уважали меня.

« Кузьмича я не видала въ это время ни разу. Но вотъ назначили экзаменъ. Кузьмичъ занялъ почетное мѣсто, и тутъ только узнала я, что онъ богатый купецъ и попечитель пріюта. Изъ всѣхъ предметовъ меня вызывали первою; я отвѣчала свободно и смѣло; каждый учитель съ особеннымъ увлеченіемъ объяснялъ попечителю мои быстрыя соображенія и замѣчательныя способности.—Сначала онъ съ удовольствіемъ слушалъ меня и ихъ отзывы; одобрительная и пріятная улыбка не сходила съ его лица; потомъ онъ сталъ показывать нетерпѣніе и досаду, физіономія его приняла прежнюю суровость и холодность; а наконецъ, по окончаніи экзамена, когда надзирательница взяла меня за руку, и подводя къ нему, сказала: «Дѣвушка эта достойна занять, со временемъ, мое мѣсто и вы вѣрно позволите мнѣ сдѣлать ее своею помощницею,»—Кузьмичъ поблѣднѣлъ и судорожно вздрогнулъ.—«Нѣтъ, сударыня»,—сказалъ онъ ей рѣзко»,—«я знаю, чего

она достойна, и самъ позабочусь объ ея участи!» Съ этимъ словомъ онъ всталъ, холодно поклонился и уѣхалъ. А на другой день я была взята, на время, какъ мнѣ сказали, въ деревню, и попала опять на руки доброй Ѳеоны.

« Но я понимала уже нѣсколько свое положеніе, характеръ и причину ненависти Ѳеоны ; стала избѣгать ласки ея деверя и прислуживать ей ; это средство оказалось для меня полезнымъ : Ѳеона хотя и не перестала питать ко мнѣ отвращенія, по крайней мѣрѣ не находила больше причины къ жестокому обращенію. Такъ проходило время въ томительномъ однообразіи и тяжелыхъ трудахъ, изнурявшихъ мои слабыя силы: Ѳеона передавала мнѣ порученія, данныя ей самой деверемъ,—и я исполняла все, не исключая мытья половъ. — Но вотъ , однажды , мой благодѣтель позвалъ меня и говоря, что какъ я веду жизнь праздную, только сижу подъ окномъ и ничего не дѣлаю, то онъ придумалъ мнѣ пока занятіе: ходить въ рощу съ самоваромъ и тѣмъ добывать себѣ хоть что-нибудь, или по крайней мѣрѣ быть чѣмъ-нибудь полезною для другихъ.

« Глотая слезы, слушала я слова моего благодѣтеля и цѣлую ночь прорыдала. Не униженіе огорчило меня, при назначеніи на такое ничтожное занятіе , но его недальновидность и

нечувствительность: онъ не догадывался, что всѣ тяжелыя работы исправляла почти одна я.

« Съ тѣхъ поръ, послѣ дневныхъ трудовъ моихъ, къ вечеру я отправлялась въ рощу,—и это былъ мой отдыхъ, особенно когда Ѳеона увлекалась въ пересуды, или совсѣмъ не приходила. — Въ одинъ изъ такихъ моихъ отдыховъ подошли вы. Нужно ли прибавлять, что я съ перваго раза почувствовала къ обоимъ вамъ какое-то невольное влеченіе. Но не смотря на суровость и задумчивость Алексѣя Иваныча, онъ меня привлекалъ больше. Въ васъ, Сергѣй Сергѣичъ, я предполагала насмѣшника и не совсѣмъ добраго.... я, кажется, боялась васъ. Ежедневныя появленія въ рощѣ Алексѣя Иваныча составляли мою отраду, мое утѣшеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то тяжелое сдавливало мое сердце: я какъ бы предчувствовала какое-то несчастіе, боялась глядѣть на него, и ночью долго и усердно молилась. Вотъ мой разсказъ, остальное вы сами все знаете ».

— Нѣтъ,—воскликнулъ я,—нѣтъ еще! Вы не объяснили намъ, кто были ваши усердные поклонники въ рощѣ? а ихъ было, по-видимому, много; по крайней мѣрѣ васъ-то отыскали мы посредствомъ ихъ.

« — Ваша правда: ихъ было много, но я не занималась ими; притомъ стоило нѣсколько разъ

къ ряду появиться кому-нибудь изъ нихъ, какъ онъ уже исчезалъ, и если показывался опять, то робко, недовѣрчиво и не надолго.—Что было тому причиною, объяснить я не могу; но мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ, что тутъ дѣйствуетъ Кузьмичъ: онъ показывался, и постоянный гость мой исчезалъ, между тѣмъ какъ онъ самъ никогда не подходилъ къ моему столу, даже, проходя мимо, не взглядывалъ на меня и не замѣчалъ моихъ поклоновъ; и все же появленіе его я считала концемъ посѣщеній для того, кому я въ это время служила. Теперь судите сами, что я могла чувствовать, когда онъ подошелъ даже къ вамъ, а вы еще были въ первый разъ и мнѣ такъ хотѣлось почаще служить вамъ!...

— Отчего вы такъ долго не возвращались къ намъ?—замѣтилъ я.

Вопросъ мой заставилъ ее взглянуть на Кедрова и она вздохнула. Это былъ какъ бы нѣмой упрекъ его запальчивости. Кедровъ понялъ и поцѣловалъ ея руку.

«— Трактиръ былъ полонъ гостями, я съ трудомъ добилась своей покупки; на крыльцѣ встрѣтилъ меня какой-то молодой человѣкъ, одинъ изъ прежнихъ моихъ посѣтителей, онъ былъ не совсѣмъ трезвъ, побѣжалъ за мной, стараясь поймать и крича лъ: «одинъ, только одинъ поцѣлуй!» Кузьмичъ былъ не вдалекѣ, но онъ

какъ бы и не замѣчалъ этой сцены; когда же преслѣдователь мой успѣлъ ухватиться за платье, быстро подошелъ: «оставьте ее!»—сказалъ повелительно, и тотъ исчезъ.

« — Я былъ хорошаго о тебѣ мнѣнія»,—сказалъ онъ провожая меня къ вамъ,—«но ты поведеніемъ своимъ потеряла всю цѣну въ глазахъ моихъ! Твое кокетство и интриги съ молодыми повѣсами предосудительны. Вотъ онѣ «быстрыя соображенія, замѣчательныя способности», которыми вскружили тебѣ голову!.... Я хотѣлъ испытать тебя и вижу, къ сожалѣнію, что ты способна только бѣгать по трактирамъ и завлекать порочныхъ людей».

« Съ этими словами онъ повернулся и оставилъ меня. Я чувствовала всю несправедливость его замѣчаній и не смѣла произнести ни одного слова: какое-то непонятное чувство и страхъ удерживали меня.—Я была взволнована, я была унижена,—когда вы начали допросъ свой, и еще больше убили меня своимъ предположеніемъ,—замѣтила она Кедрову.—Отъ васъ Кузьмичъ подошелъ опять ко мнѣ и сказалъ на ухо: «иди сей-часъ же домой!»

« Я не послушалась: мнѣ такъ хотѣлось оправдаться передъ вами, и я все придумывала, какъ начать; но дѣвочка отъ Ѳеоны помѣшала мнѣ, а Ѳеона при самомъ началѣ остановила. Я

думала, что никогда ужъ не увижу васъ и горько плакала, возвращаясь домой.—Можетъ быть, вы и не замѣтили моего восторга, когда появились опять? !...

«— Да! кто хотѣлъ меня убить и почему ты узнала?» перебилъ Кедровъ.

«— Не убить, а избить, быть можетъ, изувѣчить! — Тутъ дѣйствовалъ тоже Кузьмичъ; по крайней мѣрѣ часа за два до встрѣчи нашей въ самой рощѣ, я подслушала нѣсколько словъ его съ Попопкинымъ: «Только не убивать.... чувствительный урокъ»,—говорилъ тихо Кузьмичъ,—«въ отвѣтѣ я.... по золотому.... и товарищу, понимаешь?»—«Рады и благодарны!»—отвѣчалъ другой погромче,»—а задаточекъ? «Пойдемъ.... стаканъ.... до расчета!» Я содрогнулась отъ мысли, что можетъ быть дѣло идетъ о васъ, и не ошиблась; черезъ нѣсколько времени показался Попопкинъ съ товарищемъ, посмотрѣлъ на васъ и пошелъ въ рощу, разсуждая съ пріятелемъ. Я не могла говорить съ вами, но какъ только освободилась отъ гостей, пошла отыскивать Попопкина, чтобы дать ему выручепныя мною за чай деньги и тѣмъ отвлечь отъ васъ.—Я долго отыскивала его, но случайно встрѣтила васъ. Когда я возвращалась къ столику, то замѣтила, что и Кузьмичъ наблюдаетъ за вами. Ѳеона раскри-

чалась на меня за долгое отсутствіе и сей-часъ же велѣла собираться домой.

« Съ тѣхъ поръ до появленія вашего въ деревнѣ я не знала, что съ вами сталось: меня ужъ не пускали въ рощу, какъ вамъ извѣстно.

— Мы васъ замучили своими разспросами,— сказалъ я опять, — но любопытно знать: какъ попало письмо Кедрова къ Кузьмичу — вашему другу и благодѣтелю, — какъ онъ величалъ себя?

« — Мнѣ не удалось приготовить для васъ чаю въ рощѣ, такъ я съ удовольствіемъ займусь этимъ теперь; а между тѣмъ мы немного отдохнемъ.

Она позвонила, и черезъ нѣсколько минутъ красивый самоваръ изъ красной мѣди и фарфоровый приборъ поставлены были передъ хозяйкою дома. Мы съ удовольствіемъ пили чай, только я сожалѣлъ: зачѣмъ она кладетъ сахаръ серебряными щипцами, а не хорошенькими пальчиками.

« — Вы вопросомъ своимъ,—начала она, обращаясь ко мнѣ, — касаетесь самой грустной минуты въ моей прошедшей жизни! Письмо, которое подала дѣвочка, привело меня въ изумленіе и трепетъ: я едва въ-состояніи была прочесть его; а прочитавъ, потерялась такъ, что не

могла обдумать: какая цѣль письма и что мнѣ отвѣчать? Притомъ увлеченная выраженіемъ звучныхъ, сладкихъ и трогательныхъ убѣжденій, я только перечитывала, или лучше сказать заучивала его и не замѣтила, какъ Ѳеона вошла, подкралась и вырвала. Я хотѣла отнять его, но она быстро вышла, захлопнула и заперла за собою дверь.

« На другой день мой благодѣтель....

« — Оставь, мой другъ, названіе, котораго онъ не заслуживаетъ»,—замѣтилъ Кедровъ,—«а зови просто: воспитатель. »

« Моя жизнь развивалась подъ его защитою, но если вамъ не угодно, — то.... Рано утромъ воспитатель повезъ меня въ Москву, не говоря во всю дорогу ни слова. Мы остановились въ какой-то слободѣ, въ мелочной лавкѣ, гдѣ торговала, какъ оказалось, его кума; сказавъ ей что-то, онъ ушелъ и спустя два-три часа, возвратился съ веселымъ лицемъ. Цѣлый день они безпрестанно шутили и какъ бы забавляли меня, угощая то тѣмъ, то другимъ; но я была также печальна: письмо не выходило изъ моей памяти. Вечеромъ явился Кузьмичъ. При входѣ его я невольно содрогнулась, и во все время, какъ онъ былъ, не выходила изъ какого-то оцѣпенѣнія. Онъ же, напротивъ, былъ особенно вѣжливъ и любезенъ со мной.

« — Вы не сердитесь на меня, молодая дѣвушка »,—началъ онъ, усаживаясь на почетное мѣсто, — « я немного грубо высказалъ вамъ истину въ рощѣ ; но увѣряю честью , я принимаю въ васъ особенное участіе ! Дѣвицу вашихъ лѣтъ очень легко завлечь въ пагубныя сѣти : доказательствомъ служитъ это письмо,—при видѣ вашего письма я помертвѣла;—вы читали его, но понимаете-ли, что вамъ предлагаютъ ? Можетъ быть, вы, по своей неопытности, принимаете его за первую ступень къ браку ; можетъ быть, вы вѣрите въ чистоту чувствъ, благородство намѣреній писавшаго эти строки ? Разувѣрьтесь , бѣдное дитя!—Богатый и знатный человѣкъ, въ чемъ трудно ошибиться , не испортитъ своей карьеры женитьбою на бѣдной, простаго званія и.... я не долженъ скрывать отъ васъ истины , неизвѣстнаго происхожденія дѣвушкѣ. Этимъ письмомъ торгуютъ вашу честь: вамъ предложатъ горсть червонцевъ и — затопчутъ въ грязь.... Вотъ смыслъ этой восторженной, раздушенной записки ! Теперь выбирайте сами : уединенную, скромную , можетъ быть убогую, но честную, неукоризненную и слѣдовательно покойную жизнь ; или жизнь шумную, веселую, быть можетъ роскошную , но позорную , предосудительную, преступную и слѣдовательно кратковременную!... Вы—умная дѣвушка и поймете всю

справедливость моихъ словъ. Повѣрьте, говорю вамъ, если бы онъ даже предлагалъ руку,—чего никогда не можетъ быть,—то и тогда вы должны бѣжать отъ него, какъ отъ заразы, какъ отъ чумы; и женившись на васъ, онъ васъ броситъ, какъ разбитую игрушку, черезъ нѣсколько дней! Вотъ все, что я хотѣлъ, что я долженъ былъ сказать вамъ... Теперь я предлагаю вамъ свою помощь: я отвезу письмо отъ вашего имени къ нему обратно и попрошу его прекратить свои искательства»...

« Я не въ состояніи была выдерживать дальше, залилась и упала безъ чувствъ на стулъ.

« Два дня я лежала безъ памяти у лавочницы; больною меня перевезли въ деревню,—васъ уже не было,—и больную принялъ къ себѣ въ домъ лѣкарь, чтобы утѣшить и подать скорѣйшую помощь. Узнавши же, какую жизнь проводила я въ деревнѣ, онъ по добротѣ своей удерживалъ меня, тѣмъ болѣе, что дочь его, также меня любившая, нѣсколько уже мѣсяцевъ гостила въ Москвѣ,—и этотъ добродѣтельный старичекъ не отличалъ меня отъ родной дочери!»

Кончивъ это, Настя поникла головой и слезы засверкали въ глазахъ ея.

« — Настя, ангелъ мой!»—сказалъ съ участіемъ Кедровъ,—«тебѣ мучительны воспоминанія, броспмъ разговоръ этотъ!»

«— Да, это были самыя тяжелыя минуты въ моей жизни: я теряла или васъ, или честь, по словамъ Кузьмича».

Мнѣ стало жаль Настю, она утомилась и опечалилась разсказомъ своимъ; но я никакъ не могъ преодолѣть любопытства своего и послѣ нѣсколькихъ общихъ разговоровъ опять навелъ на старый предметъ:

— Вы не узнали, кто подъ вашимъ именемъ подложилъ письмо къ Алексѣю Иванычу?

«— Ахъ, какой вы несносный! цѣлый вечеръ занимаетъ его одно и то же!... Конечно не знаю; но думаю, какъ и Алексѣй Иванычъ, что это была дочь сосѣда ремесленника, влюбленная въ него; она, можетъ быть, сдѣлала это въ досадѣ на него, или на-зло мнѣ—за предпочтеніе. Въ достовѣрности этого я даже убѣдилась, послѣ того, какъ ни гдѣ она не показывалась, не смотря на то, что шумъ и хохотъ около дома лѣкаря, при уходѣ Алексѣя Иваныча, а за тѣмъ и огласка по всему околотку моего мнимаго проступка, должны были возбудить ея участіе; когда же я, оставляя гостепріимный домъ добраго лѣкаря, зашла къ ней проститься, она задрожала, запиталась и съ рыданіями бросилась ко мнѣ на шею,—вѣрно раскаяніе мучило ее. Впрочемъ можетъ быть я и ошибаюсь, обвиняя ее.... Но,

оставимте разговоръ этотъ.... фальшивое письмо послужило къ моему благополучію.»

— Да, ваши дѣтскія сказки начинали уже усыплять меня»,—проговорила тетка. Я почелъ ее холодною эгоисткой, но какъ я ошибся: она была превосходная и рѣдкаго сердца дама. «Сыграй намъ или спой что-нибудь, милая Настя!»—прибавила она.

Мы подошли къ роялю. Настя сыграла нѣсколько небольшихъ и нетрудныхъ, но очень миленькихъ варіяцій. Кедровъ попросилъ ее спѣть.—Послѣ небольшой прелюдіи, она запѣла:

« Матушка голубушка, солнышко мое »...

— Нѣтъ что-нибудь другое!—замѣтилъ Кедровъ.

«— Извольте», — и начала :

« Въ хижину бѣдную,
Богомъ хранимую »...

«— Настенька, ты огорчаешь меня, другъ мой! перервалъ опять Кедровъ, — къ чему эти заунывныя пѣсни! ? Неужели и теперь, отъ одного воспоминанія прежнихъ горестей, ты забываешь наше счастіе, нашу безмятежную жизнь?»

«—Не сердитесь на меня, Алексѣй Иванычъ!»— отвѣчала она грустно, — «вы знаете, я не умѣю

скрывать своихъ чувствъ: какое-то томительное предчувствіе овладѣло мной!...»

Кедровъ былъ самъ подъ вліяніемъ подобнаго чувства; блѣдный, грустный, какъ и наканунѣ при встрѣчѣ въ галлереѣ, онъ сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ.

Настя опять взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла:

« Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя »...

Кедровъ подошелъ и облокотился на рояль, лице его постепенно оживлялось; Настя взглядывала на него съ любовью, съ нѣжностью и пѣла такъ пріятно, съ такимъ одушевленіемъ, что и я, и тетка, невольно увлеклись ея мелодіей.

« Ты душа-ль моя, красна дѣвица!
Ты звѣзда-ль моя ненаглядная! »

заговорилъ речитативомъ Кедровъ, становясь подлѣ нея и обвивая рукой тонкую талію, когда она кончила. Настя склонилась къ его плечу.

Мы любовались на эту группу и, можетъ быть, я позавидовалъ другу.

Остальные часы мы провели очень весело: Кедровъ игралъ хорошо на скрипкѣ и онъ не разъ принимался аккомпанировать Настѣ.

Когда же намъ хотѣлось танцовать, то мы усаживали къ роялю почтенную тетушку и кружили и вертѣли поочередно бѣдную Настю во всякихъ вальсахъ и полькахъ, пока она почти въ изнеможеніи не падала на стулъ.

Мы уѣхали съ Кедровымъ далеко за полночь.

ГЛАВА ОСЬМАЯ, ВЪ КОТОРОЙ АВТОРЪ ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТЪ ПРЕДРАЗСУДКУ ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

« Я не таковъ. Нѣтъ я, не споря,
« Отъ правъ моихъ не откажусь....

На завтра мы условились съ Кедровымъ ѣхать къ священнику.... за письмомъ и между-тѣмъ поразспросить его о какихъ-либо признакахъ, къ открытію тайны рожденія Насти; письмо доктора было уже у меня.

Я думалъ такъ: если родители Насти люди бѣдные, или неважные, то зачѣмъ скрываться имъ и откуда взять бѣлье тонкаго полотна и золотой крестъ; притомъ не вѣроятнѣе ли было искать имъ убѣжища для дочери въ Воспитательномъ Домѣ, или у богачей, а не у простаго крестьянина. Если же они люди богатые, или знатные, и слѣдовательно скрываются не отъ дочери, а отъ проступка, то, узнавъ всѣ достоин-

ства ея и предстоящій сй путь, вѣрно согласятся, не выставляя хотя себя, но тайными путями, выдвинуть ее изъ среды крестьянскаго сословія и тѣмъ доставить возможность отцу жениха примириться съ своимъ предубѣжденіемъ.

Кедровъ одобрилъ мою мысль. Но увы! Священникъ ничего не могъ разъяснить намъ. «Все, что я знаю»,—сказалъ онъ,—«такъ только то, что она крещена и названа Анастасіей; да и воспитатель ея не дастъ вамъ болѣе удовлетворительнаго отвѣта: за это я вамъ ручаюсь».

Письмо, которое онъ приготовилъ, было исполнено глубокаго чувства и знанія; онъ убѣждалъ во имя добродѣтели и религіи на поступокъ, въ которомъ побѣждается гордость христіанскою любовью.

И такъ, имѣя три письма: отъ Кедрова, медика и священника, и послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ совѣщаній, я отправился въ путь.

За нѣсколько верстъ до имѣнія г. Кедрова находилось сельцо моей тетки; путь мой лежалъ черезъ него.

Проѣхать мимо, не явясь къ тетушкѣ съ почтеніемъ, значило раздражить ее и вооружить противъ себя надолго, какія бы законныя причины не были объяснены ей послѣ. Я это зналъ, имѣлъ на нее свои виды и не хотя остановился у крыльца.

Были гости—новая бѣда! По хворости своей, она не могла заниматься исключительно ими, обрадовалась мнѣ и, не обращая вниманія ни на какія отговорки, требовала заняться ими и успокоить ее, старуху, увѣряя, что гости скоро разъѣдутся. Гости уѣхали, а между тѣмъ мнѣ поручена новая обязанность: сдѣлать за нее нѣсколько визитовъ; опять тѣ же отговорки и опять та же настойчивость и упреки.

«— Что это, батюшка, не земля горитъ! — успѣешь еще услужить своему товарищу, не ужъ-то тетка-то хуже для тебя?... Что мнѣ возвратный путь! ступай куда хочешь на возвратномъ пути, для себя, а для меня теперь сдѣлай».

И такъ я провозился съ моей тетушкой болѣе двухъ недѣль. Между тѣмъ г. Кедровъ отправился къ сосѣду по деревнѣ на именины: «пробудетъ-съ дня четыре или недѣлю». Сосѣдъ его мнѣ былъ незнакомъ, я снова возвратился къ теткѣ и снова пробылъ больше недѣли.

Но вотъ вторичный мой пріѣздъ увѣнчался успѣхомъ: почтенный отецъ моего друга былъ дома и даже въ хорошемъ расположеніи. Онъ предузналъ причину моего посѣщенія и, не смотря на рѣшительный свой отказъ, обошелся со мной очень учтиво и деликатно, какъ въ высшей степени образованный человѣкъ.

Я пересказалъ ему все, что знаю лично про Настю; выставлялъ ея добродѣтели, ея превосходныя чувства, умъ; однимъ словомъ: описалъ какъ она есть въ самомъ дѣлѣ и далъ ему понять, что такая дѣвушка можетъ составить истинное счастіе его сына; что я даже чистосердечно сознаю его счастливымъ моимъ соперникомъ.

Онъ слушалъ меня внимательно, но хладнокровно; не дѣлалъ возраженій, но и не показывалъ проявленія какого-либо одобрительнаго, или непризнающаго чувства; при послѣднихъ только словахъ моихъ не могъ утаить улыбки.

«—Я сознаюсь: мой сынъ не совсѣмъ еще потерялъ голову, уполномочивъ васъ», — сказалъ онъ;—«защищать его права такъ блистательно, какъ вы, съумѣетъ не всякій. Желаю отъ души», — продолжалъ онъ пожимая мнѣ руку,—«чтобы у него было побольше такихъ умныхъ товарищей».

Все это было высказано такимъ тономъ, что я никакъ не смѣлъ принять за насмѣшку и поблагодарилъ его за снисходительный отзывъ.

«—Вы вѣрно имѣете еще и письма?»

Такой вопросъ не предвѣщалъ ничего добраго для моего друга; я не могъ подавить моей печали и молча подалъ ихъ.

«— Позвольте мнѣ считать васъ пока своимъ

гостемъ»,—продолжалъ онъ и положилъ письма на столъ, не обративъ даже на нихъ и вниманія;— теперь мы займемся чѣмъ-нибудь, по-деревенски—вы вѣрно не откажете въ этомъ старику? а завтра я разсмотрю письма и приготовлю отвѣтъ, если вамъ не угодно будетъ провести со мною еще нѣсколько дней».

Мнѣ никогда не удавалось проводить время такъ покойно и такъ пріятно, въ бесѣдѣ со стариками его лѣтъ,—я вполнѣ убѣдился въ справедливости словъ его сына; однако же убѣдился и въ томъ, что его твердой воли не преклонитъ никакая сила.

Вечеромъ, когда мы остались въ-двоемъ—онъ почти никогда не бывалъ одинъ, сосѣди если не гостили, то навѣщали его—не исключая дамъ— я нечувствительно склонилъ разговоръ на Настю.

«—Вы вѣрно хотите знать мое мнѣніе? Можетъ быть, оно покажется вамъ пристрастнымъ: вы въ порѣ мечтаній,—я соображеній; каждый возрастъ имѣетъ свои преимущества. Опредѣлять вѣрно характеръ и въ особенности характеръ женщины способенъ не всякій; въ этомъ даже я и не смѣю ставить себя выше васъ, хотя мнѣ представлялось болѣе случаевъ повѣрять себя на опытѣ, что могутъ доказать мои лѣта. И такъ, основываясь болѣе на опытности, нежели на вѣрности взгляда, я далъ отвѣтъ моему сыну и

не могу перемѣнить его. Но обратимся къ нашему предмету. По мнѣнію моему, эта дѣвушка— очень умная, ловкая и смѣтливая; при видѣ Алексѣя, честолюбивая мысль блеснула въ головѣ ея: «меня называютъ безродной, пускай! а какъ я стану выше всѣхъ этихъ сверстницъ съ отцами и матерями?!» Ей же помогло выдѣлиться передъ другими подобными кое-какое образованіе, полученное у священника и въ пріютѣ, можетъ быть, красивое личико. Съ такими трофеями, она смѣло принялась за свое предпріятіе—случай помогъ, а успѣхъ увѣнчалъ ея желанія.

«— Что въ рощѣ вы замѣтили многихъ, которые были также не равнодушны къ ней, еще больше убѣждаетъ въ справедливости моихъ заключеній: гуляки и пьяницы не могли нравиться ей, а Кузьмича я почитаю сообщникомъ ея незатѣйливаго романа.

«—Еслибы дѣвушка эта знала, что у Алексѣя ничего нѣтъ, повѣрьте, сударь, она умѣла бы отдѣлаться отъ него и теперь: честь и благородство такимъ не знакомы... Но, оставя все это, скажите мнѣ: какъ она появится въ нашемъ обществѣ изящнаго вкуса, свободныхъ и граціозныхъ манеръ? — она, застѣнчивая, неловкая, грубая... И кто же будетъ она! жена моего сы-

на,—моя дочь?! о, пощадите, я и теперь краснѣю отъ одной этой мысли».

— Увидавъ ее, вы перемѣнили бы о ней свое мнѣніе,—сказалъ я,—не говорю о себѣ, по крайней мѣрѣ у вашего сына есть вкусъ — и вкусъ утонченный.

«—Утонченный вкусъ?! скажите лучше, избалованный, прихотливый.... Это, впрочемъ, общій удѣлъ людей богатыхъ, неслишкомъ разсудительныхъ, а главное—праздныхъ.... Страсть къ лимбургскому сыру, устрицамъ, лягушкамъ,— развѣ не называютъ утонченнымъ вкусомъ?... Есть многіе, которые стѣсняются обществомъ, особенно благонамѣреннымъ, и съ наслажденіемъ ведутъ бесѣду съ кучеромъ, или лакеемъ.... Другіе, считая кругъ свой скучнымъ и монотоннымъ, превесело проводятъ время въ семействахъ мѣщанъ и цеховыхъ... А въ отношеніи къ женщинамъ и того хуже!—Я зналъ ловкаго, любезнаго и съ большими притязаніями на изящное, который страстную къ нему женщину, прославленную красотой, умомъ и рѣдкими добродѣтелями, промѣнялъ, по прихоти, на грязную, босоногую крестьянку.... Но все это проходитъ со временемъ, особенно, если къ нѣкоторымъ случайностямъ присоединится главная: недостатокъ.

«— Такъ и Алеша мой теперь въ подобномъ

вкусѣ... Онъ скучалъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ ему все примелькалось,—такъ онъ обратился за счастіемъ въ деревню!—и нашелъ.... Но, я увѣренъ, все это переработается само собой,—онъ вышелъ ужъ изъ ребяческаго возраста».

— Вы судите очень строго вашего сына; людей, которыхъ вы поставили въ параллель ему, скорѣй можно назвать со вкусомъ извращеннымъ, забывшихъ религію, потерявшихъ самосознаніе и совѣсть.

«— Согласенъ,—но кончимте этотъ разговоръ: онъ можетъ завести насъ въ продолжительныя и безполезныя пренія».

Мы разошлись.

На утро, отдавая мнѣ письмо, онъ сказалъ: «вотъ мой отвѣтъ; — для васъ собственно, я измѣнилъ нѣсколько мои рѣшенія; хотя письмо священника, достойнымъ пастыря убѣжденіями, также могло на меня подѣйствовать, но сдѣлать для него что-нибудь больше, я рѣшительно отказываюсь.»

Не находя болѣе причины оставаться, я раскланялся съ нимъ и уѣхалъ.

Кедровъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего возвращенія. Выслушавъ мой разсказъ и прочитавъ письмо, онъ съ признательностію благодарилъ меня за участіе въ судьбѣ его , сознаваясь, что

никакъ не ожидалъ даже и подобнаго отвѣта, зная характеръ отца, и прочелъ въ слухъ слѣдующее:

«Ты, любезный сынъ, вышелъ изъ ребяческаго возраста и получилъ приличное образованіе — кажется я сдѣлалъ, съ своей стороны, все? Уклоняясь отъ воли моей, ты, слѣдовательно, сознаешь права свои на жизнь самостоятельную и независимую — я одобряю это; но только совѣтую избрать путь, болѣе приличный твоему званію. На бракъ твой, — если ужъ онъ такъ необходимъ тебѣ, — съ этою дѣвушкой я тоже согласенъ; но, если можно, постарайся не родниться меня съ конюхами и буфетчиками. Не знаю, найдешь-ли ты нужнымъ, женившись, представить ее мнѣ. На приданое невѣстѣ и необходимое обзаведеніе — отъ меня не жди, а распоряжайся пока самъ, какъ знаешь. Умру, — получишь наслѣдство и — тогда твоя воля. Въ отношеніи твоихъ долговъ я не оправдываю себя: по опытности моей, я долженъ былъ ихъ предвидѣть и предупредить тебя; но какъ ты не пишешь количества, и я считаю его, по краткости времени, незначительнымъ, то пять тысячъ рублей серебромъ тебѣ выдастъ мой повѣренный. Вотъ все, чего я прежде и не хотѣлъ».

«И. Кедровъ».

— Какую я сдѣлалъ непростительную ошибку! — воскликнулъ Кедровъ.

— Что предложилъ руку Настѣ?

Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Какъ, неужели ты думаешь, что я буду когда-нибудь раскаяваться въ томъ, что пріобрѣлъ любовь этого ангела!?

— Въ чемъ же заключается непростительная твоя ошибка?

— Я слишкомъ втрое долженъ противъ того, что мнѣ назначилъ отецъ. Отчего я не опредѣлилъ ему моего долга, и не прибавилъ еще на расходы, до того времени, какъ устрою себя?! Теперь все кончено! я не могу ожидать отъ него больше никакого пособія.

— Какъ же ты придумалъ устроить себя?

— Опредѣлиться переводчикомъ въ коллегію, или иностранную купеческую контору и кромѣ того найдти случай: переводить, или писать мелкія статейки и фельетонъ въ журналы; — потомъ жениться на Настѣ.

— Мысль не дурна, но въ нынѣшній спекулятивный вѣкъ эти труды не представляютъ достаточныхъ выгодъ. Посмотри, сколько ученыхъ и профессоровъ посвятили себя на подобныя занятія.

— Я возьмусь писать во всѣ журналы; я буду трудиться день и ночь.

«Бѣдный другъ мой»,—подумалъ я,—«ты еще не знаешь, какъ дешево цѣнятъ такіе труды!»

— Ты покажешь это письмо невѣстѣ?

— О, непремѣнно! тѣмъ болѣе, что въ немъ

нѣтъ, какъ въ первомъ, ничего особенно оскорбительнаго.

«Хорошо же было первое письмо»,—подумалъ я опять.

Вечеромъ на другой день, я отправился къ Настѣ. Мысль, внушенная отцемъ Кедрова, что можетъ быть Кузьминъ сообщникъ ея, терзала меня.

Новыя затѣи пріятеля показались мнѣ безразсудными при его обстоятельствахъ, и оправдывали, нѣсколько, мнѣніе его отца: превосходной работы арфа, столовые на мраморномъ пьедесталѣ часы, кипсеки, статуетки и другіе предметы роскоши, появившіеся въ квартирѣ Насти, показывали явное мотовство.

— Какова?! — сказалъ онъ, подводя меня къ арфѣ, — а ужъ сколько стоило труда отыскать ее!

— Хороша, — отвѣчалъ я холодно, — а что твои долги?

Онъ замялся, какъ мальчикъ, пойманный въ шалости.

— Но, согласись самъ, другъ мой, изъ чего же я стану платить ихъ, когда мнѣ необходимо дѣлать ежедневные расходы?! Ты видишь эти вещи.... но онѣ стоятъ бездѣлицы, тогда какъ....

— Тогда какъ ты могъ на все это, — пере-

билъ я,—по крайней мѣрѣ уплатить проценты.

— О, объ этомъ не безпокойся! — не только проценты, но я даже уплатилъ и нѣкоторые долги.

Я нѣсколько успокоился на его счетъ, хотя и не совсѣмъ вѣрилъ въ искренность признанія.

Бесѣда наша оживилась; Настя была также очаровательна.

Между общими разговорами Кедровъ прочелъ письмо отца; Настя опять залилась слезами и умоляла покориться его волѣ, но должна была, какъ и прежде, уступить непреклонному намѣренію своего жениха.

Когда она немного успокоилась, я спросилъ прямо: видѣла ли она послѣ того Кузьмича?

Настя покраснѣла и опустила глаза; подозрѣніе мое усилилось.

— Позволь мнѣ, душа моя, — сказалъ Кедровъ, — разсказать ему все, вмѣсто тебя; я вижу, какъ это тебя затрудняетъ!

— О, да! я васъ прошу.

Она встала и ушла въ другія комнаты.

— Ты вѣрно не будешь удивляться,—началъ Кедровъ,—что у Насти здѣсь, какъ и въ рощѣ, появилось много молодыхъ людей, о которыхъ нестоитъ упоминать, хотя иные изъ нихъ могли бы быть опасными для меня соперниками, по своимъ богатству и знатности, если бы На-

стя и безъ любви ко мнѣ не была предана всей душой религіи и благонравію. Но ты удивишься, что въ этомъ числѣ, и болѣе опасный для меня, былъ Кузьмичъ.

Мнѣ показалось, что въ моихъ глазахъ темная вода; я протеръ ихъ, однако Кедровъ былъ серьёзенъ и даже гнѣвенъ.

— Слушай!—продолжалъ онъ. Мѣсяца черезъ два, какъ я переселилъ сюда Настю; — доложили ей, въ отсутствіи тетки, что какой-то купецъ желаетъ говорить съ ней.—Купецъ этотъ былъ Кузьмичъ. Онъ вѣжливо началъ описывать меня самыми черными красками; раскрылъ передъ ней нѣкоторыя старыя мои интриги; объяснилъ основательно положеніе дѣлъ моихъ и мнѣніе отца. Утвердительно предсказалъ, что я, запутавшись въ долгахъ и не получая отъ отца никакого пособія, вѣроятно пущусь въ низкія аферы и попаду подъ судъ; если же и нѣтъ, то не миную за долги ямы, — а ее брошу, или еще прежде, чтобы примириться съ отцемъ — что сдѣлаю благоразумнѣе — или по неволѣ, когда буду арестованъ. Потомъ предложилъ ей двадцать тысячъ ассигнаціями ежегодной пенсіи, отличную квартиру, экипажъ и все, что она пожелаетъ, съ тѣмъ, чтобы только она ввѣрилась ему и оставила, на время, Москву, не измѣнивъ, впрочемъ, ничѣмъ образа жизни.

«— Я надѣюсь,»—прибавилъ онъ,—«что вы по своему благоразумію не откажетесь отъ такого прекраснаго предложенія?»

Настя въ негодованіи указала ему на дверь, произнеся повелительно:

«Идите вонъ! или я кликну людей».

Кузьмичъ посмотрѣлъ на нее лукаво и проговорилъ обыкновеннымъ своимъ тономъ:

«Вы вѣрно еще одумаетесь, — но мы скоро увидимся съ вами опять,» — поклонился насмѣшливо и вышелъ.

Настя разстроилась.

Я хотѣлъ видѣть этого маленькаго дьявола и строго приказалъ людямъ удержать его, если онъ покажется, и доложить мнѣ; но съ тѣхъ поръ онъ не приходилъ.

Послѣ разсказа этого, я совершенно потерялся въ догадкахъ о Кузьмичѣ и его отношеніяхъ къ Настѣ.

Раза два-три въ недѣлю я навѣщалъ Настю, гдѣ всегда встрѣчалъ Кедрова, какъ жениха; онъ видѣлся съ ней не иначе, какъ въ присутствіи тетки и велъ себя всегда вѣжливо и деликатно.

Однако дѣла его, по пріисканію должности и занятій, а съ ними и бракъ, день за день откладывались;— такъ прошло все лѣто и наступилъ сентябрь.

Тутъ я получилъ извѣстіе, что тетушка вдругъ сдѣлалась трудна, по объявленію докторовъ, не можетъ даже переѣхать въ Москву, и что я долженъ какъ можно спѣшить къ ней съ сестрами, или даже одинъ, чтобы принять ея послѣднюю волю.

Извѣстіе это чрезвычайно огорчило меня и привело въ уныніе помолвленныхъ: они не могли скрыть своей печали; признаюсь, и мнѣ было жаль съ ними разстаться, но долгъ и признательность къ теткѣ побуждали ускорить свой отъѣздъ, и — я уѣхалъ.

Къ старческому изнуренію тетки—ей было за шестьдесятъ лѣтъ—присоединилась простуда, и всѣ пособія врачебнаго искусства остались безполезны. Съ недѣлю еще при мнѣ она была въ памяти и успѣла сдѣлать духовное завѣщаніе, въ которомъ, исключая нѣкоторыхъ пунктовъ, все предоставила мнѣ; — потомъ она стала забываться, наконецъ впала въ предсмертную агонію и къ концу мѣсяца скончалась. Похороны ея, вводъ во владѣніе, отпускъ на волю нѣкоторыхъ дворовыхъ и другія исполненія воли умершей, задержали меня въ уѣздномъ городѣ, и я возвратился въ Москву въ концѣ ноября.

Первое мое желаніе было поспѣшить свиданіемъ съ Кедровымъ, отъ котораго — вопреки

обѣщанію — не получилъ ни одного письма. Но увы, сколько произошло перемѣнъ!

Настину квартиру занимали уже другіе и даже не знали, кто стоялъ прежде ихъ.

Кедровъ, по разсказамъ корридорнаго гостинницы, вѣроятно въ ямѣ.... Въ половинѣ сентября, какъ онъ припоминалъ, полицейскій чиновникъ и еще кто-то, описавъ вещи, пригласили его съ собою, — и съ тѣхъ поръ онъ не являлся; а человѣкъ его отпущенъ въ деревню еще прежде.

Сомнѣваться было нечего; я отправился въ яму, смотритель показалъ комнату.

О, въ какомъ страдальческомъ состояніи былъ Кедровъ! сердце мое разрывалось при видѣ этого добраго, благороднаго человѣка, подавленнаго отчаяніемъ и безнадежностью. Онъ сидѣлъ, сложивъ вмѣстѣ на затылкѣ пальцы обѣихъ рукъ и опершись локтями на столъ; борода и усы его были не бриты со дня вступленія въ это убѣжище; лице было блѣдно-желто, глаза ввалились, посъ и челости осунулись. При входѣ моемъ онъ приподнялъ голову и какъ-бы не узналъ меня: въ немъ были признаки помѣшательства.

— А гдѣ же Настя, что же она нейдетъ до сихъ поръ! — спросилъ онъ уныло. — Ты не видалъ ее, — ты не былъ у ней?

— Да гдѣ же она живетъ?

— Какъ гдѣ? — все тамъ-же, на своей квартирѣ. Ты безъ меня не навѣщаешь ея! — прибавилъ онъ съ упрекомъ.

Черныя мысли опять мелькнули въ головѣ моей, но я не подалъ ему никакого подозрѣнія; я боялся поразить его еще больше, между тѣмъ какъ мнѣ слѣдовало, сколько возможно, успокоить его.

— Извини, мой другъ, — сказалъ я, садясь возлѣ него, — я только-что возвратился изъ деревни.

— Да, помню! ты мнѣ говорилъ про это.

— Но перестань грустить, Алексѣй, теперь я здѣсь и исключительно займусь тобой! — Завтра, или послѣ завтра, я возьму тебя на поруки, если не успѣю сладить съ кредиторами; потомъ отправлюсь къ твоему отцу и буду умолять его заплатить долги; а тамъ ты будешь приводить въ исполненіе твои намѣренія и дашь мнѣ честное слово не дѣлать больше долговъ.

Кедровъ, какъ дитя, бросился мнѣ на шею и не могъ скрыть своей радости, своей надежды на счастіе.

Въ минуту эту отворилась дверь и вошли Настя съ теткой.

Бѣдная дѣвушка находилась въ положеніи едвали не худшемъ своего жениха. Она была блѣдна

и худа; темное шелковое платье, довольно поношеное, ковровый платокъ, коротенькій суконный бурнусъ и атласная, старая, шляпка — составляли ея костюмъ; — каково же было ей выносить холодъ, когда мнѣ едва сноснымъ казался мѣховой бекешъ? Бѣдное дитя! она хотѣла скрыть, что перезябла; но, кромѣ лица, изобличали ее красныя, почти посинѣвшія руки. —

Настя положила на столъ сумочку съ сухарями.

— Какъ ты озябла, бѣдненькая, — сказалъ Кедровъ, цѣлуя ей руки.

— О, нѣтъ! — отвѣчала она сквозь слезъ, желая улыбнуться, — мнѣ тепло, только руки не много озябли.

— За чѣмъ ты носишь это, — продолжалъ онъ указывая на сухари, — вѣдь я здѣсь сытъ. Ты не траться и береги лучше деньги для себя. — Есть-ли онѣ у тебя, — а?

— Не безпокойся, другъ мой, — проговорила тетка, — мы свободны и скорѣй можемъ достать себѣ, чѣмъ ты.

Но вотъ принесли обѣдъ. — Кедровъ съ горечью посмотрѣлъ на него: онъ такъ привыкъ къ хорошимъ блюдамъ.

Я не хотѣлъ стѣснять моего друга и простился съ нимъ, повторивъ свои обѣщанія о

его освобожденіи. Дамы послѣдовали моему примѣру.

— Гдѣ вы живете? — спросилъ я Настю, когда мы вышли изъ воротъ.

— За чѣмъ вамъ знать? — отвѣчала она конфузливо.

— Вотъ прекрасный отвѣтъ! — замѣтила тетка, — ты забываешь, душа моя, что онъ искренній другъ твоего жениха! — и за тѣмъ она разсказала мнѣ, гдѣ ихъ найдти.

Я сдѣлалъ еще нѣсколько неважныхъ вопросовъ, относя ихъ больше къ теткѣ, и разстался, обѣщавъ заѣхать къ нимъ, — предваривъ притомъ, чтобы онѣ не ходили больше къ Кедрову, такъ какъ я надѣялся на скорое его освобожденіе.

Вернувшись опять въ присутственныя мѣста, я навелъ справку о кредиторахъ Кедрова.

Оказалось, что всѣ векселя его были скуплены однимъ лицемъ и составляли, съ процентами, до двадцати тысячъ рублей серебромъ. Я не могъ располагать такою суммою и почелъ за лучшее объясниться съ кредиторомъ и просить его объ отсрочкѣ, на опредѣленное время, въ которое надѣялся убѣдить отца Кедрова о взносѣ денегъ.

По данному мнѣ адресу, я отыскалъ домъ кредитора.

Кредиторъ Кедрова былъ купецъ и уѣхалъ на фабрику, куда-то верстъ за сорокъ.—Домашніе про дѣла его ничего не знали, а совѣтовали справиться въ конторѣ.

Я поѣхалъ въ контору, которая была довольно далеко отъ его дома; тутъ сказали мнѣ, что подобныя дѣла хозяинъ поручаетъ своему повѣренному. Я отыскалъ и повѣреннаго, но онъ рѣшительно отказался на какія-либо сдѣлки, объясняя, что довѣритель его не настоящій кредиторъ, а только векселя скуплены на его имя, и утвердительно, при томъ, замѣтилъ мнѣ, что я, къ его сожалѣнію, ничего не успѣю сдѣлать безъ представленія полнаго количества наличныхъ денегъ.

Огорченный неудачею, я немедленно отправилъ письмо къ отцу Кедрова съ нарочнымъ, объяснивъ ему подробно, сухо и рѣзко, въ какомъ положеніи его сынъ, и прибавивъ, что онъ скорѣй умретъ, или будетъ перевезенъ въ домъ умалишенныхъ, нежели откажется отъ своей невѣсты.

Больше я не въ-состояніи былъ ничѣмъ заняться по дѣламъ моего товарища, возвратился домой и не поѣхалъ даже къ Настѣ.

На другой день съ утра я отправился хлопотать объ освобожденіи Кедрова и встрѣтилъ очень много препятствій, однако же не лишенъ

былъ надежды на его выпускъ по болѣзни, въ которой не было, конечно, и сомнѣнія.

Успокоенный въ этомъ отношеніи, я вздохнулъ свободнѣе, зашелъ навѣстить Кедрова, ободрилъ его, а вечеромъ отправился къ Настѣ.

О, я былъ жестоко несправедливъ передъ этой восхитительной дѣвушкой.

Едва отыскавъ домъ, въ Доброй слободкѣ, я встрѣтилъ запачканнаго мужика, въ изорванномъ нагольномъ тулупѣ, и остановилъ его.

— Ты дворникъ?

— Я дворникъ.

— Тутъ живетъ г-жа N. N.

— Не знаю, не слыхалъ такой фамили; — а жильцы, кажись, у меня наперечетъ всѣ.... Развѣ изъ прислуги?—да и тѣхъ знаю.

— Нѣтъ, она нанимаетъ квартиру съ племянницей.

— Такъ.... Видно гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь такихъ нѣтъ....

— Гдѣ-жъ еще здѣсь домъ этого владѣльца?

— Домъ-то этотъ и есть,—а другаго у него дома нѣтъ во всемъ околоткѣ.

— Такъ какъ же ты говоришь, что не живутъ, когда у меня адресъ?

— У насъ всѣ жильцы записаны; безъ андреса проживающихъ нѣтъ! вы отъ фартальнаго что-ль?

— Кого вы, барин, ищете?--спросила меня проходившая черезъ дворъ женщина; я повторилъ ей.

— Ахъ, это должна быть та старушка-то, Сидорычъ, что переѣхала въ свѣтелку—съ мѣсяцъ тому?

— Те, те, те!—воскликнулъ дворникъ, присѣдая и держа себя за бороду,—выходитъ она и есть... Да гдѣ же вспомнить, онѣ и на дворъ-то, почитай, совсѣмъ не показываются. Поди ты, дѣло какое, совсѣмъ забылъ? а срокъ къ платежу подходитъ, да платежъ-то какой, всего полтора серебромъ.

Я едва могъ удержать его отъ дальнѣйшей болтовни и заставилъ проводить себя къ нимъ.

Съ трудомъ, по узенькой, грязной и совершенно темной лѣсенкѣ, поднялся я въ третій этажъ, который составляла свѣтелка съ тонкими стѣнами, въ одно полуциркульное окно на дворъ; почти всю средину ея занимала кирпичная труба, въ два, а можетъ быть и три дыма, изъ печей нижнихъ покоевъ; а подлѣ трубы, на ножкахъ, маленькая чугунная печь, и, какъ замѣтно было, не топленная сутокъ двое. Я тутъ же отдалъ приказаніе дворнику протопить ее, кладя на ладонь его серебряную монету, для бо́льшаго убѣжденія.

Настя, посинѣвшая отъ холоду, сидѣла, под-

жавши ноги. на сундукѣ, который служилъ ей вмѣсто постели. Передъ ней стоялъ маленькій, простаго дерева, столикъ, и на немъ деревянный подсвѣчникъ съ тонкою, сальною свѣчей, ломоть чернаго хлѣба, соль на бумажкѣ и глиняная кружка съ водою. Тетки не было дома.

— Что все это значитъ! — произнесъ я невольно въ изумленіи.—Разскажите мнѣ, безо всякой скрытности, какъ вѣрному вашему другу, все, что было съ вами съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ?... Женихъ вашъ думаетъ, что вы живете на той же квартирѣ....

— Онъ освобожденъ? гдѣ Алексѣй Иванычъ?—спросила она, какъ бы опомнясь.

— Завтра я надѣюсь взять его, но поговоримъ о васъ.

Настя со стономъ и рыданіями начала укорять и умолять меня, не давая выговорить и слова:

— Ради Бога, сударь, оставьте меня безъ вниманія!... Я не боюсь ни нищеты, ни страданій!... вѣдь я таже бѣдная самоварница и давно привыкла безъ ропота переносить свои несчастія?... Но другъ вашъ?!—о, онъ не перенесетъ этого удара.... а вы медлите, вы бросаете его, когда онъ такъ близокъ къ отчая-

нію, помѣшательству, быть можетъ—къ смерти!... и все я!... я одна причиною всѣхъ его страданій!... о, пощадите.... не убивайте несчастной и спасите его!...

Она упала къ моимъ ногамъ и не хотѣла вставать.

Съ трудомъ я могъ уговорить и усадить ее на прежнее мѣсто.

— Будьте благоразумны, Настенька. Развѣ можно сдѣлать что-нибудь ночью? — Я его видѣлъ недавно, онъ въ состояніи гораздо лучшемъ, нежели вчера, надежда его оживила. Я далъ слово, что завтра освобожу его, и завтра вы снова будете оба счастливы; въ этомъ я ручаюсь и вамъ.

— Завтра?! когда мнѣ сказали, что онъ не доживетъ до завтра'!

— Кто же вамъ сказалъ ?

— Кузьмичъ.

— А, онъ опять былъ у васъ?... Но вѣрьте же, клянусь вамъ передъ Богомъ, что женихъ вашъ гораздо покойнѣе и навѣрное знаетъ, кромѣ меня, отъ смотрителя, что будетъ выпущенъ завтра.

Настя вздохнула свободнѣе и съ признательностію посмотрѣла на меня, скрестивъ на груди руки. Этотъ нѣмой знакъ ея преданности и довѣрія глубоко тронулъ меня; я съ чувствомъ

поцѣловалъ ея руку, просилъ не заботиться о судьбѣ жениха, называлъ милой сестрой своей, и утѣшалъ сколько могъ. Въ это время дворникъ принесъ дрова и затопилъ печь.

Когда вышелъ дворникъ, я снова сталъ умолять ее объяснить все, что произошло въ мое отсутствіе, присовокупляя притомъ, что такая просьба — слѣдствіе не простаго любопытства, но живѣйшаго участія, какое я принимаю въ судьбѣ ея и моего друга.

— Я вѣрю вамъ,—сказала Настя;—послѣ вашего друга только вы единственный человѣкъ, котораго я уважаю.—Скрыть отъ васъ я ничего не могу и не смѣю,—вы все должны знать; но умоляю васъ не пересказывать вашему другу: это можетъ опять разстроить его.

«Спустя нѣсколько дней послѣ вашего отъѣзда, я стала замѣчать въ Алексѣѣ Иванычѣ печаль и скрытность; онъ часто задумывался, отвѣчалъ уклончиво на вопросы мои и вообще былъ чѣмъ-то озабоченъ. Я боялась разспрашивать его о причинѣ такой перемѣны, а между тѣмъ сама страдала; наконецъ замѣтила перемѣну его и тетушка; она неотступно и настойчиво просила его объяснить причину печали. Алексѣй Иванычъ отшучивался, называлъ насъ слишкомъ мнительными, и мы ничего не узнали: увѣреніе его въ томъ, будто безпокоит-

ся объ отсрочкѣ брака, чрезъ что лишается удовольствія счастливой жизни, было явно несправедливо, какъ вскорѣ и обнаружилось.

«Однажды утромъ, — вскорѣ послѣ этого разговора,—я получила отъ него записку, въ которой Алексѣй Иванычъ увѣдомлялъ меня о своемъ заключеніи:— можете представить, какъ это меня поразило!...—и просилъ навѣстить. Хотя онъ и увѣрялъ, что пробудетъ не болѣе, какъ нѣсколько дней; что это даже такъ надо, чтобы привести дѣла его къ скорѣйшему и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемому имъ окончанію; чтобы я нисколько за него не безпокоилась, и старалась какъ можно беречь себя; но— я поняла его доброту и всю истину!

«Нужно ли объяснять вамъ то отчаяніе, въ которое повергло меня это извѣстіе? Тетушка старалась, какъ могла, успокоить меня; она представляла безполезность моихъ страданій для Алексѣя Иваныча, тогда какъ онъ требуетъ помощи и утѣшенія, и тѣмъ дѣйствительно подѣйствовала на меня. Я собрала всѣ мои силы, восторжествовала надъ собой и стала придумывать, какъ бы освободить его.

«Первое, что мнѣ представилось, это квартира съ ея убранствомъ, потомъ гардеробъ и вещи. Въ нѣсколько дней, съ помощію тетушки, я распродала все, что только составляло ка-

кую нибудь цѣнность, не исключая кухонной посуды; я оставила только крестикъ, съ которымъ меня нашли, обручальное кольцо и кольцо его матери, это любимое имъ платье, этотъ столикъ, къ которому онъ подходилъ въ рощѣ, и этотъ старый диванъ для тетушки. Вырученныя деньги мы отвезли въ Управу; тамъ ихъ приняли, выдали намъ росписку въ полученіи и сказали, чтобы мы понавѣдались завтра.

«Я была въ твердомъ убѣжденіи, что все кончено и его освободятъ, но увы! какъ я ошиблась!... Секретарь, увидавъ насъ, вѣжливо поклонился, подошелъ къ столу, сказалъ что-то одному изъ чиновниковъ, который сейчасъ же принялся разбирать бумаги, посматривая на насъ, и что-то писать; самъ же секретарь занялся другими просителями. Сгарая нетерпѣніемъ скорѣе узнать опредѣленіе суда, я уже проспа тетушку подойти къ секретарю, какъ чиновникъ подалъ ему бумагу, и онъ, обратясь къ намъ, прочелъ вслухъ, что, за уплатою предложенныхъ тетушкою пяти тысячъ двухъ сотъ шести рублей серебромъ, слѣдуетъ взнести, для полнаго удовлетворенія кредитора, всего остальной суммы съ процентами девятнадцать тысячъ четыреста шестьдесятъ пять рублей восемьдесятъ семь съ половиною копѣекъ серебромъ,—и передалъ намъ вѣжливо эту бумажку.

«— Вы его освободите вѣдь теперь?»—спросила я въ трепетномъ волненіи.

«— Нѣтъ-съ, мы этого сдѣлать не можемъ!»— отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

«— Кто же можетъ освободить его?»

«— Объ этомъ отнеситесь къ кредитору».

Онъ поклонился и оставилъ насъ.

«Какъ громомъ пораженная, стояла я, не умѣя, что придумать; тетушка была въ положеніи не лучшемъ моего.

«Въ это время подошелъ къ тетушкѣ одинъ отставной чиновникъ — пріятель ея мужа, находившійся въ числѣ просителей. Присутствіе наше удивило его; но когда онъ узналъ причину, что привело насъ въ Управу, принялъ живое и искреннее участіе.

«— Вы очень скоро и опромѣтчиво поступили, сударыня, — сказалъ онъ тетушкѣ, — необходимо было прежде повидаться съ кредиторомъ, узнать его намѣренія и попросить объ отсрочкѣ; а теперь.... мг.... не думаю, чтобы вы успѣли сдѣлать какую нибудь пользу. Впрочемъ, принимая въ васъ, по дружбѣ къ вашему покойному мужу, живое участіе, я постараюсь хорошенечько разузнать кто кредиторъ и нельзя ли какъ нибудь пособить вамъ.» И далъ свой адресъ.

«Мы прошли къ Алексѣю Ивановичу; онъ былъ мраченъ и блѣденъ. Я упала къ его но-

гамъ и, какъ прежде, умоляла всѣмъ, что есть для него священнаго, оставить меня, зная, что онъ будетъ черезъ это сейчасъ же освобожденъ;—клялась, что не буду принадлежать другому никогда, а пойду въ монастырь и весь свой вѣкъ промолюсь Богу о немъ и о его счастіи.

«Но всѣ убѣжденія мои были безполезны; онъ сказалъ рѣшительно: «Если ты, Настенька, скажешь еще когда-нибудь, чтобы я тебя оставилъ, то это будетъ значить, что ты меня не любишь и ищешь сама случая отъ меня отказаться; тогда я не буду упрашивать тебя ни однимъ словомъ, ни даже взглядомъ,— мы разстанемся; но знай: этотъ же день будетъ и днемъ моей смерти!»

«Я уже знала его твердый, непоколебимый характеръ и возможность исполненія имъ угрозы.—Нѣтъ, нѣтъ!— простонала я, обнимая его колѣна,—вы не сдѣлаете этого, я не за себя умоляла васъ; но если вы требуете, то клянусь никогда не просить васъ больше оставить меня.

«Мы помирились.

«Около вечеренъ тетушка напомнила, что пора домой. Проводивъ меня, она сейчасъ же отправилась къ чиновнику и по дорогѣ посмотрѣть квартирку. Намъ не прилично было жить въ пустыхъ стѣнахъ, нечѣмъ было отапливать комнаты; а главное, — я не хотѣла оставаться

тамъ, гдѣ все напоминало меня счастливою, тогда какъ я не должна была находиться въ состояніи лучшемъ моего жениха ; хотя до срока найма оставалось еще довольно времени, и тетушка убѣждала не торопиться перемѣной квартиры, а сперва подумать, чѣмъ будемъ жить, но мои униженныя просьбы и слезы поколебали ее.

«Она ушла и я осталась совершенно одна: люди были распущены, прежде нежели мы стали продавать все свое добро.

«Когда стемнѣло, и я, отыскавъ гдѣ-то огарокъ стеарпновой свѣчи и этотъ подсвѣчникъ, освѣтила пустую гостпную, гдѣ были только эти столпкъ и диванъ, вошелъ Кузьмичъ.

«— Извпните, что я вхожу къ вамъ безъ доклада»,—сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ, «но я не нашелъ, кто бы могъ объявить обо мнѣ».

«— Что вамъ угодно, сударь?— едва нашла я силу проговорпть, такъ оледѣнило меня его появленіе, предвѣщающее всегда однѣ бѣдствія!

«— Ваши люди вѣрно всѣ заняты какими-нибудь порученіями»,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ, не обратпвъ вниманія на мой вопросъ,— «и какъ вездѣ пусто!... Можетъ быть перевезли все на другую квартиру?... а можетъ быть и вѣтреный женихъ вашъ успѣлъ уже распродать весь этотъ прекрасный вздоръ»!

«— Не правда ваша! я сама продала всѣ его подарки, чтобы выкупить его изъ ямы; но этой суммы оказалось недостаточно!... «Я не могла больше говорить: слезы душили меня, и я зарыдала....

«— Такъ это вы внесли за него, а не тетка, какъ мнѣ сказали?... Бѣдное дитя! чѣмъ же вы будете жить теперь?»

«— Я буду работать».

«— Вы отвыкли, поживши въ роскоши, да и не найдете работы. — Согласитесь-ка скорѣй на мое предложеніе: оставьте жениха, и вы будете жить покойно, весело, счастливо!»

«— Умоляю васъ именемъ Бога, оставьте меня!... вы отнимаете у меня послѣднія силы!»

«Онъ долго еще разсматривалъ меня съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ; но потомъ проговоря скоро и рѣзко: «Вы вѣрно одумаетесь еще.... я съ вами не прощаюсь!» повернулся и ушелъ.

«Я не сказала и тетушкѣ про это посѣщеніе, боясь, чтобы она какъ-нибудь не проговорилась при Алексѣѣ Ивановичѣ и тѣмъ не увеличила бы его страданій.

«Тетушка возвратилась къ ночи.

«Ея разстроенный видъ объяснилъ уже неудачу: ничего нельзя было придумать къ освобожденію Алексѣя Ивановича. Квартирки были

или очень дороги, или очень многолюдны, т. е. отдѣлялись легкой перегородкой отъ смежныхъ комнатъ, занятыхъ другими жильцами, а она не хотѣла помѣстить меня въ такую.

«Измученная и огорченная старушка не находила даже мѣста отдохнуть: старый и худой диванъ изъ дѣвичей, какъ вы видите, не представлялъ къ тому большаго удобства. Мнѣ стало жаль ее.

«— Милая тетушка»,—сказала я становясь подлѣ нея на колѣна,—«я привыкла съ дѣтства переносить всѣ несчастія, я не боюсь ихъ; Алексѣй Ивановичъ по своей волѣ и изъ любви ко мнѣ не хочетъ покориться справедливымъ требованіямъ своего родителя; но онъ еще молодъ, быть можетъ, онъ перенесетъ такой ударъ судьбы; вы, тетушка, въ ваши лѣта, за что страдаете съ нами?! вы не вынесете такой жизни, которую, какъ я предвижу, мы должны будемъ проводить. Вы привыкли къ спокойствію; недостатокъ, быть можетъ, нищета,— убьютъ васъ! Добрая, милая тетушка!—возвратитесь къ друзьямъ вашимъ, они такъ любятъ васъ, оставьте меня....»

«— Что ты, что ты, другъ мой! Христосъ съ тобою! видишь, что выдумала: оставить ее ?—да что же Алеша-то скажетъ ? Онъ мнѣ поручилъ тебя, какъ родную дочь, да я и люблю-то тебя

какъ родную дочь; ты такая добрая, внимательная.... Я дала слово твоему жениху не оставлять тебя до тѣхъ поръ, пока ты не сдѣлаешься его женою. Слышишь ли?... Такъ выкинь, сударыня, изъ головы всѣ подобные пустяки и дожидайся съ надеждой на Бога и терпѣніемъ перемѣны въ своей судьбѣ;—а я тебя ни за какія сокровища въ мірѣ не брошу».

« Итакъ, вы видите: со мной, гонимою рокомъ, страдаютъ два существа добрыхъ, благородныхъ и достойныхъ....

Она заплакала.

«— Полноте», — сказалъ я тономъ глубокой просьбы,—«не предавайтесь отчаянію.—Но гдѣ же тетка?»

«— Она уходитъ каждый день, возвращается къ вечеру и всякой разъ приноситъ или какой-нибудь пищи, или денегъ; достаетъ мнѣ иногда работы, — но самой безъ нея не велитъ выходить никуда. Я терялась въ догадкахъ и спросила одинъ разъ: откуда она достаетъ все это? «Ахъ, матушка, ты не подумай, что я милостыню прошу»—отвѣчала она,—«у меня, слава Богу, еще кое-что есть; да я и пенсіонъ получаю послѣ мужа, хотя и не большой, да все же не умремъ съ голода».

« Но это кое-что заключалось въ недорогихъ вещахъ ея и гардеробѣ: она распродавала,

понемногу свои пожитки и тѣмъ поддерживала наше существованіе, платила за квартиру и каждый разъ покупала что-нибудь Алексѣю Ивановичу.

« Сперва впрочемъ была и у меня работа, за которую хорошо платили; потомъ работа стала перемѣжаться; тетушка нашла необходимымъ перемѣнить и квартиру—мы занимали двѣ комнаты,—и вотъ другой мѣсяцъ, какъ мы здѣсь, — средства же ея, кажется, совершенно истощились. Теперь мы ѣдимъ почти одинъ черствый хлѣбъ и перестали топить печь; не за себя, но за нее я стала страдать еще больше и боюсь впасть въ отчаяніе и ропотъ на Провидѣніе.

«— Вы перенесли съ кротостію и терпѣніемъ ваши несчастія»,—сказалъ я,—«онѣ уже кончатся сегоднишнимъ днемъ. Завтра перемѣнится ваша участь: за это я ручаюсь; но—Кузьмичъ сказалъ вамъ, что вашъ женихъ не доживетъ до завтра; гдѣ же вы его видѣли ?»

«— Вчера онъ былъ здѣсь».

«— И опять съ тѣми же предложеніями ? »

«— Нѣтъ, его предложенія на этотъ разъ были благороднѣе. Онъ предлагалъ мнѣ все, что только я захочу; удвоивалъ пенсію; соглашался на полную мою свободу; обѣщался быть моимъ отцемъ—не болѣе, и хотѣлъ немедленно освободить Алексѣя Ивановича, объясняя, что онъ не

переживетъ и дня. За все это онъ требовалъ только, чтобы я отказалась отъ жениха и уѣхала на время изъ Москвы».

«— Что же вы отвѣчали ему?»

«— Что и прежде».

«— Вы отказались?»

«— Да».

«— Вы необыкновенная, вы высокой души дѣвушка,—и достойны полнаго уваженія!»— Я нѣсколько разъ поцѣловалъ ей руку.—Теперь Кузьмичъ не будетъ безпокоить васъ своими предложеніями. Завтра я пріищу вамъ приличную квартиру; къ вечеру заѣду васъ увѣдомить и завтра же, или послѣ завтра—вы переѣдете.

«— Въ это же время хотѣлъ быть и Кузьмичъ: онъ далъ мнѣ сроку подумать двое сутокъ».

«—А, такъ мы съ нимъ увидимся!—очень радъ».

Послѣ нѣсколькихъ еще незначительныхъ переговоровъ, я деликатно, не оскорбляя ея, предложилъ съ своей стороны пособіе—на время, до освобожденія ея жениха; но она рѣшительно отказалась, увѣряя меня, что ни въ чемъ не терпитъ нужды, и продолжая снова упрашивать меня постараться о скорѣйшемъ освобожденіи Кедрова.

Я больше не смѣлъ напрашиваться своею помощью, распрощался съ Настей и уѣхалъ, сказавъ: до завтра.

День этотъ никогда не выйдетъ изъ моей памяти. Съ утра я поѣхалъ отыскивать квартиру для Насти, что было не совсѣмъ легко, по позднему времени года: одна мнѣ казалась очень неудобна, другая очень мала; та была ужъ высоко, та какъ въ подвалѣ; а главное—всѣ онѣ были не топленыя, и я не могъ тѣмъ же днемъ перевести Настю. Искрестивши полъ-Москвы, я придумалъ наконецъ взять на время номеръ въ гостинницѣ, отправился въ Лейпцигъ, какъ любимую Кедровымъ, и нанялъ тотъ же номеръ, въ которомъ онъ стоялъ.

Время было за полдень, я поторопился въ присутственныя мѣста, но хотѣлъ прежде провѣдать моего друга. Подходя къ рѣшеткѣ, я встрѣтилъ смотрителя: «Вы вѣрно навѣстить г. Кедрова?» — спросилъ онъ съ добродушной улыбкой, и на утвердительный отвѣтъ мой объявилъ, что онъ уже выпущенъ. Я удивился.

— Значитъ докторъ представилъ свидѣтельство? — спросилъ я,—но кто же взялъ его на поруки?

— И свидѣтельство докторъ представилъ, да по немъ еще ничего не успѣли сдѣлать; а выпустили потому, что внесены всѣ деньги на удовлетвореніе кредитора.

Я удивился еще больше, но никакихъ подробностей не могъ узнать отъ смотрителя; притомъ

я былъ въ затрудненіи на счетъ того, куда теперь отправился Кедровъ, не зная, гдѣ живетъ Настя, и потому, не желая терять времени, поспѣшилъ домой.

Здѣсь меня ждали новости не менѣе поразительныя: Кедровъ у меня уже былъ, разспрашивалъ, куда я отправился, но ничего не узнавъ, уѣхалъ, не оставивъ даже своего адреса. За тѣмъ мнѣ подали письмо; оно было отъ отца Кедрова, который просилъ сколько возможно поторопиться освобожденіемъ его сына; онъ не думалъ, что такъ далеко заведетъ сына страсть къ простой дѣвушкѣ; сознаетъ въ ней дѣйствительно что-нибудь необыкновенное и соглашается на всѣ желанія сына: «Онъ у меня одинъ», — писалъ почтенный человѣкъ,—«я хочу его видѣть счастливымъ, въ чемъ бы ни заключалось это счастіе; мнѣ не много жить—пусть онъ закроетъ мои глаза съ признательностію и любовью, — а тамъ, Его святая воля надъ нимъ! Поторопитесь повидаться и переговорить съ моимъ повѣреннымъ; объ отпускѣ денегъ на выкупъ сына и его первое обзаведеніе я ужъ писалъ къ нему вмѣстѣ съ симъ».

Но другъ мой былъ уже свободенъ и не счелъ нужнымъ торопиться на свиданіе съ повѣреннымъ его отца. Однако выпускъ его остался для меня загадкою: повѣренный безъ моего содѣй-

ствія, казалось мнѣ, не могъ распорядиться взносомъ денегъ.

Нѣсколько разъ я брался за шляпу, чтобы ѣхать отыскивать Кедрова, и снова клалъ ее, въ надеждѣ, что онъ самъ сей-часъ появится; въ такой нерѣшительности я оставался до шести часовъ. Наконецъ, горя нетерпѣніемъ видѣть Настю и сообщить ей пріятную вѣсть, я оставилъ записку Кедрову, на случай, если онъ пріѣдетъ, въ которой, обѣщаясь какъ можно скорѣе возвратиться, убѣдительно просилъ его остаться пока у меня и не безпокоиться о своей невѣстѣ: мнѣ не хотѣлось показать Кедрову настоящаго жилища его невѣсты и я надѣялся успѣть перевезти ее.

Въ комнаткѣ Насти я нашелъ только ее и Кузьмича, но въ какомъ видѣ! Нѣтъ, лучше передамъ всю эту сцену, какъ она происходила до минуты моего появленія.

Тетки, по обыкновенію, не было еще дома; за полчаса до моего прихода явился Кузьмичъ.

Комната была также сыра и холодна; снѣгъ осыпалъ полусгнившую раму и пробивался кое-гдѣ между верешками разбитыхъ и заткнутыхъ бумажками стеколъ; вѣтеръ завывалъ въ трубу, свистѣлъ въ тонкія стѣны и раскачавшуюся въ петляхъ дверь. Та же тонкая сальная свѣча совсѣмъ уже догорала, отбрасывая слабый свѣтъ,

и свѣтильня ея, достигая подсвѣчника, шипѣла и испускала смрадный запахъ. Настя, не ѣвшая цѣлый день, сидѣла въ такомъ же положеніи, какъ и наканунѣ, поджавши ноги и съёжась всѣмъ тѣломъ; она молилась за себя и своего жениха, она думала о благомъ Провидѣніи. Въ это время вошелъ Кузьмичъ.

Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Молча и мрачно окинулъ онъ взглядомъ всю комнату, и въ лицѣ его не было въ эту минуту ничего язвительнаго; но потомъ онъ какъ бы сдѣлалъ надъ собой усиліе и заговорилъ обыкновеннымъ своимъ тономъ:

«—Ну, что! одумались ли вы наконецъ? Утомились ли вы въ своихъ страданіяхъ и соглашаетесь ли на мои честныя предложенія?»

Настя не могла проговорить ни одного слова; она покачала только головою.

«—Хорошо! вы отвергаете мои предложенія; а если женихъ откажется отъ васъ, утомясь упорствовать противъ отца, что будетъ тогда съ вами?»

«—Я уже неоднократно умоляла его отказаться отъ меня: тогда я пошла бы въ монастырь и посвятила себя Богу.»

Кузьмичъ нѣсколько секундъ простоялъ молча, поникши головой и какъ бы что-то обдумывая.

«—Вы все надѣетесь, что вашего жениха освободятъ? — его другъ, можетъ быть, извѣстилъ васъ, что, по свидѣтельству доктора, онъ выйдетъ по болѣзни?—Не утѣшайте себя ложнымъ извѣстіемъ! если онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, то будетъ отправленъ въ арестантскую больницу, и все же не увидите вы его свободнымъ пять лѣтъ».

«— Я буду ждать пять лѣтъ».

« — Вы, стало-быть, очень любите его?

« — Онъ мой женихъ».

«— Да вѣдь вы, ожидая его, умрете съ голоду, бѣдное дитя!»

« — Пускай! обо мнѣ некому тужить!... я не боюсь смерти.... все, что было для меня драгоцѣннаго въ жизни,—это онъ, мой другъ, мой благодѣтель!... его отнимаютъ—и я покоряюсь судьбѣ.... я умру безъ ропота, — не посрамивъ собою памяти моихъ неизвѣстныхъ мнѣ родителей!—Идите!—я остаюсь на произволъ Провидѣнія!...»

Она произнесла послѣднія слова съ самоотверженіемъ и высокимъ благоговѣніемъ. Кузьмичъ затрясся, застоналъ и,—съ восклицаніемъ: «это предсмертныя слова ея матери!! прижалъ ее къ своему сердцу.

«—Нѣтъ, нѣтъ! ты не умрешь, дитя мое, дочь моя!... ты будешь—ты должна быть счастлива,

чтобы утѣшить и простить безумнаго, жестокаго старика!...

Въ минуту эту вошелъ я.

— А, вы кстати! — сказалъ онъ, отирая лице, орошенное слезами;—вотъ она, моя тайна!—Вы хотѣли, чтобы я открылъ ее, вы открыли ее сами, но она должна же была сдѣлаться вамъ извѣстною.

— Я очень радъ,—сказалъ я весело,—что все кончается благополучно!—Пойдемте, невѣста, достойная моего друга,—я провожу васъ въ другую, болѣе приличную для васъ квартиру.

— За чѣмъ же?—спросили въ одинъ голосъ Кузьмичъ и Настя.

— Для жениха ея будетъ тяжко видѣть ее въ такомъ положеніи,—замѣтилъ я, обращаясь къ Кузьмичу.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ Кузьмичъ,—пусть онъ найдетъ ее такъ, какъ она ждала его!

— Да, я хочу видѣть ее такъ, какъ она ждала меня! — сказалъ Кедровъ, входя въ комнату и бросаясь въ объятія Насти.

Въ-слѣдъ за нимъ показалась тетка.

Свѣча едва освѣщала комнату; женихъ и невѣста сжимали другъ друга въ объятіяхъ и плакали отъ радости и счастія; Кузьмичъ смотрѣлъ на нихъ съ умиленіемъ и безпрестанно подносилъ къ глазамъ платокъ; я былъ прони-

кнутъ чувствомъ высокаго благоговѣнія къ Тому, Кто такъ премудро и неизъяснимо защищаетъ добродѣтель; руки мои сами-собой сложились крестомъ и глаза невольно устремлялись къ небу; тетушка съ распростертыми руками и открытымъ ртомъ въ недоумѣніи посматривала на всѣхъ.

Но оставимъ такъ пока эту картину и посмотримъ, что вызвало Кузьмича на такой странный поступокъ съ Настею.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, ВЪ КОТОРОЙ КУЗЬМИЧЪ ОБЪЯСНЯЕТЪ НѢСКОЛЬКО, КТО НАСТЯ И ПОЧЕМУ ОНЪ НАЗВАЛЪ ЕЕ ДОЧЕРЬЮ.

«Онъ преслѣдовалъ меня какъ бичъ, онъ мучилъ меня какъ тиранъ; но прошли минуты ослѣпленія, и я нашелъ въ немъ покровителя и отца».

« Я не буду вдаваться въ подробности, — говорилъ Кузьмичъ,—о родителяхъ Насти; скажу только, что отецъ ея былъ искусный художникъ и добрый человѣкъ, но человѣкъ слабаго характера и главное—невоздержной жизни. Небольшое состояніе, которое получилъ онъ по наслѣдству и за женой, до того увеличили его всегдашнюю безпечность, что онъ вскорѣ бросилъ всѣ свои занятія и прекратилъ сношенія съ людьми, принимавшими въ немъ искреннее и живое участіе, а наконецъ разстроилъ и свое состояніе и свое здоровье.

« Мать, напротивъ, была женщина разсудительная и чрезвычайно строгой нравственности, но очень мягкаго и нѣжнаго сердца. Любя мужа, она безропотно переносила не только всѣ недостатки и лишенія, которыя съ каждымъ днемъ становились для нея ощутительнѣе и конечно, какъ хорошенькой женщинѣ, не могли быть не тягостны; но она переносила и всѣ капризы мужа и всѣ незаслуженные упреки и сѣтованія его, съ примѣрнымъ терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей.

« Вы понимаете, что подобная жизнь, какую они проводили, должна была дѣйствовать разрушительно какъ на того, такъ и на другаго ?

« Въ этотъ-то послѣдній періодъ ихъ увядающей жизни одинъ только человѣкъ не покидалъ еще и старался сколько-нибудь облегчить злополучную ихъ участь; этотъ человѣкъ былъ—я.

« Нужно ли объяснять вамъ, что всѣ мои совѣты, всѣ мои убѣжденія—перемѣнить образъ жизни, хотя и принимались художникомъ съ признательностію, но оставались безуспѣшными; онъ такъ вовлекся, такъ сроднился съ своими привычками, что никакая сила не могла остановить его и — онъ умеръ, къ прискорбію жены и сожалѣнію всѣхъ, кто только зналъ его, прося меня быть покровителемъ его семей-

ства. Но жена не долго томилась послѣ своего мужа: въ ней уже были признаки чахотки; при появленіи же на свѣтъ дочери, болѣзнь развилась быстро, и всѣ медицинскія пособія остались безполезными.

«Умирающая взяла на руки свою дочь и передала мнѣ, какъ единственному, оставшемуся для нея въ мірѣ человѣку, который могъ замѣнить сиротѣ отца и мать. Слова ея были убѣдительны и трогательны, они проникали до глубины души и извлекали невольныя слезы. И могъ ли я оставаться хладнокровнымъ, когда несчастная малютка оказалась на моихъ рукахъ! да, невольныя слезы, слезы искренняго участія и состраданія оросили мое лицо; я прижалъ къ груди моей сиротку и далъ торжественное обѣщаніе матери не покидать ея дочь никогда и замѣнить въ полномъ смыслѣ роднаго отца. Принявъ отъ меня это добровольное и искреннее обѣщаніе, страдалица спокойно и на-вѣкъ закрыла глаза свои.

«Такъ, сударь, въ порывѣ чувствъ христіанина и добраго человѣка, я далъ это обѣщаніе и не подумалъ, какое тяжелое бремя, какую великую обязанность я добровольно возложилъ на себя!

«Въ первые дни Настиной жизни, послѣ смерти матери, я съ усердіемъ занялся сирот-

кою; помѣстилъ ее въ надежныя руки добраго человѣка,—какъ и вамъ уже извѣстно;—собралъ незначительные пожитки, доставшіеся ей, обратилъ ихъ въ капиталъ, къ которому прибавилъ еще отъ себя кое-что и пустилъ въ торговый оборотъ.

«Потомъ я опять занялся своимъ семействомъ, занялся своею торговлею, и Настя осталась для меня на второмъ планѣ; только Иванъ напоминалъ мнѣ о ея существованіи, исполняя мое приказаніе: увѣдомлять о ней, когда онъ будетъ за чѣмъ-нибудь въ Москвѣ.

«Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и Настя подросла. Мысль, внушенная Ивану священникомъ, помѣстить сиротку въ пріютъ, мнѣ понравилась и я сей-часъ же привелъ ее въ исполненіе. Но черезъ два года я испугался своей рѣшимости и быстрыхъ успѣховъ Насти. Какая жизнь предстоитъ ей при дальнѣйшемъ образованіи?—подумалъ я, когда учителя и надзирательница осыпали ее похвалами, — кто будетъ руководить ея неопытнымъ сердцемъ? я! — Но признаетъ ли она надъ собою права мои; повѣритъ ли она, что ея мать передала ее на мои руки? А если она отвергнетъ меня и сдѣлается жертвою обмана, тогда не я ли буду отвѣчать за нее передъ моею совѣстью и передъ тѣнью

ея матери? При томъ же, какую партію составитъ она со временемъ, она, хотя и образованная, но все же бѣдная дѣвушка, безъ защиты, безъ покровительства?

«Я не могъ колебаться болѣе, предположенія мои казались мнѣ очень основательными, и я на другой же день взялъ Настю изъ пріюта.— Ей тогда было еще не больше четырнадцати лѣтъ; я хотѣлъ, и имѣлъ время, обдумать хорошенько, какъ устроить ее приличнѣе, — и оставилъ опять пока у Ивана, и занялся снова своими дѣлами, и снова позабылъ про Настю!

«А между тѣмъ бѣдная дѣвочка проводила утомительную жизнь, подъ наблюденіемъ злой Ѳеоны; а между тѣмъ Ѳеона придумала, — для собственнаго развлеченія, — и уговорила деверя отпускать Настю съ самоваромъ въ рощу и тѣмъ быть, по ея словамъ, хоть чѣмъ-нибудь полезною.

«Нѣсколько времени она уже отправляла должность самоварницы, какъ я извѣстился объ этомъ; захотѣлъ взглянуть на нее и, признаюсь, не почелъ унизительнымъ ея положеніе. Мнѣ даже показалось согласнымъ съ моими видами такое занятіе Насти; я подумалъ, что если порядочный человѣкъ встрѣтитъ ее тамъ и найдетъ достойною для себя подругою, то это произойдетъ безъ всякихъ корыстныхъ, съ его сто-

роны, видовъ, и мнѣ останется только упрочить счастіе порученной мнѣ сиротки.

«Съ этой мыслью я сталъ чаще заниматься Настей, наблюдать за поступками ея и ея посѣтителей; отводить тѣхъ, которые казались мнѣ не достойными ея, или способными завлечь ее въ пагубныя сѣти, хотя и твердо былъ увѣренъ, что Настя слишкомъ умна и осторожна для того, чтобы попасть въ подставленную ей ловушку.

«И такъ я былъ покоенъ, пока не появились вы, Сергѣй Сергѣичъ! Да, тутъ моя увѣренность исчезла. О товарищѣ вашемъ я не заботился: онъ показался мнѣ слишкомъ угрюмъ и грубъ для того, чтобы плѣнить скромную, нѣжную дѣвушку; ваши же тонкій умъ, проницательный взглядъ и любезныя манеры представились мнѣ очень опасными, и я, зная нѣсколько ваши связи, употребилъ маленькую хитрость, чтобы отвлечь васъ отъ рощи молвой, въ чемъ помогъ мнѣ также и Попопкинъ.

«Но судьбы руководили бѣдную малютку!— Кто мнѣ меньше всего казался опаснымъ, тотъ-то и отнялъ порученное мнѣ дитя.

«Замѣтивъ два, три взгляда, брошенные Настей на вашего друга, такихъ взгляда, въ которыхъ загоралось какое-то чувство, я счелъ

нужнымъ отвлечь его и навелъ Попошкина,— это неудалось, — я отстранилъ Настю; но онъ опять отыскалъ ее, однако попался на письмѣ. При свиданіи нашемъ, онъ хотя и сдѣлалъ ей предложеніе, но это было выражено слишкомъ уклончиво; я не повѣрилъ ему въ чистотѣ чувствъ и кончилъ рѣшительнымъ отказомъ. И я думалъ, что кончилъ и распрощался съ нимъ навсегда, такъ какъ онъ оставилъ деревню и уѣхалъ.— Больную же Настю, по моему распоряженію, перевезли въ домъ лѣкаря, который былъ извѣстенъ мнѣ своею добросовѣстностію.

«Когда такимъ образомъ Настя была отстранена отъ опасности и нельзя было ожидать больше появленій г. Кедрова, я уѣхалъ изъ Москвы по дѣламъ, въ твердой увѣренности, по возвращеніи своемъ, заняться исключительно сироткою и устроить ей партію, тѣмъ болѣе, что незначительный капиталъ ея обратился уже въ порядочную сумму, которою она могла безбѣдно содержать себя и мужа.

«Здѣсь бы нужно было остановиться мнѣ своимъ разсказомъ, потому что дальнѣйшія событія вамъ извѣстны всѣ и ничего не заключаютъ для меня лестнаго. — Нехочу оправдываться, — я былъ слишкомъ несправедливъ и жестокъ, какъ въ отношеніи сиротки, такъ и вашего благороднаго друга.

«Не столько боязнь за участь Насти, не столько предубѣжденіе къ жениху ея, въ которомъ я все еще сомнѣвался, возстановляли меня противъ нихъ, — но месть, безсознательная месть вызывала меня на безразсудные поступки: я хотѣлъ, вопреки искреннихъ совѣтовъ и убѣжденій священника и лѣкаря, наказать ихъ за своевольную, безъ моего согласія, помолвку, какъ будто судьба Насти зависѣла совершенно отъ меня и я имѣлъ безпредѣльное право на ея повиновеніе.

«Вотъ до чего я былъ ослѣпленъ и пораженъ такимъ неожиданнымъ для меня событіемъ! — «Разлучить ихъ, во что бы то ни стало!!» — гремѣло въ ушахъ моихъ и я, повинуясь этому лукавому внушенію, изыскивалъ всѣ средства, нисколько не заботясь о томъ, будутъ ли они достойны честнаго и справедливаго человѣка!

«Меня не трогало устроенное мною жалкое положеніе Алексѣя Иваныча въ Ямѣ; меня не укрощали слезы и нищета Насти, — чему я же былъ главною причиной,—и если я освободилъ его отъ ареста, то вовсе не по чувству раскаянія, нѣтъ! я готовилъ новое для нихъ испытаніе. Только голосъ и предсмертныя слова матери, произнесенныя Настей, образумили меня и показали, въ какомъ я нахожусь заблужденіи.—

О, я жестоко поступилъ съ ними! — Но я постараюсь, чтобы мое чистосердечное раскаяніе загладило минутное ослѣпленіе!»

Такъ кончилъ Кузьмичъ объясненіе и оправданіе своихъ поступковъ съ ввѣренною ему дѣвушкою.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

« Все, что было, то пройдетъ,
« Что пройдетъ, то будетъ мило.

Теперь возвратимся къ нашей героинѣ и посмотримъ, искреннее ли раскаяніе было Кузьмича.

— Вы не отвергли руки простой дѣвушки,— сказалъ онъ, обращаясь къ моему другу, когда прошли первыя минуты общей радости;—и Богъ награждаетъ вашъ безкорыстный поступокъ, сударь: вы получаете руку богатой невѣсты. — Какъ опекунъ и другъ ея, буду просить васъ исполнить мои нетягостныя желанія,—продолжалъ Кузьмичъ. —Они заключаются въ томъ, чтобы вы обвѣнчались безъ свидѣтелей въ селѣ и сейчасъ же уѣхали за границу на три года; это необходимо для окончательнаго ея образова-

нія, чтобы не краснѣть за нее въ своемъ кругу. Каждый годъ вы будете получать достаточную сумму, для того, чтобы можно было вамъ не стѣсняться въ своемъ вояжѣ. При томъ же, путешествуя, вы лучше поймете и оцѣните другъ друга: я знаю это по опыту. Возвратясь изъ-за границы, вы въѣдете въ собственный домъ, который я постараюсь отдѣлать въ самомъ изящномъ вкусѣ; объ остальномъ распорядитесь сами; въ ваше отсутствіе я положу двѣсти тысячъ на имя вашей жены; а тамъ — я уже старъ: изъ состоянія, которое я оставлю сыну, можно будетъ удѣлить еще что-нибудь и ей.

Нужно ли объяснять, съ какою благодарностію, съ какою признательностію были приняты предложенія необыкновеннаго старика, который за всѣ свои награжденія просилъ отъ Кедрова только одного: сдѣлать счастливою его питомицу.

Мы отпраздновали вскорѣ свадьбу; вѣнчалъ тотъ добрый священникъ, у котораго училась Настя; свидѣтелями были: я, Кузмичъ, тетка и лѣкарь съ дочерью.

Отецъ Кедрова полюбилъ свою невѣстку и не хотѣлъ-было отпускать ее за границу: «что выдумали тамъ съ Кузьмичемъ? какого ей еще образованія?»—говорилъ онъ сыну,—«она и теперь умнѣе и граціознѣе тебя».

Я часто вижу ихъ по пріѣздѣ изъ путешествія; Настю нельзя и узнать: она совсѣмъ перемѣнилась и въ пріемахъ и въ обращеніи; если же что и осталось въ ней прежняго, такъ это доброта и кротость. — Нужно ли и объяснять, что они другъ къ другу какъ сей часъ изъподъ вѣнца.

Старикъ Кедровъ передалъ имѣніе свое сыну, а самъ переселился къ нимъ—на покой. Тетку они еще прежде приняли въ свой домъ.

Кузьмичъ также предоставилъ свою торговлю сыну, а самъ живетъ у него на покоѣ. Онъ совсѣмъ перемѣнился въ характерѣ и очень любитъ Настю.

Что же касается до свекра, то онъ, какъ говорится, не надышетъ на своего ангела—на свою ненаглядную Настю. Кромѣ того, что онъ скучаетъ, когда она не съ нимъ, не ѣстъ, не пьетъ, что не ею предложено,—онъ самъ оправляетъ ее, окутываетъ,—даже самъ надѣваетъ на нее теплые сапоги, отпуская куда-нибудь зимою; и чтобы огорчить старика, стоитъ только отказать ему въ этомъ невинномъ удовольствіи, въ этой истинно отеческой заботливости. А сколько приказаній сыну—беречь ее, наблюдать за ней, не давать много танцовать, не давать пить холоднаго! А какъ онъ ожидаетъ ея возвращенія!—

не останется ни одного окна, въ которое бы онъ не заглянулъ, ни однихъ часовъ, къ которымъ бы не подошелъ: «а, вотъ ужъ и одиннадцать!»— говоритъ онъ, обращаясь къ теткѣ, — «теперь скоро пріѣдутъ!»

За то и Настя лелѣетъ его больше чѣмъ роднаго отца. Если она въ гостяхъ, то всегда торопится возвратиться домой къ тому времени, какъ укладываться старику, и боится опоздать, зная, что безъ нея не уснетъ онъ, да и не ляжетъ.—Утромъ тоже встаетъ она въ то время, какъ просыпаться свекру.

О другихъ лицахъ разсказа не стоитъ и поминать.

Дмитрій Николаичъ кончилъ. На всѣхъ лицахъ замѣтно было размышленіе; казалось, они были тронуты этимъ простымъ разсказомъ. Наконецъ хозяйка встала и, подавая руку разскащику, сказала:

— Я, да вѣроятно и всѣ слушатели, очень вамъ благодарны.—Признаюсь, мнѣ теперь совѣстно, что я сначала посмѣялась надъ вами; вѣрю, что природа человѣческая вездѣ одинакова, и много въ ней неразгаданнаго!

Гости также благодарили его.

— Позвольте однако замѣтить вамъ, Дмитрій Николаевичъ,—сказала опять хозяйка, — въ вашемъ разсказѣ все это происходило, какъ будто въ самомъ дѣлѣ; а мы никогда не слыхали о подобномъ происшествіи въ Москвѣ?

— Вы остались довольны разсказомъ, если благодарили не шутя?!..... остальное же считайте хоть за фантазію.

Конецъ.

LIBRARY OF CONGRESS
000252788 59